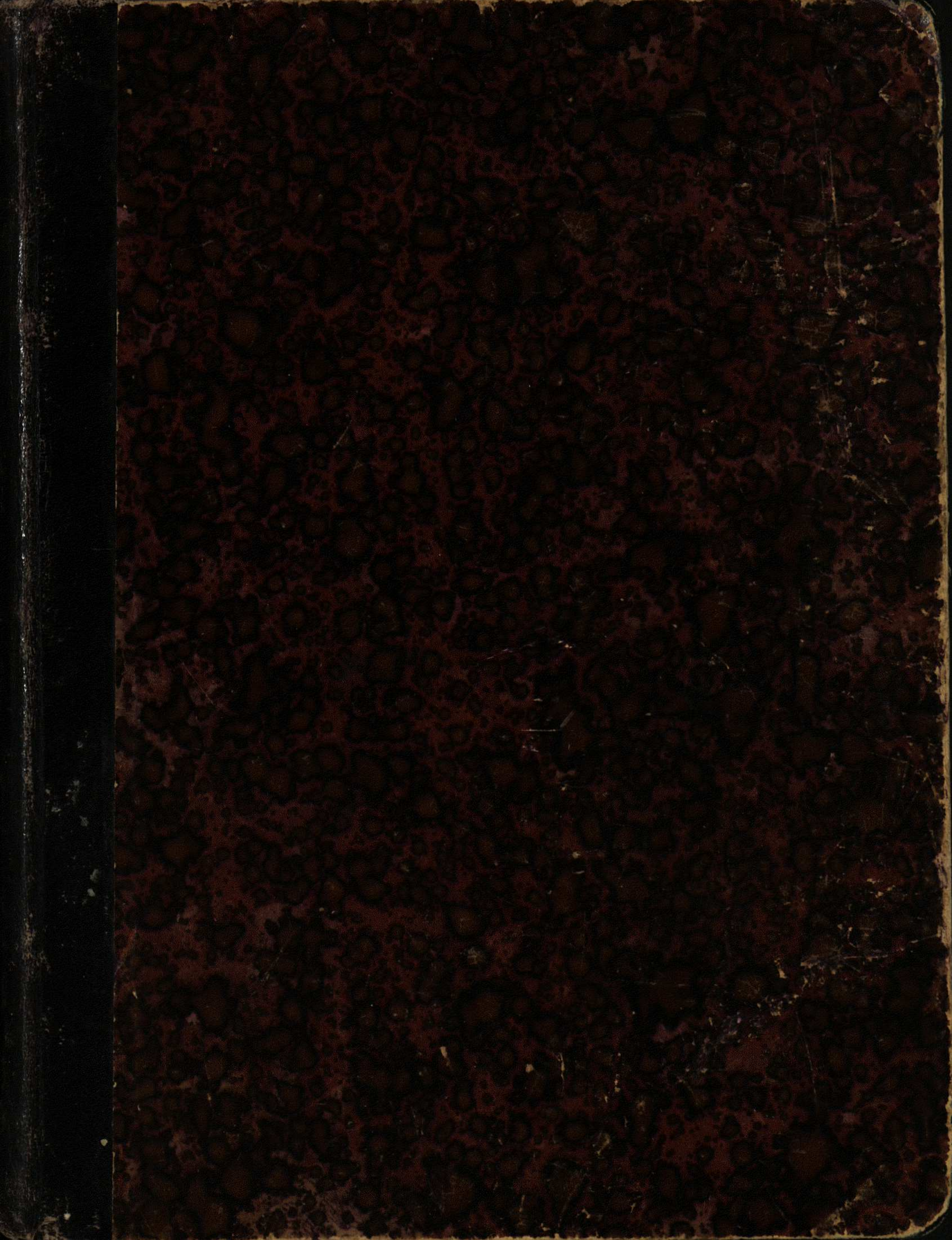

Raamatu palwe lugejale.

Sinu ette, lugeja, tulen ma palwega. Hoia mind määrdimise ja rikkumise eest, sest ma ei ole ainult sinu, waid ka kôigi teiste tarwitamiseks.

Tood sa mind lugemiseks, pane mulle kohe puhas paber ümber.

Ära puutu mind määrdinud kätega: ma ei julge siis ennast teistele näidata.

Ära keera mind lugedes kahekorra, sest nii murdub mu selg ja lehed rebenewad lahti.

Ära jäta mind wäikeste laste ette.

Ära pane mind ka kärbeste eest kaitseks piima wõi jooginõu peale, sest nii niiskub mul kaane paber lahti.

Ära keera lehe nurka kahekorra. Kui sa kardad, et lugemise järje ära unustad, pane paberisiil ehk pildikene märgiks mulle wahele.

Ära kirjuta ega kriipselda minu lehtede serwale — see on inetu. Märkuste tegemiseks soeta endale raamatukene wõi wõta leht walget paberit.

Leiad sa minus lahtise lehe wõi mõne muu wea, teata sellest koguhoidjale.

Iseäranis hoia wanu, kulunud raamatuid, sest paljusid neist ei ole enam müügil.

* * *

Armas lugeja! Minu palwet kuuldes wast alles märkad, kui halwasti sa seni minuga ümber oled käinud.

Palun edaspidi mind paremini hoida!

RAAMAT.

Tallinna Eesti Kirj.-Ühisuse trükikoda, Pikk t. 2.

В. КОРСАКЪ

У КРАСНЫХЪ

ПАРИЖЪ
1930

E. W. RIIGI RAUDTEEDE WALITSUS.
A 4940.
MATUKOGU.

Посвящаю моей женѣ.

ГЛАВА I

ДЫМЪ ОТЕЧЕСТВА

Я попалъ въ плѣнъ 2 ноября 1914 года. 18 іюля 1918-го года меня, какъ больного, нѣмцы отправили въ Россію.

До Молодечно мы ѣхали безъ пересадокъ. Отсюда уже шла широкая колея, и прибывшихъ плѣнныхъ забралъ русскій санитарный поѣздъ.

Утромъ, въ концѣ іюля, мы пріѣхали въ Оршу. Изъ окна вагона я увидѣлъ нѣмецкихъ солдатъ, бродившихъ вдоль линіи проволочнаго загражденія. Это была граница германской оккупаціи.

Сперва поѣздъ остановился на нѣмецкой сторонѣ вокзала; потомъ его перевели на русскую. Проволока и часовые остались позади. Передъ нами открылась Россія, или вѣрнѣе Р. С. Ф. С. Р.

Тутъ уже все было другое, даже воздухъ. Скверно запахло невычищенными уборными. На путяхъ валялись порванныя газеты, старые бинты, обрывки рогожъ, окурки, шелуха отъ сѣмячекъ.

Вѣтерокъ изъ оккупаціи гналъ этотъ мусоръ впередъ, а встрѣчный — возвращалъ его обратно.

На невыметенной платформѣ толпилось много публики, провинціальнаго вида, въ потертыхъ костюмахъ. Вмѣсто жандарма, стоялъ сонный, лохматый парень съ

шашкой на лакированной портупеѣ и съ винтовкой въ рукахъ.

Старшій врачъ, похожій на Чехова, прошелъ по вагонамъ и объявилъ, что поѣздъ идетъ на Смоленскъ и Орелъ. Кто ѣхалъ въ другую сторону — приглашались слѣзть.

Мнѣ надо было попасть въ Москву, и я рѣшилъ пересѣсть въ Смоленскѣ. Стояли мы въ Оршѣ часа два. Я вылѣзъ изъ вагона, размять ноги. Недалеко отъ насъ, на запасныхъ путяхъ стояло много поѣздовъ съ бѣженцами изъ Польши и Литвы.

Они возвращались къ роднымъ мѣстамъ — мужчины, женщины, дѣти.

Одни качали воду, другіе варили обѣдъ, нѣкоторые разговаривали.

Какая-то женщина сидѣла на приставленной къ фонарю лѣстницѣ и болтала ногами въ черныхъ заштопанныхъ чулкахъ.

Недалеко отъ нея пожилой мужчина въ жилеткѣ и рубашкѣ на выпускъ раздувалъ сапогомъ самоваръ.

— Пошли мы къ комиссару, — громко разсказывала женщина, — спрашиваемъ: «когда пропускъ будетъ? вторую недѣлю ждемъ, ѣсть нечего». А онъ: «не моя вина, это нѣмцы не пускаютъ». А дѣло извѣстное — надо взятку дать комиссару, или погрозить, какъ слѣдуетъ. До насъ тоже нѣсколько бѣженскихъ поѣздовъ не пускали. Тогда мужчины собрались, поймали вечеромъ этихъ двухъ комиссаровъ и въ ближнемъ логу обоихъ убили. На другой же день кто-то изъ Смоленска пріѣхалъ: «вотъ вамъ пропуска, только уѣзжайте скорѣе». Новаго прислали теперь. Все равно толку мало.

Раздувъ самоваръ, мужчина сѣлъ на пустой боченокъ и, вытянувъ ногу въ красномъноскѣ съ голой пяткой, сталъ надѣвать сапогъ.

— Точно, Марія Дмитріевна, тутъ самъ чортъ копыта поломаетъ. Делегаты съ нашего поѣзда у нѣмцевъ были — «пропустите, пожалуйста». А нѣмцы — «да, хоть сейчасъ, ѣзжайте, у насъ для васъ препятствій нѣтъ». Кинулись мы къ русскому комиссару. Тотъ ногами затопалъ, руками замахалъ — «нѣмцы не пускаютъ». Вотъ и пойми тутъ.

Онъ свернулъ собачью ножку и закурилъ.

— А у нашихъ сосѣдей дочка умерла. Мать хоронить не позволяетъ. То плачетъ, то смѣется. Видно тутъ не въ порядкѣ, — и мужчина покрутилъ пальцами у лба.

— Товарищъ, — обратилась женщина къ медленно шедшему желѣзно-дорожнику, — когда вы насъ пропустите?

— Не до васъ теперь, гражданка. Сейчасъ мы золото въ Германію возимъ и драгоцѣнности, что Богъ комиссарамъ послалъ. Такъ-же и хлѣбъ въ подарокъ германскому пролетаріату посылаемъ. Паровозовъ и не хватаетъ.

Я прошелъ дальше. Недоконченный баракъ весь былъ заваленъ внутри экскрементами. Грязь и зловоніе особенно поражали послѣ нѣмецкой чистоплотности и аккуратности.

Въ товарномъ вагонѣ, на вѣнскомъ стулѣ сидѣла молодая, худая женщина съ безпокойными темными глазами. Она держала на рукахъ подушку и покачивая ее, пѣла вполголоса:

Седи котку на плотку
И мруга.
Піосенка та крутка
Не длуга.

Около полудня мы двинулись.

На остановкахъ плѣнные сходили и знакомились съ тѣмъ, что было новаго.

А новаго было много. Во-первыхъ, цѣны. По сравненію съ прежними они увеличились въ 200-400 разъ.

Плѣнные солдаты, среди которыхъ было не мало сочувствующихъ большевикамъ, слыша, что фунтъ хлѣба стоитъ 15 рублей, селедка — пять, коробка спичекъ — три, только качали головами. Ихъ мечты — поѣсть каши, картофеля, хлѣба, сала — разсѣивались, по мѣрѣ того, какъ они знакомились съ новыми цѣнами.

Жалко было на нихъ смотрѣть. Они видѣли, что въ Россіи ихъ самихъ и ихъ бывшихъ офицеровъ встрѣчаютъ, прежде всего, голодъ и равнодушіе. Толпа, бродившая по вокзаламъ, ругалась, щелкала сѣмячки, но на плѣнныхъ не обращала никакого вниманія. А тѣ, думавшіе ужаснуть міръ разсказами о своихъ страданіяхъ, не находили слушателей.

На одной изъ станцій стоялъ пустой истерзанный пассажирскій поѣздъ. Я подошелъ посмотрѣть, какъ отразились событія на неодушевленныхъ предметахъ.

Стоявшій посрединѣ пульмановскій вагонъ перваго класса весь былъ покрытъ надписями, сдѣланными мѣломъ. Одна изъ нихъ, написанная буквами побольше, говорила, что это — штабъ Московской боевой дружины, не помню ужъ, какого района; другія — помельче указывали на помѣщенія товарища командира, начальника штаба, канцеляріи.

Я рѣшилъ рискнуть — зайти внутрь и посмотрѣть, что тамъ дѣлается. Двери были открыты, я вошелъ въ корридоръ. На полу — масса порванныхъ, замасленныхъ бумагъ; полуразбитая бутылка изъ подъ коньяку «Мартель», грязныя портянки и около нихъ — дорогой, полуразорванный шелковый женскій шарфъ. Я повѣсилъ его на окно. Отъ тонкой, нѣжной матеріи еще

шелъ запахъ духовъ. Открылъ первое купэ; на полу осколки стекла, корки хлѣба, шелуха отъ картофеля; на столикѣ бумажка съ солью, сморщенный соленый огурецъ; обивка съ одного дивана была полусодрана; на другомъ — валялась селедочная головка и рыбьи кости; тутъ же пузырекъ изъ-подъ кокаина. Воздухъ — смѣсь махорки, селедки, немытыхъ ногъ. Въ сосѣднемъ купэ стопкой лежали газеты. Я взялъ часть и вышелъ.

Придя къ себѣ, я началъ разбираться въ печатномъ матеріалѣ. Ничего особеннаго: обыкновенныя, революціонно-истерическія словоизверженія. Въ концѣ одного воззванія я насчиталъ семь «да здравствуетъ».

Должны были здравствовать вождь пролетаріата Ленинъ, совѣтъ народныхъ комиссаровъ, міровая революція, диктатура пролетаріата, боевая дружина и т. д. и т. п. Послѣднимъ здравица поминала товарища командира боевой дружины Московскаго района имярекъ. Каждая здравица сопровождалась тремя восклицательными знаками впереди и тремя — позади. Знаки походили на частоколъ изъ дубинокъ и, какъ будто, грозили тѣмъ, кто не сталъ бы здравствовать. Часто между восклицательными путались и вопросителные знаки. Солдаты, ѣхавшіе со мной въ вагонѣ, сначала набросились на газеты, но скоро разочаровались.

— Этимъ сытъ не будешь...

Въ Смоленскъ мы прибыли подъ вечеръ. Ближайшій поѣздъ въ Москву отходилъ почти черезъ сутки. Всѣ москвичи, въ томъ числѣ и я, рѣшили переночевать въ санитарномъ поѣздѣ, такъ какъ онъ, въ ожиданіи продуктовъ, оставался на станціи до вечера слѣдующаго дня.

Насъ поставили на запасный путь, покормили макаронами, и мы улеглись. Всю ночь была слышна стрѣль-

ба — стрѣляли отъ скуки и для собственной бодрости желѣзнодорожные милиціонеры.

Это показалось намъ дикимъ — мы всѣ были воспитаны въ уваженіи къ патронамъ и въ страхѣ отвѣтственности за ихъ безцѣльную трату.

Утромъ воды въ вагонахъ не оказалось; докторъ сообщилъ, что санитары отказались носить воду въ вагоны, за исключеніемъ вагона операціонной и вагона съ лежачими больными.

— Господинъ докторъ, — сказалъ бѣлый, распухшій солдатъ, — если лежачихъ у насъ нѣтъ, то и ходячихъ мало наберется.

— Что я могу подѣлать? — докторъ пожалъ плечами и ушелъ.

Всѣ, кто могъ выйти, пошли отыскивать водопроводъ, чтобы самимъ умыться и принести воды тѣмъ, кто не могъ ходить. А такихъ было не мало.

Ѣсть намъ въ поѣздѣ не дали: Смоленскъ значился питательнымъ пунктомъ; мы должны были получить пищу оттуда. Въ полдень насъ позвали на обѣдъ.

Отправились на питательный пунктъ.

— Смотрите, Максимъ Горькій, — шепнулъ мой сосѣдъ, когда мы разсаживались за столами на громадной деревянной платформѣ.

Я взглянулъ. Около небольшого амбарчика ходилъ красногвардеецъ. На немъ былъ сѣрый пиджакъ, штаны на выпускъ, кепка на затылкѣ. Въ рукахъ онъ неумѣло держалъ винтовку. Его невыразительное, мѣщански-тупое, писарского типа лицо дѣйствительно чѣмъ-то напоминало знаменитаго русскаго писателя. Обходя вокругъ амбарчика, красногвардеецъ что-то мурлыкалъ. Я прислушался.

«Въ тиши ночной,
Въ тиши глубокой,
Качался филинъ совоокай».

Намъ сначала дали по куску хлѣба. Хлѣбъ былъ черный, какъ деготь, и съ остреями овса и ячменя. Кое-кто началъ жевать его; потомъ выплюнули осторожно въ руку и бросили. Затѣмъ передъ каждымъ поставили по мисочкѣ съ горячей водой. Вода была мутная, плавало немного какой-то шелухи. У себя я нашелъ три гречневыя крупинки и я былъ изъ самыхъ счастливыхъ. Нѣкоторые попили воды, но большинство къ хлѣбу и «кашѣ» не притронулось.

Что чувствовали при этомъ вернувшіеся изъ плѣна солдаты — я не могу сказать. Но я не рѣшался взглянуть въ ихъ сторону, чтобы не встрѣтить взгляда крайняго отчаянія.

Слѣдующимъ номеромъ было посѣщеніе агитаціоннаго пункта, куда насъ пригласили сейчасъ-же послѣ обѣда. Агитаціонный пунктъ находился въ томъ зданіи, гдѣ при старомъ режимѣ помѣщался собственно питательный пунктъ.

Но послѣ революціи изъ этого зданія рѣшили отпускать не тѣлесную пищу, а духовно-революціонную. Въ громадной столовой стояло множество прекрасныхъ никкелированныхъ кубовъ для полученія кипятку; теперь они всѣ были покрыты темнымъ налетомъ; раскрытыя кухни представляли мерзость запустѣнія. Въ комнатахъ, гдѣ жилъ раньше служебный персоналъ, помѣщались агитаторы.

Одинъ изъ нихъ вышелъ насъ поучать. Это былъ студентъ въ форменномъ пальто; вмѣсто оборванныхъ пуговицъ виднѣлись англійскія булавки. Голова была всклокочена, одна щека — ярко красная: агитаторъ ви-

димо только что проснулся. Чтобы откинуть волосы, упорно лѣзшіе въ глаза, студентъ все время трясъ головой.

Десятка два солдатъ окружили его.

— Товарищи, вы находитесь сейчасъ въ самой свободной странѣ. Земля принадлежитъ крестьянамъ, фабрики и заводы — рабочимъ. Теперь никто не въ состояніи вырвать у васъ вашъ кусокъ хлѣба. Вы сами станете ѣсть его. Вы не станете помирать отъ голода, какъ помирали отъ царскаго режима. Долой паразитовъ! Да здравствуетъ вождь пролетаріата Ленинъ!..

На этомъ рѣчь кончилась. Солдаты стояли, уныло повѣсивъ головы. Они походили скорѣе на обвиняемыхъ, чѣмъ на жителей самой свободной страны. Всѣ разошлись въ гробовомъ молчаніи.

Послѣ митинга, ѣхавшіе въ Москву сгрузили съ поѣзда вещи и отнесли ихъ на вокзалъ. Такъ какъ времени было много, я пошелъ погулять. Около депо, вдоль путей, чуть не на версту, тянулась площадка. Она была завалена грузовыми, лазаретными и легковыми автомобилями. Это были дорогія, англійскія машины, гнившія и ржавѣвшія на открытомъ воздухѣ, безъ всякаго присмотра.

На обратномъ пути, на площади, передъ вокзаломъ, мнѣ повстрѣчался господинъ въ дорогомъ костюмѣ, съ уютнымъ брюшкомъ, съ очень жизнерадостными глазками и золотой цѣпочкой на бархатномъ жилетѣ. Онъ былъ окруженъ красногвардейцами.

— Кто это? — справился я у пожилого человѣка въ поддевкѣ.

— Комиссаръ.

По указанію комиссара, красногвардейцы бросались на прохожихъ и приводили ихъ къ нему. У схваченныхъ отбирали золотыя и серебряныя вещи. На мо-

ихъ глазахъ привели высокую дѣвушку съ тонкими бровями и темными, какъ фіалки, глазами.

Свои аметистовыя сережки она отказалась снять. По знаку комиссара одинъ красногвардеецъ бросился къ дѣвушкѣ и выдернулъ серьги, порвавъ мочку ушей. Показалась кровь.

Толпа тихо ахнула.

— Что такое? — спросилъ я у человѣка съ судейскими пуговицами.

— Золото реквизируютъ, чтобы Германіи заплатить. Изъ Москвы присланъ.

Дѣвушку арестовали. Она стояла, прижавъ къ уху носовой платокъ.

Я осмотрѣлся. Ни звука, ни движенія протеста. Подавленный, я удалился отъ смоленскаго Шейлока.

Я пошелъ на вокзалъ; тамъ уже меня ждали попутчики.

Распредѣлили роли — одни отправились получать разрѣшенія на право въѣзда въ Москву, другіе пошли за билетами. Меня оставили стеречь вещи. Я сидѣлъ за большимъ столомъ въ залѣ перваго класса и, отъ нечего дѣлать смотрѣлъ, какъ громадный мужчина пилъ чай съ малюсенькимъ кусочкомъ сахару.

Кругомъ двигалась толпа; много было вооруженныхъ людей: винтовки, шашки, револьверы, бомбы.

Залы перваго класса нельзя было узнать; не было ни скатертей, ни приборовъ; все было голо, грязно, пыльно.

Вернулись попутчики съ разрѣшеніями и билетами.

Пассажировъ въ Москву собралась масса; когда подали поѣздъ, вся толпа хлынула въ вагоны; безъ церемоніи работали локтями, давили, толкали, роняли на ноги мѣшки съ картофелемъ. Стоявшій по серединѣ поѣзда вагонъ второго класса охранялся милиціонера-

ми; они никого не пускали, даже лицъ имѣвшихъ билеты второго класса. Второклассники подняли шумъ. Прибѣжалъ кондукторъ и объяснилъ, что этотъ вагонъ предназначенъ для представителей Смоленскаго Совдепа, отправляющихся въ Москву; ему данъ строгій приказъ не открывать вагоны до ихъ прибытія.

— Да сколько же ихъ всего?

— Два человѣка — совдепщикъ самый и жена евонная.

За вокзаломъ загудѣлъ автомобиль и остановился у подъѣзда.

На платформу вышелъ тощій, рыжій, веснушчатый человѣкъ съ безпокойнымъ взглядомъ. Рядомъ съ нимъ подъ руку шла старая, толстая, колыхавшаяся отъ жиру женщина. Впереди и сзади этой пары шли молодые, вооруженные бомбами, кортиками, револьверами люди. Они несли массу чемодановъ, саквояжей, портплэдовъ, кульковъ, деревянныхъ картонокъ. Бросился въ глаза прекрасный чемоданъ въ полотняномъ чехлѣ съ никкелированнымъ замкомъ. Въ углу, на чехлѣ, надъ буквой Б, стояла графская корона.

Въ публикѣ зашептались.

— Видно, большевикомъ-то быть еще выгоднѣе, чѣмъ публичный домъ держать.

— Не захотѣла сводничать, женой бандыря стала.

— О, Господи, Господи, кого теперь приходится дожидаться...

Когда совдепщикъ и его супруга были устроены, въ вагонъ стали пропускать и другихъ пассажировъ.

У меня былъ билетъ третьяго класса. Но, такъ какъ протолкаться туда не было никакой возможности, я рѣшилъ поѣхать во второмъ. Оставятъ — хорошо, нѣтъ, — подниму шумъ; въ крайнемъ случаѣ, возьму доплату.

Въ общемъ, пассажировъ набилось множество. Поѣздъ тронулся.

Напротивъ меня сидѣла молодая дѣвушка. Понемногу мы разговорились. Она везла роднымъ хлѣбъ, молоко, масло, сало, муку, — словомъ то, что можно было достать въ Смоленскѣ и его окрестностяхъ.

Въ Москвѣ сильно ощущался недостатокъ съѣстныхъ припасовъ, и москвичи, въ поискахъ пропитанія, должны были пускаться въ довольно далекія путешествія.

— Боюсь, чтобы и этого не отняли. Теперь, во время дороги часто обыскиваютъ пассажировъ. Что найдутъ, все забираютъ, только немного хлѣба оставляютъ.

Прошелъ контроль. Кондукторъ посмотрѣлъ на билетъ, потомъ на меня.

— Изъ плѣна?

— Изъ плѣна.

И онъ ушелъ, ничего не сказавъ.

Подъ вечеръ, прибывъ на какую-то маленькую станцію, мы долго не трогались съ мѣста. Пассажиры стали нервничать. Многіе вышли узнать въ чемъ дѣло. Вышла и моя собесѣдница.

— Поѣздъ дипломатическій ограбили. Каждый день въ Германію золото и драгоцѣнности отправляютъ. Узнали объ этомъ и поперекъ рельсъ нѣсколько шпалъ положили. Поѣздъ остановился. Тогда его обстрѣляли, бросили нѣсколько бомбъ, большевиковъ, которые были, убили; а золото и цѣнности разграбили.

Больше всего забезпокоился членъ Смоленскаго совдепа, занимавшій отдѣленіе рядомъ. Онъ выходилъ возвращался, тихо что-то говорилъ своей супругѣ. Потомъ явились вооруженные люди, забрали ихъ чемоданы, и часа черезъ два поѣздъ наконецъ тронулся.

Ночь прошла благополучно. Рано утромъ нашъ вагонъ пришелъ въ движеніе — сѣла чека осмотрѣть пассажирскія вещи. Моя собесѣдница заволновалась.

— Отнимутъ у меня, все отнимутъ.

— Не безпокойтесь, барышня, — спокойно замѣтилъ степенный старикъ въ поддевкѣ и сербряныхъ очкахъ, — дайте часть мнѣ, а часть вотъ господину изъ плѣна.

Такъ мы и сдѣлали. Около старика очутилась корзина съ мукой и молокомъ, а у меня — мѣшокъ съ хлѣбомъ. Остальные пассажиры тоже перетасовали свои вещи.

Затѣмъ въ отдѣленіе вошло четыре человѣка въ защитныхъ костюмахъ. Двое стало у дверей.

— Ваши бумаги и вещи, товарищи!

Обыскъ длился долго. Рылись въ чемоданахъ, въ корзинахъ, въ мѣшкахъ. Публика враждебно молчала. У старика хотѣли забрать три четверти съ молокомъ, принадлежавшія моей сосѣдкѣ.

— Негоже вы сдѣлаете, коли такъ, — сказалъ онъ, —у меня двое малыхъ внучатъ, они въ молокѣ большую надобность имѣютъ.

Молока не тронули.

— Вашъ документъ, — и тонкая, бѣлая рука протянулась ко мнѣ.

Я подалъ исторію болѣзни, написанную въ Германіи.

Тотъ, кто взялъ ее, пробѣжалъ нѣсколько строкъ и отдалъ обратно. Это былъ видимо старшій. У него было блѣдное лицо, тонкія черты; худоба его поразила меня. Остальные, по виду, были попроще.

Мѣшка съ хлѣбомъ у меня не тронули и у сосѣдки моей тоже ничего не взяли.

— Я его знаю, — сказала сосѣдка, — бывшій офи-

церъ. Чтобъ не пропасть съ голоду, пошелъ къ большевикамъ.

Передъ Москвой поѣздъ пошелъ быстрѣе.

Я глядѣлъ въ окно на мелькавшія ели и бѣлоствольныя березы. Солнце было веселое, весь день казался радостнымъ. Я думалъ, что дѣлать по пріѣздѣ. Города я не зналъ, мать-же была эвакуирована въ Москву изъ Варшавы, вмѣстѣ съ Управленіемъ Прив. ж. д. Какъ она жила, я не зналъ и боялся, что мой пріѣздъ можетъ стѣснить или ее, или тѣхъ лицъ, съ которыми она жила.

Выручилъ поручикъ Комъ, съ которымъ мы вмѣстѣ выѣхали изъ Германіи.

— У насъ три большія комнаты, а семья — всего три человѣка, никого не стѣсните. Найдете мать, тогда увидите, что дѣлать.

Я согласился.

Блеснули золотые купола.

Шибко забилось сердце. Пріѣхали на Брестскій вокзалъ. Онъ былъ грязенъ и запущенъ, какъ и всѣ остальные. Со всѣми нашими пожитками мы вышли съ вокзала. У подъѣзда дремало нѣсколько извощиковъ старо-режимнаго типа. На насъ они не обратили ни малѣйшаго вниманія.

Мы направились черезъ площадь къ трамваю.

Кондукторъ посмотрѣлъ на наши тюки, но, узнавъ, что мы плѣнные, махнулъ рукой.

И вотъ, я въ Москвѣ, въ сердцѣ Россіи.

Большіе магазины были закрыты.

Зато на площади толпилось множество торговцевъ и торговокъ, продававшихъ съ лотковъ разныя разности. Тутъ были зеленыя яблоки, давленая клубника, гнилые абрикосы, шнурки для ботинокъ, квасъ, лимо-

надъ... Очевидно, торговать и получать изъ этого выгоду — вещь неистребимая никакими декретами.

Трамвай тронулся. Я стоялъ на площадкѣ и смотрѣлъ на прохожихъ. Большая часть народа была одѣта въ костюмы защитнаго цвѣта. Это придавало толпѣ однообразный и унылый видъ; только изрѣдка можно было увидѣть свѣтлое женское платье. Вмѣсто полицейскихъ, стояли милиціонеры, собственно говоря, они больше сидѣли на тумбахъ и безучастно смотрѣли, какъ вѣтеръ гналъ обрывки старыхъ афишъ. По улицамъ, безъ всякаго караула, толпой бродили австрійскіе и германскіе плѣнные. На одной изъ остановокъ сѣли два новыхъ пассажира. Оба имѣли толстыя, бычачьи шеи, мутные глаза, бѣлесоватыя рѣсницы; рыжіе курчавые волосы были подстрижены подъ скобку; у обоихъ былъ мѣдный, съ веснушками, цвѣтъ лица. Одѣты они были въ костюмы изъ тончайшаго сукна; на мизинцѣ у одного горѣлъ въ платиновой оправѣ громадный брилліантъ; у другого черезъ весь жилетъ шла массивная цѣпь — золотые самородки перехваченные золотыми же звеньями. Отъ обоихъ пахло духами. Вновь прибывшіе спросили дорогу въ Кремль. Денегъ за проѣздъ они не заплатили, а только показали какую то карточку. Около Кремля оба слѣзли. Кондукторъ кивнулъ на нихъ головой и вполголоса сказалъ:

— Екатеринбургскіе чекисты.

У Курскаго вокзала мы съ Комомъ сошли съ трамвая и пошли дальше пѣшкомъ, таща вещи въ рукахъ. Силъ у насъ было мало, и мы часто присаживались отдохнуть. Со своими пожитками мы походили, должно быть, на мѣшечниковъ: къ намъ часто подходили и спрашивали, что мы продаемъ.

Красивая, хорошо одѣтая дама робко спросила,

нѣтъ-ли у насъ картофеля или воблы. Узнавъ, кто мы, она закраснѣлась и отошла со слезами на глазахъ.

Пройдя длинную улицу и свернувъ въ переулокъ, мы вошли во дворъ, обсаженный березами. Изъ-за угла небольшого флигелька вышла женщина въ темномъ платьѣ. Она увидѣла насъ и остановилась. Снова сдѣлала шагъ — и снова остановилась. Это была жена Кома.

— Не узнаешь? — спросилъ Комъ.

— Комчикъ мой, Комушка!

Жена обнимала Кома, цѣловала, откидывалась назадъ, всматривалась и снова цѣловала. И у обоихъ блестѣли слезы. .

Мило и тепло отнеслась ко мнѣ жена Кома.

— Живите у насъ. Чѣмъ больше народу, тѣмъ меньше риску, что насъ уплотнятъ.

Получивъ всѣ необходимые совѣты и наставленія, я отправился отыскивать мать. Она жила далеко, и сначала надо было итти пѣшкомъ, а потомъ ѣхать трамваемъ. Дорога шла пустыми улицами. У входа въ какой-то садъ висѣла громадная афиша:

«Стой красногвардеецъ! Остановись и дивись! Сегодня директора труппы бенефисъ!»

Дальше шла рѣчь объ укротителѣ королевскихъ тигровъ, цыганскомъ хорѣ, индусскомъ факирѣ — «загадкѣ природы и всѣхъ европейскихъ ученыхъ». А въ самомъ низу стояла помѣтка: «чай съ сахаромъ».

Трамвая пришлось ожидать очень долго. Два первые вагона прошли густо осыпанные со всѣхъ сторонъ человѣческими тѣлами. Хватались за все, за что можно было держаться, и трамвай скорѣе походилъ на бабку, щедро осыпанную цукатами, чѣмъ на всѣмъ извѣстное средство передвиженія.

Наконецъ и мнѣ удалось втиснуться. Это было царство мѣшковъ. За плечами, на рукахъ, на полу, подъ

скамейками — повсюду туго-набитые мѣшки. Они путались подъ ногами, а иногда больно задѣвали по лицу. Насколько я могъ замѣтить, главнымъ предметомъ импорта въ пролетарскую Москву являлся хлѣбъ, а затѣмъ картофель.

Въ указанномъ мѣстѣ я слѣзъ и пошелъ пѣшкомъ. Двое мальчишекъ сидѣли на тумбѣ и горланили:

Отречемся отъ сѣраго мыла,
Перестанемъ мы въ баню ходить...

И колотили голыми пятками гранитъ...

Вотъ улица, а вотъ и домъ. На немъ вывѣска: «Гостиница Югъ». Входная дверь была открыта. Никого не было. Я тихонько поднялся по лѣстницѣ. Сердце такъ билось, что я нѣсколько разъ останавливался. Въ широкомъ, свѣтломъ корридорѣ отыскалъ двадцать первый номеръ. Постоявъ минуту, взялся за ручку. Дверь открылась. Я тихо вошелъ въ переднюю: на вѣшалкѣ накидки, шляпы. На цыпочкахъ прошелъ дальше — пусто, никого нѣтъ. Въ послѣдней комнатѣ увидѣлъ мать. Въ рукахъ она держала чашку, черезъ плечо — полотенце. Тихо иду къ ней, она меня не видитъ — она смотритъ въ окно и думаетъ обо мнѣ. А я у нея за спиной. Чуть-чуть зову: «мама». Она вздрагиваетъ и оборачивается. И остается стоять, какъ пригвожденная къ мѣсту. Мысли, самыя сложныя и глубокія проносятся въ ней. Она раскрываетъ руки. «Мой»... чуть шепчутъ губы Я подхожу, обнимаю. Мы оба молчимъ. Крупныя слезы блестятъ у нея на глазахъ и быстро катятся внизъ. Она беретъ мою голову въ руки, смотритъ въ глаза, цѣлуетъ меня, мои морщины, мои посѣдѣвшіе волосы... И много было радости въ нашей встрѣчѣ, и много печали. У матери оказался жестокій порокъ сердца. Похудѣвшая, прозрачная, со своими усталыми, глу-

бокими глазами она была похожа на пушинку, которую можетъ унести первая непогода.

Она усадила меня, стала поить чаемъ, не позволяла мнѣ шевельнуться, потомъ, сѣвъ рядомъ, водила рукой по моему лицу и говорила маленькія, дорогія слова.

Я пилъ чай съ молокомъ, съ сахаромъ, съ чудеснымъ чернымъ хлѣбомъ. У матери нашлась пріятельница-крестьянка въ подмосковной деревнѣ; она приносила ей хлѣбъ и масло. Только благодаря этому, можно было кое какъ питаться.

Прибавки жалованія лишь повышали цѣны. Жить было очень трудно. Душевное состояніе еще того хуже. Сынъ ея отъ второго брака, прапорщикъ одного изъ Сибирскихъ полковъ, съ семьей былъ гдѣ-то въ Екатеринбургѣ; около полу-года она не имѣла о немъ свѣдѣній и не знала, живъ онъ или нѣтъ. Мужъ племянницы, избитый солдатами, застрѣлился. Одинъ изъ родственниковъ былъ на Кавказѣ и прятался отъ большевиковъ въ горахъ; жена его жила въ аулѣ и украдкой носила ему пищу.

На желѣзныхъ дорогахъ все шло вкривь и вкось. Матеріальная часть была на исходѣ; не хватало болтовъ, гаекъ, костылей, смазочныхъ средствъ. Управляли не инженеры, а кочегары.

Въ самой Москвѣ шли обыски, аресты, разстрѣлы; забирали платье, бѣлье, цѣнныя вещи. Однихъ выселяли, другихъ уплотняли.

Подъ вечеръ пришла компаньонка матери, бѣженка-полька. Она сообщила, что ихъ магазинъ націонализированъ, и хозяинъ прекращаетъ дѣло. Она собиралась въ Варшаву и уговаривала мать отправиться съ ней, пока еще тепло и ходятъ поѣзда. Ночевать мать оставила меня у себя. Мнѣ сдѣлали кроват на диванѣ. Я

лежалъ, смотрѣлъ на звѣзды, прислушивался къ ружейной пальбѣ и думалъ, что дѣлать дальше.

Послѣ плѣна хотѣлось пожить на привольѣ, покормиться и увезти мать въ болѣе тихое мѣсто. Чуть слышной тѣнью пришла мать, перекрестила, поплакала, и я заснулъ.

Утромъ я проснулся въ хорошемъ настроеніи: все-таки въ Россіи, у близкихъ, а тамъ — посмотримъ. Напоивъ меня чаемъ, мать пошла на службу, а я отправился къ Кому.

— Я уже узналъ, что мы должны сдѣлать, — сообщилъ тотъ, — всѣ прибывающіе изъ плѣна должны явиться на регистраціонный пунктъ, пробыть нѣкоторое время подъ медицинскимъ наблюденіемъ и получить оттуда свидѣтельство.

Отправились на регистраціонный пунктъ. Онъ помѣщался очень близко отъ квартиры Кома, занимая зданіе бывшаго виннаго склада; въ началѣ войны складъ приспособили подъ госпиталь.

Мы явились на пунктъ, нашли главнаго врача и сказали, что прибыли изъ плѣна одиночнымъ порядкомъ. Насъ сейчасъ-же записали и указали койки. Коммиссія для освидѣтельствованія была назначена на послѣ-завтра. Докторъ разрѣшилъ намъ жить въ городѣ и просилъ лишь являться къ утреннему и вечернему обходу и занимать къ этому времени койки, чтобы на нихъ не положили кого-нибудь изъ вновь-прибывшихъ.

Остальное время мы были свободны. Кромѣ того, мы могли тутъ обѣдать и ужинать.

Мы съ Комомъ рѣшили, что ѣсть будемъ тутъ, а ночевать у него.

Комъ ушелъ къ себѣ, а я остался ждать обѣда.

Я прошелся по зданію. Въ большой залѣ по серединѣ, у высокой амосовской печи грудой лежалъ соръ; тутъ же стояли ведра изъ перевязочныхъ съ гнойными бинтами. Изъ двери съ надписью: «кастелянъ» вышелъ студентъ.

Невольно бросались въ глаза всклокоченные, жирные волосы, густо осыпанные перхотью, потемнѣвшій отъ долгой носки воротничекъ, засаленная тужурка, грязныя руки, обкусанные до невозможности ногти, смятые съ приставшимъ пухомъ штаны, немытыя уши, полныя чего то желтаго.

Выйдя, студентъ зѣвнулъ, почесалъ ногой о ногу, поскребъ голову, погрызъ ногти и засунулъ руки въ карманы.

— Скоро обѣдъ, товарищъ? — спросилъ онъ у проходившаго служителя.

— Черезъ полчаса, товарищъ кастелянъ.

Кастелянъ постоялъ, подумалъ и направился къ окну. Когда онъ проходилъ мимо, до меня донесся острый запахъ человѣческаго пота и немытаго бѣлья.

Пришелъ другой студентъ, подъ стать первому. Они поздоровались и заходили вдоль залы. На ходу они жестикулировали, брызгали слюной и тараторили такъ быстро, что трудно было понять ихъ. Я слышалъ только слово — простыни.

— Кто это? — спросилъ я у нашей палатной сестры.

— Большевистскіе агенты. Они тутъ за порядкомъ и персоналомъ наблюдаютъ. Хорошо наблюдаютъ, прости Господи. Позавчера къ складу, гдѣ бѣлье хранилось, подвода какая-то подъѣхала. Открыли двери, забрали простыни, наволочки, полотенца, погрузили и поѣхали. Никто ихъ не остановилъ, никто не спросилъ. Кому какое дѣло? Теперь все забираютъ и перевозятъ куда-то.

Думали по приказу какому-нибудь. А на повѣрку оказалось, что просто обокрали. И для вновь-прибывающихъ ни простынь, ни бѣлья нѣтъ.

Я пошелъ дальше. Зданіе было громадное — перевязочныя, аптеки, канцеляріи, дезинфекціонныя. Все запущенное, грязное. Было особое помѣщеніе для кинематографа; въ немъ висѣли плакаты: «миръ хижинамъ, война дворцамъ», «да здравствуютъ совѣты».

Начали разносить обѣдъ, и я поспѣшилъ въ палату. Дѣленія на солдатское и офицерское, конечно, не было.

Обѣдъ состоялъ изъ супа съ макаронами, гречневой каши и четверти фунта хлѣба.

Покончивъ съ ѣдой, я зашелъ къ Кому. Они еще обѣдали. Его жена разсказывала, какъ она жила безъ мужа. Когда большевики прекратили выдачу пособій женамъ офицеровъ, она стала работать по разгрузкѣ вагоновъ съ дровами. Кромѣ денегъ, она приносила еще домой два-три полѣна, на которыхъ и готовила ѣду себѣ и маленькой дочкѣ.

— Тяжелая работа, — говорила она, — но хоть позволяетъ кормиться, на хлѣбъ хватаетъ. И много женъ плѣнныхъ офицеровъ работаетъ со мной. Ничего не подѣлаешь. Голодъ — не тетка. Отправили мы депутацію къ Ленину: «голодаемъ, нельзя-ли продолжить пособіе до пріѣзда мужей», а онъ отвѣтилъ: «это еще не голодъ, когда десять покойниковъ на одинъ гробъ будетъ, вотъ это голодъ». Все перепуталось теперь. Мы, женщины, на этихъ дровахъ по двѣнадцати часовъ работаемъ, а рабочіе на фабрикахъ — восемь часовъ, да и то проводятъ время больше въ разговорахъ на митингахъ.

— А та фабрика, гдѣ я работалъ до войны, закрыта, — сказалъ Комъ. — Нѣтъ ни топлива, ни сырья. Рабо-

чіе и мастера занимаются спекуляціей, торговлей, уѣзжаютъ въ деревню...

Я отправился къ матери. Мы сидѣли и думали, что дѣлать дальше.

Покидать желѣзную дорогу, гдѣ она служила 15 лѣтъ, ей не хотѣлось. А въ то же время жизнь въ Москвѣ становилась все невыносимѣй.

Во время этого разговора, неожиданно, раздался стукъ въ дверь. Пришелъ господинъ въ сѣромъ костюмѣ, съ пріятной округлостью повсюду и съ большимъ пакетомъ въ рукахъ. Это былъ посолъ отъ ея племянницы, которая жила въ Харьковѣ. Она прислала сахару, сала, муки, хлѣба и письмо. Убѣдительно, и въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ, Ксенія звала мою мать къ себѣ. Мать заколебалась. Лицо, привезшее письмо и посылку, возвращалось въ Харьковъ чрезъ недѣлю. За это время мать должна была сдѣлать окончательный выборъ — остаться въ Москвѣ, или поѣхать на Украину. Въ случаѣ поѣздки, она имѣла-бы хорошаго попутчика.

Къ вечернему обходу я былъ уже на пунктѣ.

Покончивъ съ больными, ординаторъ подошелъ ко мнѣ.

— Чѣмъ васъ кормили въ плѣну, какъ тамъ обращались? Понимаете, изъ пяти человѣкъ плѣнныхъ — у четырехъ сразу можно опредѣлить туберкулезъ. И какіе туберкулезы — во всѣхъ стадіяхъ, формахъ и видахъ. Приходитъ поѣздъ — почти въ каждомъ вагонѣ покойникъ, а то и не одинъ. Взглянешь на живыхъ — скелеты, сѣрые, тощіе, чуть жизнь теплится. Инвалидовъ множество, и не отъ ранъ на войнѣ, а отъ увѣчій въ шахтахъ, да на заводахъ. У всѣхъ неврастенія, у многихъ въ самой тяжелой формѣ, полная подавленность, безу-

частность. Нельзя представить, что надо было пережить, чтобы дойти до такого состоянія. Назовешь кого-нибудь дядей, а онъ смѣется: «я», говоритъ, «вамъ въ племянники гожусь».

— Господинъ докторъ, — спросилъ лежавшій на сосѣдней койкѣ больной, — а сколько лѣтъ вы мнѣ дадите?

Докторъ посмотрѣлъ на него: болѣзненное, морщинистое лицо. Трудно было сказать, сколько ему лѣтъ — 30-45?

Больному оказалось всего 28 лѣтъ. Онъ былъ изъ арміи Самсонова. Послѣ долгихъ мытарствъ въ лагерѣ, уже отощавшаго и ослабѣвшаго нѣмцы послали его работать въ шахты, въ началѣ 1918 года.

— Тамъ много нашихъ работало, и каждый урокъ имѣлъ. Здоровому человѣку и на хорошей пищѣ такой урокъ отработать вполнѣ возможно. Но мы-то всѣ слабые были, и кормили насъ такъ: утромъ полъ-литра кофэ безъ ничего, въ обѣдъ литръ пустого супа съ кусочкомъ хлѣба, и на ужинъ тоже супъ безъ хлѣба. Не сработаешь урока — ѣсть не получишь, еще разъ проштрафишься — и ѣсть не получишь, и нѣмецкій унтеръ какое-нибудь наказаніе придумаетъ. Проштрафился я въ третій разъ; проломалъ нѣмецъ сапогомъ ледъ въ лужѣ, поставилъ меня туда босого и въ вытянутыхъ рукахъ по кирпичинѣ приказалъ держать. Часа два такъ стоялъ. Опустишь — прикладомъ по шеѣ. А потомъ сомлѣлъ я, въ госпиталь увезли. Острый ревматизмъ объявился. А двое товарищей, которые тоже не могли урока выполнить, взяли по мотыкѣ каждый, стали другъ противъ друга, да одинъ другого по головѣ саданули; другіе въ угольные колодцы бросались. Много тамъ русскихъ погибло. И ума не приложу, какъ эти самые нѣмцы вдругъ нашими товарищами стали; въ Вильно на станціи плѣн-

ные поѣздъ видѣли, груженый хлѣбомъ, для нѣмцевъ, значитъ. А наши тамъ, господинъ докторъ, съ голоду пухнутъ.

⁂

Ночевалъ я у Кома.

На другой день утромъ я пошелъ навѣстить родителей Зубова, — моего сотоварища по плѣну.

Меня встрѣтила пожилая чета — русскіе Филемонъ и Бавкида. Въ ихъ небольшой квартирѣ, уютной и свѣтлой, все дышало любовью къ сыну, около четырехъ лѣтъ пропадавшему въ Германіи. Всюду были его портреты, его книги, его вещи.

Я имъ передалъ привѣтъ отъ сына. И оба, сидя напротивъ, не спускали съ меня глазъ. Они вѣдь имѣли передъ собой человѣка, который всего нѣсколько дней тому назадъ видѣлъ и говорилъ съ ихъ дѣтищемъ. Какъ зачарованные, они слушали меня. Я не хотѣлъ ихъ огорчать и говорилъ, что еще мѣсяцъ — и они навѣрное увидятъ своего Николая.

— Скорѣй бы онъ пріѣхалъ, — вздыхалъ старикъ, — скорѣй бы. Увидѣть его хоть бы. Да и помогъ бы намъ. Трудно теперь мнѣ одному. Былъ у насъ магазинъ галантерейный. Какъ большевики воцарились, пришли какіе-то люди; все описали, заставили взять приказчика и объявили, что магазинъ «націонализированъ». Доходу нѣтъ; вчера мыло послѣднее разобрали, по 20 р. за кусокъ, а за новое и худшее уже 60 надо платить; гребни по 15 рублей продавалъ, а новые по 100 цѣлковыхъ стоятъ. А цѣнъ повышать не позволяютъ. Да и найти то что-нибудь трудно. Всѣ фабрики закрываются. Приходишь утромъ въ магазинъ, а тамъ уже повѣстки лежатъ: «въ пользу безработныхъ — 1000 руб.» «на починку мостовыхъ — 1500 руб.» Пришли нѣмцы: «въ пользу нѣмец-

кихъ военно-плѣнныхъ — 5000 рублей». Думалъ шутятъ, побѣжалъ въ Комиссаріатъ, а тамъ накричали и обѣщали оштрафовать, если сейчасъ же не заплачу... А то придетъ въ магазинъ какой-нибудь товарищъ-латышъ, съ винтовкой, увидитъ головную щетку, и такъ и сякъ завертитъ ее. Спроситъ: «сколько стоитъ?» «40 рублей». «Денегъ-то нѣтъ у меня». «Возьмите уже такъ, товарищъ; будутъ деньги, отдадите». А, если не дать — подстережетъ, убьетъ. Сколько ужъ такъ торговцевъ погибло. Буржуя теперь убить — за грѣхъ не считается... И русскихъ словно меньше стало: мнѣ часто приходится по Комиссаріатамъ, да по Союзамъ разнымъ ходить — за справками, за разрѣшеніями, за талонами; и почти вездѣ, во главѣ — нѣмцы, латыши, мадьяры и прочіе. Нѣкоторые по-русски и говорить-то не умѣютъ, а травятъ — «буржуй, кровь народную пилъ».

Старикъ заволновался, схватился за сердце. Жена стала успокаивать его.

— Больной онъ у меня. Порокъ сердца, всякое волненіе вредно, а какъ тутъ убережешься?

Я смотрѣлъ на эту тихую, славную пару, хрупкую и безпомощную передъ грубыми событіями и грубыми людьми. Мнѣ стало чего-то невыразимо жалко.

Я попрощался со стариками и отправился въ Управленіе, гдѣ служилъ еще до войны. Въ 1915 году оно изъ Варшавы было эвакуировано вмѣстѣ съ другими учрежденіями въ Москву. По дорогѣ я смотрѣлъ на плѣнныхъ нѣмцевъ, разгуливавшихъ по городу, на нахальныхъ мадьяръ, не платившихъ за проѣздъ на трамваяхъ, на закрытые магазины, на слѣды пуль въ зеркальныхъ витринахъ, на матросовъ, разъѣзжавшихъ въ автомобиляхъ. Пассажиры въ трамваяхъ испытующе глядѣли другъ на друга и молчали; каждый, очевидно, боялся сказать лишнее слово. Тоска, гнетъ висѣли въ воз-

духѣ. Только нѣмцы, мадьяры, да матросы чувствовали себя свободно.

На Арбатѣ я слѣзъ. Въ ближайшемъ переулкѣ съ деревянными тротуарами я нашелъ наше Управленіе. Оно занимало небольшой особнячокъ съ мезониномъ. Первый, кого я встрѣтилъ въ Управленіи, былъ мой старинный пріятель Андрей Тикъ. Онъ стоялъ у вѣшалки и говорилъ о чемъ-то съ курьеромъ.

— Андрей, — позвалъ я.

Онъ повернулъ голову.

—Это ты, Валеріанъ? — недовѣрчиво спросилъ Андрей и подошелъ еще ближе удостовѣриться, не обманываютъ-ли его чувства. Но я не выдержалъ и фыркнулъ.

— Откуда ты?

— Изъ плѣна.

— Ну, здравствуй, коли не шутишь...

И мы. молча, крѣпко обнялись.

Потомъ онъ снова отступилъ и еще разъ осмотрѣлъ меня.

— Ну и худющій, просто страсть... Живъ ты еще?

Мое появленіе въ канцеляріи вызвало большое оживленіе. Разспросамъ не было конца. Пришелъ нашъ предсѣдатель. Я воспользовался случаемъ и отъ души поблагодарилъ его и всѣхъ другихъ сослуживцевъ за ихъ помощь, которую они мнѣ оказали въ плѣну.

Поговоривъ о плѣнѣ, перешли къ текущему моменту. Предсѣдатель спросилъ, хочу-ли я остаться въ Россіи или предпочитаю отправиться въ Варшаву.

— Управленіе реэвакуируется черезъ недѣлю. Тотъ, кто хочетъ отправиться съ нимъ, долженъ подать заявленіе...

Я обѣщалъ дать отвѣтъ завтра. Ѣхать въ Польшу мнѣ не хотѣлось. Тамъ были нѣмцы, и я боялся снова

угодить подъ нѣмецкій режимъ. А оставаться въ Москвѣ тоже было рискованно — здѣсь грозилъ голодъ, и сидѣли большевики, которые были хуже всякаго голода Нашъ казначей выдалъ мнѣ жалованіе за то время, что я былъ въ плѣну. Я получилъ нѣсколько тысячъ; это было очень кстати, такъ какъ денегъ у меня совсѣмъ не было.

— Ты куда? — спросилъ меня Андрей на улицѣ.

— Къ матери.

— И я съ тобой. Кстати, я давно ея уже не видалъ.

— Какъ тебѣ въ самомъ дѣлѣ жилось въ плѣну? — помолчавъ, серьезно спросилъ онъ, — ты говоришь — скверно, а другіе утверждаютъ, что ничего, даже хорошо было. Въ томъ домѣ, гдѣ я живу, часовщикъ есть; его сынъ изъ плѣна вернулся, недѣли двѣ тому назадъ. Я его самъ видѣлъ и говорилъ съ нимъ: увѣряетъ, что плѣннымъ хорошо живется, голода нѣтъ, обращаются вѣжливо. И, дѣйствительно, рожа у него гладкая, одѣтъ лучше, чѣмъ ты, и даже нѣсколько тысячъ марокъ привезъ. Переводчикомъ въ лагерѣ былъ.

— Ты спроси у нашихъ солдатъ объ этихъ переводчикахъ, пусть тебѣ они разскажутъ...

Когда мы пришли, мать была уже дома.

— Знаете, Марія Ивановна, — сказалъ Андрей, между прочимъ, въ разговорѣ, — я хочу увезти отъ васъ Валеріана. Я уѣзжаю къ женѣ, въ Могилевскую губернію. Хлѣбъ тамъ полтора рубля, яйца по рублю, есть молоко, яблоки, груши; а ему послѣ плѣна надо поправиться.

И мы быстро порѣшили дѣло. Мать отправлялась въ Харьковъ, а я къ Андрею.

Жалко было такъ скоро съ нею разставаться, но, все обсудивъ, мы увидѣли, что ничего другого не оставалось.

На слѣдующій день, въ госпиталѣ состоялась комиссія. У меня нашли 75 % потери трудоспособности, а у Кома 60 %, въ чемъ намъ и рѣшено было выдать соотвѣтствующія свидѣтельства. Когда мы, въ ожиданіи документовъ, стояли въ длинной очереди, передъ окошечкомъ канцеляріи, одинъ изъ плѣнныхъ, по виду совсѣмъ еще мальчишка, взятый нѣмцами, очевидно, въ самомъ концѣ войны, смотрѣлъ на меня нахальными глазами и вызывающе говорилъ, сколько онъ убилъ офицеровъ въ Финляндіи. Сосѣдъ его, пожилой солдатъ съ растрепанной бороденкой, рѣзко оборвалъ его.

— Ты бы лучше разсказалъ, какъ ты у нѣмецкихъ офицеровъ въ ногахъ валялся, когда тебя за разбои вѣшать собирались....

Наконецъ бумаги были получены и положены въ карманъ.

На прощаніе и докторъ и сестра совѣтовали показываться время отъ времени врачу.

— Помните, что изъ пяти плѣнныхъ, — у четырехъ явно выраженный туберкулезъ. Поѣзжайте туда, гдѣ еще можно питаться.

Я зашелъ къ Кому поблагодарить за гостепріимство; распрощавшись съ нимъ и его женой, забралъ вещи и отвезъ ихъ къ матери, а самъ отправился въ Управленіе. Ѣхать въ Варшаву я отказался и написалъ прошеніе объ увольненіи меня отъ службы. Жалко было бросать ее, страшило будущее, а кромѣ того, такихъ отношеній между сослуживцами, простыхъ и товарищескихъ, нелегко было найти въ другихъ учрежденіяхъ.

Появился Андрей.

— Въ отставкѣ, Валеріанъ?

— Уже.

— А я на часъ раньше. Теперь пойдемъ пообѣдаемъ, а потомъ ко мнѣ, поможешь вещи уложить.

Поѣли мы въ кухмистерской на Арбатѣ. За обѣдъ изъ тарелки щей и кусочка мяса пришлось заплатить 25 рублей.

Потомъ пошли къ Андрею.

Надо было пройти черезъ центръ Москвы. Кремль былъ закрытъ, туда никого не пускали.

— Тамъ, хотя и «народные» комиссары живутъ, но народу туда доступа нѣтъ.

Много старинныхъ особняковъ и домовъ было попорчено артиллерійскимъ огнемъ. Роскошные магазины на Кузнецкомъ мосту были закрыты, а нѣкоторые, видимо, и разграблены. Былъ открытъ лишь гастрономическій магазинъ Елисѣева. На минуту мы остановились передъ витриной: семга, икра, поросята, шампанское. Но всѣ эти деликатессы, на ряду со всеобщимъ запустѣніемъ, выглядѣли странно-неприлично.

— Отсюда народнымъ комиссарамъ въ Кремль все поставляютъ. Троцкаго видѣлъ, заѣзжалъ — шампанское и икру бралъ.

Въ эту минуту къ магазину подкатилъ автомобиль; сидѣвшій рядомъ съ шоферомъ матросъ открылъ дверцу. Изъ автомобиля вышелъ нѣмецкій оберстъ, съ усами «а ля Вильгельмъ», и прошелъ въ магазинъ. Матросъ подошелъ къ намъ и принялся разсматривать витрину. Мы пошли дальше.

— Военные совѣтчики большевиковъ, — сказалъ Андрей, когда мы отошли отъ магазина, — это они помогли Ленину взять Москву. Когда тутъ начались безпорядки, я убѣжалъ изъ Москвы и на Воробьевыхъ горахъ своими глазами видѣлъ мортирную батарею — вся прислуга была нѣмецкая и командовали нѣмецкіе офицеры; да и въ самомъ городѣ были цѣлые отряды изъ венгерцевъ и нѣмцевъ. Ночью откроешь окно и слышишь: «Halt, wer ist da?» И Ярославль нѣмцы раз-

громили. Не большевики, а нѣмцы — господа въ Москвѣ. Большевики-то только чурки у нихъ въ рукахъ.

У Никитскихъ воротъ Андрей показалъ домъ, отъ котораго остались лишь обожженныя стѣны. Въ этомъ домѣ заперлись и защищались отъ большевиковъ московскіе юнкера.

Всюду слѣды снарядовъ, пулеметовъ, грабежа. Отъ памятниковъ оставались одни пьедесталы. Вещи говорили сами за себя. Онѣ разсказывали о новыхъ господахъ, равнодушныхъ къ народу, къ его благу, враждебныхъ всей его исторіи, чуждыхъ красотѣ его старины и не боявшихся его суда. Прекрасныя строенія, памятники прошлаго, остатки былого довольства и величія, казались частями могучаго организма, попраннаго и загаженнаго, задушеннаго чужими, грязными руками. Плачъ прошелъ черезъ душу.

Мать была уже дома, когда пришли мы съ Андреемъ. Она была грустна: послѣдній день вмѣстѣ. Андрей посидѣлъ немного, поговорилъ съ матерью и сталъ собираться. Мать обняла его; она хоть и упрекала его въ вѣтрогонствѣ, но все-таки очень любила за честность и прямоту.

— Вы ужъ поберегите моего худышкина, — сказала она ему на прощаніе.

— Всѣ усилія приложу, Марія Ивановна. А ты, Валеріанъ, помни, что завтра въ два часа я буду ждать тебя на вокзалѣ. Не опоздай! — Андрей ушелъ.

Мы съ матерью остались вдвоемъ.

Я чувствовалъ, какъ трепещетъ ея сердце. Молча, она гладила мою раненую руку, и иногда обжигала ее горячей слезой. Пришелъ вечеръ, пришла ночь, наступило утро. На службу мать не пошла.

— Какъ же я брошу сегодня тебя здѣсь одного?

Наступилъ часъ разлуки. На вокзалъ уговорилъ

мать не ѣхать. Мы попрощались дома. Притихшая, похудѣвшая стояла она передо мной. Начала что-то говорить, задрожали губы... Она бросилась ко мнѣ на грудь, потомъ обняла мою голову руками... У меня мелькнула мысль — остаться, не ѣхать. Мать словно угадала ее. Голосъ ея окрѣпъ.

— Родной, будь здоровъ, поправляйся.... Пиши.

Снова срывается голосъ, снова склоняется сѣдая голова...

И вотъ я уже на извозчикѣ. Изъ окна нагибается мать. Она машетъ платкомъ, я отвѣчаю ей. Въ этотъ моментъ мнѣ въ голову не пришла мысль, что я вижу ее въ послѣднiй разъ....

Извозчикъ дернулъ вожжами, звонко застучали подковы, первый поворотъ — и все пропало; хрупкая фигурка съ заплаканными глазами скрылась навсегда.

Глава II.

ОПЯТЬ ВЪ ДОРОГѢ

Въ печальномъ раздумьи я подъѣхалъ къ вокзалу. Андрей меня уже ждалъ на подъѣздѣ. Вещей около него была навалена цѣлая гора: онъ бралъ съ собой все — старыя калоши, примусъ, сковороды.

— Пока еще все это снова появится въ лавкахъ, — говорилъ онъ.

У билетной кассы стоялъ громадный хвостъ. Андрей хотѣлъ уже занять очередь, но на счастье намъ попался знакомый желѣзнодорожникъ. Онъ самъ купилъ для насъ два билета, по его протекцiи мы пообѣдали на вокзалѣ по удешевленной цѣнѣ и имѣли возможность

разными потайными путями снести вещи поближе къ мѣсту подачи поѣзда. Когда поѣздъ былъ поданъ, на платформѣ стояла толпа невѣроятной густоты. Меня оттерли безъ труда, Андрей же припіявился къ вагонной дверцѣ. Когда вагонъ былъ открытъ, толпа хлынула внутрь. Стоявшая впереди меня баба застряла въ дверяхъ со своимъ тюкомъ. Я воспользовался этимъ моментомъ и пробрался въ вагонъ. Намъ съ Андреемъ удалось занять мѣста у самаго окна.

Русская толпа самая толкливая и самая несносная; но въ то же время она, можетъ быть, и самая общительная. И, когда всѣ разсѣлись, гдѣ и какъ кто могъ — хорошее настроеніе вернулось сразу. Судя по виду, большинство пасажировъ состояло изъ рабочихъ, крестьянъ и торговцевъ; было много женщинъ. Одни ѣхали за продуктами, другіе возвращались къ себѣ въ деревню.

Поѣздъ тронулся. Я разговорился съ сосѣдкой. Это была еще совсѣмъ молодая дѣвушка, съ блѣднымъ, безъ кровинки лицомъ.

— Братъ убитъ на войнѣ, а у матери водянка, не можетъ ходить. Отецъ уже давно умеръ. Подъ Москвой у насъ раньше было имѣніе. Теперь, когда пріѣзжаю, крестьяне даютъ мнѣ хлѣба, масла, муки... Этимъ живемъ, да еще на Сухаревкѣ оставшіяся вещи продаю, — разсказывала она.

— Какъ вы въ вагонъ попали? — спросилъ Андрей. — вѣдь такая давка была.

— А какой-то рабочій спину подставилъ: «полѣзайте», говоритъ, «барышня въ окно, а то васъ задавятъ». И вещи мнѣ подалъ...

Подошелъ вечеръ. Кто могъ — забрался на полку; другіе легли на полу; остальные дремали, сидя. Нашу сосѣдку мы положили спать за нашими спинами. Подъ

утро мы проснулись съ Андреемъ въ веселомъ настроеніи, и, взглянувъ другъ на друга, вдругъ безпричинно разсмѣялись.

— Чуешь, Валеріанъ, что на хлѣбъ ѣдешь?

Проснулась и наша сосѣдка. Ей надо было скоро сходить. Она собрала свои вещи и вышла на одной изъ ближайшихъ станцій, мило простившись съ нами.

Пассажировъ за ночь поубавилось. Оставшіеся обсуждали выгоды и невыгоды совѣтскаго строя.

— Теперь я долженъ за мукой къ чертямъ на болото скакать, — разсказывалъ бородачъ въ желѣзно-дорожной фуражкѣ,— а раньше пошелъ въ лабазъ и купилъ, сколько душѣ угодно. Раньше я получалъ тридцать цѣлковыхъ, а теперь — триста. Пудъ муки раньше стоилъ рубь-цѣлковый, а теперь шестьсотъ, да и то наплачешься, прежде чѣмъ достанешь. Какъ тутъ жить?

— Да и матерій совсѣмъ нѣтъ, — подхватила румяная, здоровая баба, сидѣвшая на большомъ мѣшкѣ, набитомъ чѣмъ-то мягкимъ. — Надысь я пріѣхала въ Москву — думала ситчику взять, да коленкору. Ничего не нашла. Что безъ билетовъ продается — дорого; а билеты эти самые достать — канитель одна, гоняютъ изъ одной канцеляріи въ другую — и весь сказъ; раньше лучше было: присмотришь себѣ матерію, разсчитаешь, сколько надо, пошла купила, — теперь-то, если даже и купишь что — чинить нечѣмъ. Нитки-то по 25 цѣлковыхъ катушка. Не больно нашьешься... А въ семьѣ обносились всѣ, хоть плачь.

— Что жъ ты, тетка, сдѣлала? — спросилъ желѣзнодорожникъ.

— Куму, къ счастью, нашла. Она раньше кухаркой за повара у хорошихъ господъ жила. А теперь, значитъ, у этихъ новыхъ заправилъ служитъ. Стеклянскій какой-

то. Черезъ нее и получила. И матеріи достала и разныхъ разностевъ насмотрѣлась.

— Богатые видно? Буржуи?

— Теперь, надо полагать, богатѣями стали. И каждый Божій день ему вороха разнаго добра привозятъ. Шубы, платья, серебро разное. Мѣха собольи какіе... Его-то жена сегодня одну шубу на себя перекраиваетъ, завтра другую. Она, кажись, все бы на себя сразу одѣла, а мужъ-то ругается. «Народъ осудитъ», говоритъ, «если ты соболя одѣнешь». А потомъ солдаты нѣмецкіе являлись, паковали все въ ящики и куда-то отвозили. Кума говорила, что въ Германію, стало быть...

— Ну и дѣла, —вздохнулъ лежавшій на полкѣ мужчина въ высокихъ сапогахъ и старомъ ватномъ пальто, — ну и правители: видно тѣхъ же щей, да поплоше влей.

— А ѣдятъ хорошо нонѣшніе господа, — продолжала баба, — когда нѣмецкіе офицеры приходили, устрицы подавали. Раковина такая морская. Откроютъ ее — а тамъ зеленое что-то лежитъ. На сопли похоже. Дюже жрали ихъ...— Она съ отвращеніемъ сплюнула. — И родственниковъ понаѣхало къ нему... Сила несовмѣстимая. Всѣ худые, облѣзлые, жадные, голодные.

На одной изъ станцій вошла чека и начала рыться въ пассжирскихъ вещахъ. Пассажиры заволновались.

Когда обыскъ дошелъ до насъ, баба подала старшему чекисту бумажку. Бабу не тронули. Не тронули и меня, узнавъ, что я плѣнный. Зато Андрея заставили развязать и показать всѣ вещи. Особенно ихъ заинтересовала шуба; въ одномъ изъ пармановъ чекистъ нашелъ что-то завернутое въ бумажку.

— Что это?

Андрей взялъ и развернулъ бумажку. Тамъ былъ хлѣбъ, черный слизистый кусочекъ.

— Хлѣбъ, товарищъ. Не хотите-ли посмотрѣть, что мы ѣдимъ въ Москвѣ? — Чекисты прошли дальше.

На одной изъ узловыхъ станцій мы должны были пересѣсть. Если въ Москвѣ было трудно попасть въ пустой вагонъ, то уже въ биткомъ набитый было еще труднѣе. Но Андрей, мудрый, какъ змій, и кроткій, какъ голубь, гдѣ улыбаясь, гдѣ чертыхаясь, сумѣлъ протиснуть себя, меня и наши вещи въ уборную второго класса. Тамъ мы и обосновались довольно недурно. Гораздо хуже чувствовали себя тѣ, кто имѣлъ нужду въ уборной. Въ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства, мы выходили въ корридоръ, еще больше увеличивая въ немъ давленіе. Послѣ четырехъ часовъ такого путешествія, мы слѣзли на маленькой станціи, откуда должны были ѣхать уже на лошадяхъ.

Ночевали мы на вокзалѣ. Онъ былъ набитъ биткомъ. Среди пассажировъ, первую роль играли матросы — вновь назначеные Москвой члены разныхъ уѣздныхъ совдеповъ. Отсюда они разъѣзжались по мѣстамъ. Новые администраторы степенно пили чай, вели разговоры о возстаніяхъ, усмиреніяхъ, пулеметахъ и другихъ вещахъ, неизбѣжно вплетающихся въ жизнь всякаго администратора. Мы разостлали съ Андреемъ на полу шубу, положили узлы подъ головы и заснули.

Утро было дождливое. Лошадей мы не достали. Но черезъ нѣсколько дней отправлялся попутный грузовой автомобиль.

— Поживемъ пока тутъ, — говорилъ Андрей, — потомъ поѣдемъ въ Чортиковъ, на автомобилѣ, а изъ Чортикова, я думаю, насъ братъ жены довезетъ до Тауцъ. Раньше у него свои лошади были, можетъ быть, еще уцѣлѣли.

На томъ и порѣшили.

Пріютъ мы нашли у мѣстнаго кантора; въ одной

половинѣ длиннаго сѣраго дома онъ держалъ школу, въ другой — что-то, вродѣ постоялаго двора. Какъ училъ канторъ — не знаю, но кормилъ хорошо. На обѣдъ мы получали цѣлую миску супа, большой кусокъ прекраснаго варенаго мяса, блюдо картофеля, чернаго хлѣба въ изобиліи. И бралъ канторъ съ насъ по-божески.

Днемъ я ходилъ по городку, гулялъ, а вечеромъ слушалъ, какъ пѣли два другіе постояльца — такіе же канторы, какъ и нашъ хозяинъ.

Одинъ изъ нихъ велъ мелодію, другой вторилъ. Особенно хорошо у нихъ выходила какая-то «Венгерская мелодія». Одѣты были пѣвцы въ потрепанныя хламиды; изъ дыръ сапоговъ глядѣли голыя пятки; питались они лишь чаемъ. И оба были худы до крайности. Но, зато, когда они пѣли, казалось, ни голода, ни революціи для нихъ не существовало.

Были и другіе постояльцы-евреи, почти всѣ такъ же бѣдно одѣтые, въ порванномъ платьѣ, въ худой обуви, голодные, утомленные. Ихъ видъ говорилъ о тяжелой жизни, о крайней нуждѣ, а то и просто о нищетѣ. Всѣ, съ кѣмъ приходилось только сталкиваться, говорили лишь о мукѣ, хлѣбѣ, картофелѣ...

Наконецъ, въ одно утро къ нашему крыльцу подъѣхалъ большой грузовикъ. Исторія автомобильныхъ рейсовъ между Ротовымъ и Чортиковымъ была очень проста. Во время бѣгства съ фронта, автомобильные парки бросались на произволъ судьбы. Встрѣтились два шоффера — оба голодные. Они выбрали грузовикъ побольше, починили его, сдѣлали запасъ бензина и открыли пассажирское движеніе между Ротовымъ и Чортиковымъ.

Мы вынесли наши вещи, погрузили ихъ, распрощались съ канторомъ, сѣли и поѣхали. Прежде, чѣмъ выѣхать за городъ, насъ нѣсколько разъ останавливали на

заставахъ и спрашивали, куда мы ѣдемъ и что веземъ. Но наши шофферы были птицы стрѣляныя и говорили, что везутъ вещи для Чортиковскаго исполкома, а пассажиры — военно-плѣнные, возвращающіеся домой. Андрей показывалъ мое нѣмецкое свидѣтельство, я — бумагу съ регистраціоннаго пункта; красногвардейцы со значительнымъ видомъ вертѣли наши документы и обращали вниманіе только на печати. Печати были на лицо, и насъ пропускали безъ помѣхи.

На половинѣ дороги, при крутомъ спускѣ въ оврагъ, мы увидѣли лежавшаго на мосту, въ лужѣ крови, мужика.

Недалеко стояли телѣга съ лошадью и баба. Лошадь щипала траву, баба громко ревѣла.

Нашъ автомобиль остановился.

— Что случилось, тетка?

— Батюшка ты мой, съ часъ тому назадъ, какъ ѣхала я съ мужемъ, выскочили изъ-подъ моста какіе-то люди, бросились на насъ; его-то дубиной по головѣ убили, а я въ лѣсъ успѣла убѣжать. И ничевосеньки у насъ не было. Попусту христіанскую душу загубили. Погодите, кормильцы, одной ѣхать боязно.

Помогли бабѣ уложить тѣло на телѣгу; плача и причитая, она поѣхала за нами, до слѣдующей деревни.

— Часто теперь такія происшествія бываютъ. Убиваютъ и грабятъ на каждомъ шагу, днемъ. Безъ винтовокъ теперь даже и на автомобилѣ опасно ѣздить, — сказалъ шофферъ.

Въ десяти верстахъ отъ Чортикова у грузовика лопнула гайка. Колесо завихляло и слетѣло. Машина скользнула внизъ, по откосу шоссе. Два полные цинковые бака съ бензиномъ покатились на насъ. Къ счастью, шофферъ быстро остановилъ моторъ.

Проведя глубокую борозду, ось зарылась въ землю,

автомобиль остановился, сильно накренившись на сторону.

Мы осторожно вылѣзли.

— А еще бы немного и мы бы перевернулись, — сказалъ Андрей, — придавило бы насъ тогда и машиной, и бензиномъ.

Пришлось остановиться въ ближайшемъ мѣстечкѣ, на постояломъ дворѣ.

У хозяина нашлась лошадь и телѣга; на нихъ мы перевезли наши вещи. Кромѣ того, Андрею посчастливилось найти поляка-бѣженца, который на слѣдующее утро отправлялся въ Тауцы. Онъ согласился взять насъ и вещи за 200 рублей.

— Поѣдемъ прямо въ Тауцы, — говорилъ Андрей, — прежде, чѣмъ автомобиль починятъ, дня два-три пройдетъ, а за это время мы уже на мѣстѣ будемъ.

Рано утромъ бѣженецъ заѣхалъ за нами. Мы погрузили вещи, усѣлись и тронулись въ путь. На околицѣ нашу подводу задержали двое парней съ винтовками.

— Куда, товарищи, ѣдете, что везете и кто такіе будете?

— А вы кто товарищи? — спросилъ Андрей.

— Да, мы по борьбѣ со спекуляціей. Есть у васъ разрѣшеніе отъ совдепа на вывозъ вещей?

— Нѣтъ.

— А безъ этого мы пропустить не можемъ.

— Да, мы изъ Москвы ѣдемъ, и вещи наши изъ Москвы.

— Все равно. Такой приказъ изъ Совдепа: что привозятъ — пропускать, а что вывозятъ — на то разрѣшеніе надо имѣть.

— Да у насъ ничего нѣтъ, — платье, поношенное, сквороды, шуба старая.

— А сахаръ у васъ есть?

— Откуда у насъ сахаръ, товарищи? — вознегодовалъ Андрей. — Мы оба изъ Москвы ѣдемъ; тамъ хлѣба нѣтъ, а не то, что сахару. Вотъ поглядите, что мы въ Москвѣ ѣдимъ, — и Андрей показалъ образецъ московскаго хлѣба.

— Чудной хлѣбъ. Предположительно, что его и ѣсть нельзя, — сказалъ парень постарше.

— Никакъ нельзя ѣсть его, товарищи, а ѣдятъ — и сильно хворают. Больше ничего нѣтъ въ Москвѣ.

Пограничники стали мякнуть.

— А удостовѣренія на счетъ личностей имѣются у васъ? — спросилъ одинъ.

— А какъ же? Вотъ мой товарищъ только что изъ плѣна вернулся у него нѣмецкая бумага, а у меня русская — что былъ въ плѣну и инвалидомъ вернулся.

Подержавъ бумаги вверхъ ногами и взглянувъ на печати, парни отпустили насъ.

— Ну, ужъ Богъ съ вами. Коли изъ плѣна, такъ ужъ видно не спекулянты. А то намедни остановили одного мужчину — плакался, что у него ничего нѣтъ, а у самого подъ телѣгой мѣшокъ былъ привязанъ; въ емъ пудовъ 15 сахару нашли.

Ткнувъ для очистки совѣсти въ узелъ съ шубой, пограничники отступили.

— Ѣзжайте себѣ. Мы вѣдь не то, чтобы какіе-нибудь, опять же и военно-плѣнные. Но когда жъ требуютъ. Ну, да Богъ съ вами!

Мы выѣхали на широкій Екатерининскій трактъ, съ обѣихъ сторонъ обсаженный громадными липами и высокими бѣлоствольными березами.

Утро было свѣжее, бодрое; въ листьяхъ шумѣлъ веселый вѣтерокъ.

— Станиславъ, —спросилъ Андрей возницу, — что ищутъ на этихъ заставахъ?

Тотъ поправилъ кнутомъ шлею и обернулся къ намъ.

— Да смотрятъ, нѣтъ ли зерна, матеріи, сахару. Найдутъ — отбираютъ, въ Чортиковъ везутъ. Тамъ теперь изъ отобраннаго большіе склады находятся. А потомъ грузятъ на автомобили и на желѣзную дорогу въ Москву. А оттуда, будто бы, въ Германію. Въ народѣ говорятъ, что все это по приказу нѣмцевъ дѣлается.

Солнце поднималось, становилось жарче, но изъ встрѣчныхъ лѣсовъ тянуло прохладой. Сжатыя нивы уходили въ хрустальную даль. Иногда слышалась странная переливчатая пѣсня; ея звуки очень напоминали пастушескую свирѣль. Рѣдкіе, желтые листья на липахъ говорили о приближавшейся осени.

Въ полдень надо было покормить лошадь. Мы остановились у крайней избы, длинной, безпорядочно построенной деревни. Изба была новая, хорошей стройки; примыкавшіе къ ней амбары и скотный сарай глядѣли крѣпышами и говорили о большомъ хозяйствѣ. Возница долго и безуспѣшно стучалъ въ калитку. Наконецъ, вышла встревоженная женщина. Андрей вступилъ съ ней въ переговоры. Но она оказалась странно-безтолковой и словно не понимала насъ. Потомъ изъ огорода пришла бѣлоголовая дѣвочка и заявила:

— У мамки тятьку убили, такъ она теперь всего боится.

Женщина расплакалась и разсказала, что случилось съ ней.

Нѣсколько дней тому назадъ, позднимъ вечеромъ, къ нимъ постучались какіе-то люди и потребовали, чтобы ихъ впустили. Хозяинъ испугался и дверей не открылъ. Тогда пришедшіе стали стрѣлять по избѣ изъ винтовокъ; деревянныя стѣны пробивались, какъ картонъ, и одной изъ такихъ пуль ея мужъ былъ убитъ

наповалъ. Эти же проходимцы убили въ деревнѣ еще нѣсколько человѣкъ, и теперь всѣ крестьяне были въ паникѣ.

Но наши мирныя намѣренія были слишкомъ очевидны. Женщина дала коню овса и сѣна, а намъ молока и яицъ.

Андрей, который былъ не только сердечнымъ человѣкомъ, но и большимъ практикомъ въ жизни, утѣшалъ, какъ могъ, вдову и давалъ совѣты.

— Возьмите въ домъ кого-нибудь изъ мужиковъ, достаньте патроны, винтовку; пусть ваши однодеревенцы ночью у деревни дозорами ходятъ.

Женщина качала головой и говорила:

— Кабы это раньше въ голову пришло. Да, кто могъ знать? Край нашъ всегда былъ тихій и мирный...

Выѣхавъ въ поле, возница сказалъ:

— Страсть, сколько теперь разбоевъ. Недѣли двѣ тому назадъ ѣхалъ я въ Чортиковъ, одинъ. Вдругъ у самаго города, на шоссе, на меня двое какихъ-то изъ кустовъ бросились. Посмотрѣлъ я на нихъ и еще больше перепугался — свиныя рыла, вмѣсто лицъ. Сразу-то не догадался, что это газовыя маски надѣты. Денегъ стали требовать. Къ счастью, автомобиль изъ Чортикова показался, мѣстный совдепъ куда-то ѣхалъ. Бросили меня. А то, Богъ знаетъ, чѣмъ бы кончилось.

— А какъ наша дорога, — спросилъ Андрей, — не шалятъ тутъ?

— Тутъ-то не слыхать, а такъ вокругъ — вездѣ грабятъ. Убьютъ мужика, тѣло на дорогѣ бросятъ, а лошадь, сбрую, телѣгу заберутъ и продадутъ гдѣ-нибудь. Теперь все это дорого стоитъ, и никто не спрашиваетъ, откуда, да чье. Плохо безъ полиціи. Въ нашей деревнѣ свою охрану придумали, какъ вы бабѣ говорили. Собрали все оружіе и, какъ ночь падаетъ, ходятъ по селу, сте-

регутъ. Чуть что — тревога. Тогда вся деревня подымается. Какъ узнали про это вокругъ — шабашъ, никто къ деревнѣ не подступается. А раньше, бывало, каждую ночь то лошадь уведутъ, то обокрадутъ кого.

День быстро пошелъ къ закату. Небо стало розовымъ. Поля похолодѣли. Разболтанный тарантасикъ гремѣлъ, переѣзжая черезъ жидкіе мостики. Иногда приходилось перебираться въ бродъ черезъ темныя ленты ручьевъ. Мы то въѣзжали въ мрачную гущу лѣса, подпрыгивая на протянувшихся отъ края до края корняхъ, то снова ѣхали ровнымъ, безграничнымъ просторомъ. На ясномъ небѣ блеснула первая звѣзда, потомъ вторая. Мы сидѣли, молчали, покачивались. А небо посылало одну звѣзду краше другой. Обозначилась полоска Млечнаго пути. Лошадь стригла ушами, шумно фыркала и вглядывалась въ темноту.

И мнѣ казалось, что я когда-то уже ѣхалъ по этой дорогѣ, съ такими же думами, въ такое же время и такъ же смотрѣлъ на небо. Было это когда - нибудь или нѣтъ?

Мягко заворошились мысли. Отъ темнаго, безсознательнаго грунта души что-то тихо отрывалось и окружало усталое сознаніе отдѣльными, безформенными образами. И, когда я вглядывался въ нихъ, то видѣлъ мать, Андрея, возницу, лошадь.

Въ Тауцы мы прибыли поздно ночью. Проѣхали плотину, поднялись мимо мельницы вверхъ по горѣ и остановились у церкви. Стали держать совѣтъ: что дѣлать дальше? Андрей самъ былъ въ первый разъ въ городѣ; всѣ спали, и не у кого было спросить, гдѣ находится Дворянская улица. Онъ рѣшилъ пойти на развѣдку, а мы съ подводчикомъ направились къ ближайшему постоялому двору. Сонная еврейка открыла намъ дверь.

Пока возница возился съ лошадью, я уже спалъ, какъ убитый.

Разбудилъ меня Вова, старшій сынъ Андрея.

— Идемте къ намъ, папа уже самоваръ ставитъ.

Возчикъ снова запрягъ лошадь, и мы двинулись на Дворянскую улицу. Прямо нельзя было проѣхать, гора была слишкомъ крутая, и Вова повелъ насъ окольными путями. Мы шли съ четверть часа между маленькими домиками съ закрытыми ставнями. Было темно, туманно, и я съ сожалѣніемъ вспоминалъ кровать на постояломъ дворѣ. Въ тотъ моментъ, когда я окончательно потерялъ надежду куда-нибудь прійти, лошадь стукнулась оглоблей въ ворота и остановилась. Мы прибыли.

Андрей уже сидѣлъ за самоваромъ и, окруженный со всѣхъ сторонъ, разсказывалъ о Москвѣ.

При нашемъ появленіи раздался радостный вопль. Когда я со всѣми перездоровался и наскоро умылся, Андрей усадилъ съ нами распрягшаго уже лошадь возчика. Онъ былъ родомъ изъ Авинскаго уѣзда, гдѣ до войны еще работалъ Андрей. Мы пили, ѣли и болтали до самой зари. Потомъ насъ отвели въ маленькую комнату, закрыли окна ставнями и приказали спать до обѣда.

Лечь мы легли, но заснуть изъ-за массы впечатлѣній было трудно, только дремалось. Когда же въ моей головѣ возможное стало перемѣшиваться съ невозможнымъ, неожиданно открылось окно и море свѣта залило комнату.

— Вставай, Валеріанъ, не пропускай дня, когда можно поѣсть, — взывалъ, стоя на дворѣ, Андрей, залитый свѣтомъ. Востроносый, худой, онъ походилъ на замореннаго цыпленка, но глаза его сіяли.

ГЛАВА Ш.

ГОСПОДА ПОЛОЖЕНІЯ

Я выглянулъ въ окно. Оно выходило въ длинный огородъ, засаженный картошкой. По краямъ стояли большія яблони, груши, сливы. Нѣкоторыя деревья низко опускали вѣтки подъ тяжестью густо усаженныхъ сливъ, то янтарныхъ, то сизыхъ. Стоявшее невдалекѣ деревцо сплошь было покрыто крупными пахучими яблоками.

— Антоновка, — сказалъ Андрей, поведя носомъ, — не будетъ хлѣба, будемъ яблоки и груши ѣсть.

Такъ ярко свѣтило солнце, такая бодрость была въ воздухѣ, что голодъ казался чѣмъ-то невѣроятнымъ.

— Доволенъ? — спросилъ Андрей.

Мы умылись на дворѣ холодной водой и во время умыванія безпричинно смѣялись.

Потомъ Тосикъ и Вова, сыновья Андрея, предметъ тайной гордости папаши, пошли съ нами показать городокъ. Церковь, костелъ, базарная площадь, густой городской паркъ. Городокъ былъ очень маленькій; домики были небольшіе, но хозяйственно построенные, при каждомъ — густой огородъ съ садомъ. Лица жителей были привѣтливыя, благожелательныя. Въ воздухѣ царили миръ и спокойствіе. Совсѣмъ не было противнаго городского шума. Хорошо работать и думать въ такой тишинѣ.

Мы прошли черезъ всѣ Тауцы. Самымъ лучшимъ уголкомъ оказалась наша Дворянская. Располагалась она на взгорьѣ, утопавшемъ въ зелени, и подходила къ крутому непроѣзжему скату, который весь былъ изрытъ

весенними ручьями. На самой улицѣ, покрытой свѣжей зеленой травой, паслись гуси, бродили куры. Изъ оконъ была видна извилистая рѣчка, за рѣчкой — поля, за полями, до самаго неба, тянулись лѣса. Глаза упивались и наслаждались просторомъ, а грудь ширилась отъ чувства полноты жизни и отъ неповторяемаго счастья жить.

Позвали насъ обѣдать. Обѣдъ состоялъ изъ картофеля, супа съ мясомъ и душистаго чернаго хлѣба.

Все это было замѣчательно вкусно.

За столомъ сидѣло двѣ семьи: Андрея и брата его жены. Каждая состояла изъ супружеской четы и двухъ дѣтей. У Андрея было два мальчика, какъ я уже сказалъ, — Вова и Тосикъ, а у его шурина — Георгія Владиміровича Брума — двѣ дѣвочки, Ляля и Лида, 3 и 5 лѣтъ. Семьи жили въ небольшомъ домикѣ. Половину его, выходившую въ огородъ, занималъ Андрей, а другую, на улицу Брумъ. Жену Андрея я зналъ давно; это была красивая, добрая и отзывчивая женщина. Братъ ея — Брумъ, во всемъ походилъ на сестру. Его жена отличалась привѣтливостью и миловидностью.

— Все ли ты забралъ съ собой, Андрей? — спросила за обѣдомъ жена.

— Все, что у насъ тамъ было; даже гитару, старыя штиблеты и галоши.

— Хорошо. А то дѣти съ самой весны босикомъ ходятъ. Какія были — развалились, а новыхъ не на что купить

Послѣ обѣда мы съ Андреемъ пошли въ садъ; Вова принесъ коверъ и постелилъ его на солнцѣ, а Тосикъ натрясъ намъ яблокъ. Мы съѣли фунта по четыре и вздремнули. Очнулись мы, когда солнце уже сильно склонилось на западъ.

— Вотъ она матушка провинція, — разсуждалъ Анд-

рей, принимаясь за яблоки, — поѣлъ — спать хочется, поспалъ — ѣсть хочется.

Подъ вечеръ къ Брумамъ пришла жена мѣстнаго агронома и сообщила, что въ предмѣстьи Могилева большевиками убитъ ихъ общій знакомый, офицеръ Скоковъ. Я слушалъ разсказъ и клевалъ носомъ; Андрей иногда даже всхрапывалъ. Дама говорила много, долго и громко.

— Провинція вещь хорошая, — замѣтилъ Андрей, ложась спать, — но очень ее портятъ провинціальныя дамы. Ты какъ, Валеріанъ?

Но я уже не имѣлъ силы отвѣтить.

На другое утро жена Андрея взяла насъ съ собой на базаръ. Вся площадь была покрыта возами; продавали телятъ, поросятъ, яйца, творогъ. Лавки тоже были открыты. По совѣту Андрея я купилъ полъ-дюжины рубашекъ. Раскаиваться въ этомъ мнѣ не пришлось: больше рубашекъ на продажу я въ Россіи не видѣлъ. Кромѣ того, мы взяли еще хлѣба, огурцовъ, творогу, и всѣ, груженые, пришли домой.

Кто и какъ правилъ въ Тауцахъ, я не могъ хорошенько понять. Въ городѣ былъ Совдепъ, Исполкомъ, Комкомъ, Военкомъ, Совнархозъ, Здравкомъ и еще великое множество учрежденій съ сокращенными названіями.

Что означали эти слова — мнѣ разъясняли Вова и Тосикъ. Особенно заинтриговавшее меня названіе — Собезъ оказалось соціальнымъ обезпеченіемъ, а на самомъ дѣлѣ — бывшей сиротской управой. Мои наставники пришли въ ужасъ отъ моего невѣжества и читали мнѣ лекціи о современномъ русскомъ государственномъ устройствѣ; попутно они также давали характеристики тауцкихъ заправилъ. Въ политикѣ Вова и Тосикъ знали много; но, когда мнѣ съ ними пришлось коснуться ал-

гебры и арифметики, то тутъ уже я пришелъ въ ужасъ. Старшій —Вова, переходилъ въ IV классъ, Тосикъ въ Ш; оба имѣли передержки по математикѣ и оба знали очень мало. Не ихъ была вина. За три года они перемѣнили три училища, а тутъ еще революція.

— Мы сами знаемъ, что ничего не знаемъ, — говорилъ бойкій Тося, — попали изъ Варшавы въ Москву — училище на другомъ концѣ города, часъ надо было ѣхать до него, уроки по другому, учителя незнакомые. Въ классѣ насъ 55 человѣкъ было; къ концу такъ становилось душно, что нѣкоторые въ обморокъ падали.

— Ну, ты радъ ужъ оправдаться, — заворчалъ Андрей, — принеси - ка намъ лучше грушъ.

Тосикъ ушелъ.

— Трудно съ дѣтьми, — продолжалъ Андрей, — въ Варшавѣ изъ-за войны занятія шли кое-какъ, въ Москвѣ намъ всѣмъ пришлось въ одной комнатѣ жить. Плохія были условія. Потомъ жена сюда переѣхала, дѣтей въ здѣшнее реальное помѣстила; каждый разъ надо было мѣнять учебники, а тутъ, въ Тауцахъ, и совсѣмъ книгъ нѣтъ. Теперь говорятъ, большевики всѣ школы по-своему хотятъ передѣлать. Что будетъ съ дѣтьми, не знаю.

И, кромѣ того, они не имѣли на зиму теплой одежды и обуви. Андрей тоже ходилъ въ полуразвалившихся ботинкахъ и, хотя самъ первый смѣялся надъ этимъ, но не особенно весело.

Вѣрилось все-таки, что въ концѣ концовъ, разумный порядокъ образуется. Пока же мы съ Андреемъ «налаживали» жизнь. Подъ этимъ онъ подразумѣвалъ главнымъ образомъ «принятіе пищи» въ опредѣленные часы. Все остальное должно было получиться само собой. И мы оба были настолько тощи и слабы, что съ насъ никто ничего большаго и не спрашивалъ, хотя, къ сожа-

лѣнію, изъ всей нашей колоніи служилъ только Брумъ, въ бывшей земской управѣ, и того, что онъ получалъ, не хватало на хлѣбъ для его собственной семьи.

Начинался нашъ день съ того, что Андрей открывалъ ставни и докладывалъ какая погода; потомъ все мужское населеніе умывалось на дворѣ холодной водой. Утренняя свѣжесть, чистое небо, ясное солнышко, запахъ яблокъ, разговоры куръ во дворѣ приводили насъ въ телячій восторгъ.

Въ воздухѣ уже носилась паутинка, высоко въ небѣ пролетали стайки журавлей, аистовъ, гусей. Все это тянуло къ югу. Мы ходили на базаръ, ѣли, спали и желали только одного, чтобы это блаженное состояніе длилось безъ конца. Проходя по городу, мы видѣли съ Андреемъ много молодыхъ людей въ пышныхъ френчахъ и новенькихъ рейтузахъ. У нѣкоторыхъ небрежно свисалъ изъ кармана револьверный шнуръ. Другіе носили шашки, кортики; всѣ звенѣли шпорами. У многихъ было столько колецъ, что не сгибались пальцы.

Это были мѣстные правители. Они чинно ходили по улицамъ, подавленные, видимо, собственой значительностью. На насъ они не обращали вниманія. Зато Андрею ихъ видъ внушилъ мысль, что намъ поскорѣе надо прописаться, чтобы получить право на продовольственныя карточки. Отправились въ милицію.

Милиціонная канцелярія помѣщалась на краю города, въ сѣромъ просторномъ домѣ подъ высокими, стройными тополями. Въ большой комнатѣ, куда мы вошли, стояло два ломберныхъ стола, три кухонныхъ и одинъ письменный, крытый синимъ сукномъ. На столахъ грудами лежали дѣла бывшаго полицейскаго Управленія. Мы обратились къ пожилому человѣку въ потертомъ костюмѣ, который съ озабоченнымъ видомъ шнырялъ между столами. Это былъ шефъ канцеляріи, видимо,

бывшій полицейскій служащій. Андрей изложилъ ему нашу просьбу.

— Обратитесь къ товарищу комиссару, какъ онъ, — и шефъ указалъ на дверь въ сосѣднюю комнату.

Мы постучались и вошли.

За маленькимъ хрупкимъ столикомъ, на которомъ стояло овальное зеркало, сидѣлъ въ матросской шапочкѣ товарищъ комиссаръ. Онъ любовался на свое отраженіе и попутно выдавливалъ на носу угри. Когда мы вошли. комиссаръ оторвался отъ зеркала и, замѣтивъ, что мы безъ фуражекъ, самъ снялъ свою шапочку и положилъ ее передъ зеркаломъ. Мы объяснили цѣль нашего прихода. Комиссаръ сдѣлалъ нѣсколько указательныхъ жестовъ на дверь:

— Вы того, товарищи, какъ дѣлопроизводитель, а я согласенъ....

Этимъ нашъ пріемъ и кончился.

Получивъ разрѣшеніе на пребываніе въ городѣ, мы отправились въ Компродъ, гдѣ выдавались продовольственныя карточки.

Компродъ занималъ домъ въ центрѣ города, противъ городского парка. На двери была бѣлая эмалированная табличка съ отбитымъ угломъ: «Sage-femme. Принимаетъ больныхъ на дому, а по надобностямъ выѣзжаетъ». Пониже хлѣбнымъ мякишемъ былъ приклеенъ лоскутокъ бумаги: «Комиссаріатъ продовольствія».

Андрей нажалъ на ручку. Дверь оказалась запертой. Я дернулъ за какую-то ржавую проволоку. Гдѣ-то загремѣлъ колокольчикъ.

— Лія, посмотри, какая это сволочь звонитъ, — донеслось изъ раскрытаго окна. Послышались шаги, съ грохотомъ упалъ засовъ. Въ полу-открытую дверь выглянула косоглазая, босая дѣвочка... Отъ нея потянуло кухней.

— Вамъ кого, товарищи?

— Мы за карточками.

Дѣвица снова закрыла дверь и снова зашлепала ногами.

Черезъ минуту пришла полная, въ синемъ шелковомъ платьѣ, черноволосая женщина.

Узнавъ фамилію Андрея, она разсыпалась въ извиненіяхъ.

— Входите, входите, пожалуйста. Мы съ мужемъ думали, что это мужики пришли; ихъ теперь къ намъ столько шляется, что и сосчитать нельзя. Одинъ сахару проситъ, другой — кожи на сапоги, у третьяго хлѣба нѣтъ, у четвертаго лошадь реквизировали. Всѣ къ намъ обращаются. Сами же везти въ городъ ничего не хотятъ... А вашу жену, госпожу Тикъ, я хорошо знаю. Прекрасная женщина....

Выяснилось, что въ Компродѣ комиссарила коллегія — Леля Нарциссовна, она же и sage-femme, — и супругъ ея Антонъ Марковичъ.

Оба они оказались людьми услужливыми и въ пять минутъ написали намъ карточки на муку, на сахаръ, на керосинъ и на разныя другія благости, на которыя имѣлъ право всякій гражданинъ Р.С.Ф.С.Р.

— Теперь идите скорѣе въ Продкомъ, можетъ быть, что-нибудь и удастся получить, — посовѣтовала на прощаніе Леля Нарциссовна.

Изъ Компрода отправились въ Продкомъ или иначе говоря, въ продовольственный комитетъ. Продкомъ помѣщался въ самомъ большомъ домѣ на базарной площади, по сосѣдству съ синагогой

На крыльцѣ мы встрѣтили двухъ крестьянъ.

— Привезъ я старшему, — говорилъ одинъ, — масла, муки, яицъ, все какъ по уговору; спрашиваю — а сапоги когда? «Приходи завтра». Прихожу я это на-завт-

ра, сегодня, значитъ, а онъ — «нѣтъ сапогъ, подожди до зимы»; далъ вотъ кожи, только, изъ нея и подметокъ не выкроешь....

Мы вошли въ переднюю. Въ большой залѣ и въ смежныхъ съ ней комнатахъ за разнокалиберными столами сидѣла уйма людей. И, хотя здѣсь были мужчины и женщины, пожилые и молодые, всѣ походили одинъ на другого, словно это былъ одинъ кланъ.

Въ комнатахъ носилась пыль, было душно. Продкомцы громко разговаривали между собой, и никто ничего не дѣлалъ. Какая-то дѣвица помѣшивала чай ложечкой въ стаканѣ и читала Горькаго. Другая чистила ногти. Молодой человѣкъ за столомъ ловилъ муху, садившуюся на его книгу; его визави надувалъ щеки и билъ себя ладонями по лицу. На небольшомъ столикѣ въ углу, около поломаннаго зерцала, стоялъ ведерный кипѣвшій самоваръ. Къ нему подходили, наливали чай, и брали сахаръ изъ сѣраго большого тючка.

— Вамъ что, товарищъ? — спросилъ молодой курчавый брюнетъ, сидѣвшій поближе. На столѣ передъ нимъ лежала большая раскрытая конторская книга На ней стоялъ пустой стаканъ и фунтикъ съ леденцами. Брюнетъ сидѣлъ, сильно откинувшись назадъ и засунувъ пальцы въ карманы жилета. Отъ выпитаго чая, на лбу и на носу блестѣли капельки пота.

— Мы пришли узнать, нельзя ли по карточкамъ получить, — сказалъ Андрей.

— Кушъ, къ вамъ! — крикнулъ брюнетъ и взялъ леденецъ.

Къ намъ направился мужчина, ходившій между столами и разговаривавшій со служащими. Лѣтъ ему было подъ сорокъ; совсѣмъ лысая голова походила на куриное яйцо, тупымъ концомъ кверху; только на шеѣ и на вискахъ вился тонкій пушокъ. Лицо было желтое, въ

крупныхъ складкахъ, и походило скорѣе на плохо приложенную маску. Вся фигура производила впечатлѣніе преждевременной старости и дряблости. Молодо выглядѣли только губы: крупныя, сочныя, красныя.

— Вамъ что угодно?

— Да, вотъ, мы пришли узнать — нельзя-ли чего-нибудь по карточкамъ получить.

— Ничего нельзя.

— Какъ же такъ? Мы люди пріѣзжіе, у меня двое сыновей, у нихъ ничего нѣтъ, а зима идетъ.

Послѣ долгаго торга Андрею было обѣщано полъпуда муки.

— А, вы кто? — спросилъ меня глава Продкома.

— Я изъ плѣна пріѣхалъ, ничего нѣтъ, не во что одѣться.

— Къ сожалѣнію, ничего не могу вамъ дать. Есть вотъ только набрюшники и портянки.

— Кромѣ того, я бы хотѣлъ сахару и муки.

— Сахару и муки? — протянулъ товарищъ Кушъ, — сахару и муки нѣтъ совсѣмъ.

Я посмотрѣлъ на его золотую цѣпочку, на фунтъ съ леденцами, на тючокъ съ сахаромъ. Молодая дѣвица, читавшая Горькаго, говорила въ это время молодому брюнету, качавшемуся отъ избытка благополучія на стулѣ:

— Попросила я десять аршинъ чернаго сукна, а мнѣ выдали сѣраго; я еще разъ, для бабушки; выдали чернаго, и сѣрое ставили.

— Мнѣ по запискѣ сначала женскіе ботинки выдали; я ихъ матери оставилъ, а мнѣ Саша другой талонъ написалъ; выдали крѣпкіе американскіе штиблеты.

И разсказывавшій вытягивалъ ноги въ дорогихъ желтыхъ башмакахъ. Товарищъ Кушъ внимательно наблюдалъ за мной. Онъ видѣлъ, что я все вижу и все слышу.

Но кожная складчатая маска на его лицѣ была совершенно неподвижна. Изрѣдка только шевелились морщины у рта. На короткій мигъ глаза загорались непримиримой ненавистью и тухли. Я почувствовалъ, что говорить дальше — значитъ еще больше унизиться.

На прощаніе, мы еще разъ обмѣнялись взглядами: они столкнулись, какъ двѣ тяжелыя глыбы, какъ двѣ непримиримыя силы. Обожженный этой безпричинной ненавистью, я быстро повернулся и вышелъ.

Мы завернули въ паркъ; молча посидѣли и пошли домой. Я шелъ и старался понять, въ чемъ дѣло. Почему для простого матроса мы оказались пріемлемы, а въ Продкомѣ на насъ взглянули, какъ на враговъ?

— Да, не понравились мы Кушу, — сказалъ Андрей.

— А, почему? Были у матроса, онъ — товарищъ, мы — товарищи....

— Матросъ, братъ, дѣло другое....

Но въ чемъ было дѣло— Андрей такъ и не объяснилъ.

Проходя, мы остановились передъ витриной фотографа. Она была живымъ отраженіемъ эпохи.

Двое молодыхъ людей, въ сногсшибательныхъ френчахъ занимали центральное мѣсто въ витринѣ. Они стояли, обнявши одинъ другого; у каждаго въ свободной рукѣ было по огромному нагану; для большаго шика, въ полъ было воткнуто двѣ шашки.

Какой-то юноша въ роскошныхъ галифэ снялся за столикомъ съ пустыми бутылками; въ одной рукѣ онъ держалъ пустой стаканъ, въ другой наганъ, грозя имъ ни въ чемъ неповинной посудѣ.

Нѣкто въ гусарскомъ ментикѣ и пожарной каскѣ цѣлился въ самый объкетивъ.

Онъ и она радостно обнимались. На немъ былъ уланскій мундиръ, офицерское снаряженіе и прекрасныя рей-

тузы. За поясомъ было заткнуто двѣ бомбы; на одномъ боку висѣлъ топоръ, на другомъ кавалергардскій палашъ. На головѣ красовалась судейская треуголка. Подруга стояла скромно держа опущенныя руки дощечкой. Поверхъ рубашки на ней было слегка передѣланное кружевное combinaison. Combinaison было короткое и несмотря на небрежно наброшенное великолѣпное манто, ясно вырисовывались могучіе пилястры до самаго мѣста ихъ встрѣчи. Пышная бумажная роза украшала богатѣйшую грудь волшебницы.

Въ самомъ низу была снята группа съ флагами, двумя пулеметами и повозкой краснаго креста.

Въ общемъ на витринѣ я насчиталъ семь нагановъ, три маузера, четыре бомбы, одинъ кортикъ, десять шашекъ и два кинжала, не считая пулеметовъ. Короче, зовъ «долой войну» заставилъ всѣхъ вороужиться; по крайней мѣрѣ, тѣхъ, кто ходилъ къ фотографу сниматься.

— Ну, какъ дѣла, Андрей? — спросила его жена, когда мы вернулись домой. Онъ разсказалъ ей наши похожденія.

— Будьте осторожнѣе въ Продкомѣ. Про Куша говорятъ, что у него въ Минскѣ былъ питейный домъ. Теперь онъ заядлый коммунистъ и часто ѣздитъ въ Москву. Хвастается, что Склянскій его родственникъ. Бывшій предсѣдатель земской Управы поспорилъ съ нимъ изъза пайка; предсѣдателя послѣ этого арестовали и за недѣлю до вашего пріѣзда разстрѣляли въ Москвѣ, какъ контръ-революціонера. Говорятъ, что это дѣло рукъ Куша.

ГЛАВА IV.

ЧЕЛОВѢКОПОДОБНЫЕ

Отъ частыхъ хожденій на базаръ мой бумажникъ быстро тощалъ. Въ городѣ лавки закрывались одна за другой: товары выходили, новыхъ не было; вмѣстѣ съ тѣмъ и возовъ на базарѣ появлялось все меньше и меньше. Жизнь дорожала. Я началъ подумывать о службѣ. Сидя однажды съ Андреемъ на скамейкѣ за воротами, мы увидѣли проходившаго мимо мужчину съ сѣдоватой бородкой.

— Пане Фронкъ, — окликнулъ его Андрей.

Человѣкъ остановился и поглядѣлъ на насъ.

— Пане Тикъ, пане Корсакъ!

Это былъ нашъ сослуживецъ по Варшавѣ. Пошли разговоры.

— Что вы дѣлаете? — спросилъ Фронкъ.

— Ничего; думаемъ только, что дальше дѣлать.

— Деньги, видно, есть.

— Какое!.. У меня — ни гроша, у Валеріана было немного, да и то на исходѣ... А вы гдѣ?

— Жду пока отправятъ въ Польшу; временно служу въ военномъ Комиссаріатѣ. Ничего не подѣлаешь. По крайности хоть паекъ даютъ.

— Не плохо.

— Можетъ быть, изъ васъ кто-нибудь на службу хочетъ, скажите мнѣ, — я съ шефомъ въ хорошихъ отношеніяхъ, поговорю съ нимъ; онъ устроитъ.

— Коммунистъ?

— Какой тамъ коммунистъ. Бывшій военный чиновникъ; его большевики мобилизовали.

— Я-то нѣтъ, — отвѣтилъ, подумавъ Андрей, — а ты какъ Валеріанъ?

Я задумался. Деньги были на исходѣ. Найти другое мѣсто — было немыслимо; все уже было національзировано, всѣ нуждались въ заработкѣ.

— А какая тамъ служба? — спросилъ я.

— Да никакой нѣтъ; будете писаремъ, станете бумаги переписывать.

Фронкъ распрощался и ушелъ. Прошло еще двѣ недѣли; ничего не нашлось. Сила вещей не была на моей сторонѣ. Мои раздумья кончились тѣмъ, что я сдался.

Въ одно сентябрьское утро я съ Фронкомъ пришелъ въ Военкомъ, онъ же и Военный Комиссаріатъ. Помѣщался Военкомъ недалеко отъ насъ, у мостика черезъ оврагъ, въ нижнемъ этажѣ большого кирпичнаго дома; верхъ занимало казначейство.

Не безъ страха я переступилъ порогъ Комиссаріата. Онъ представлялся мнѣ осинымъ гнѣздомъ. Первая комната, куда мы вошли, походила скорѣе на мусорную яму, чѣмъ на жилище. Окна были закрыты; на полу валялись скомканныя бумажки и окурки. Облакомъ носился табачный дымъ; пахло махоркой. За столами самыхъ разнообразныхъ фасоновъ уже сидѣли служащіе. Всѣ были одѣты въ костюмы защитнаго цвѣта; у одного виднѣлась въ петлицѣ георгіевская ленточка. Было нѣсколько женщинъ. На насъ никто не обратилъ вниманія.

Фронкъ поздоровался кое съ кѣмъ и посадилъ меня за свой столикъ; подъ его диктовку, я написалъ прошеніе на имя «товарища завѣдующаго отдѣломъ снабженія тауцкаго военнаго комиссаріата».

Взявъ бумагу, Фронкъ куда-то исчезъ. Вернулся онъ въ сопровожденіи какого-то новаго человѣка, лѣтъ 25. Это былъ завѣдующій отдѣломъ снабженія, бывшій военный чиновникъ. Онъ принялъ меня къ себѣ, въ ка-

чествѣ писаря. съ жалованіемъ 325 рублей и еще паекъ, состоявшій изъ пуда муки и двухъ фунтовъ сахара. Такъ началась моя служба у большевиковъ.

Военный Комиссаріатъ, который казался мнѣ опаснѣйшимъ учрежденіемъ, на дѣлѣ вышелъ не такъ ужъ страшенъ. Онъ былъ раздѣленъ на отдѣлы — общій, снабженія и формированія, агитаціонно - просвѣтительный, мобилизаціонный, всеобщаго обученія. Но число отдѣловъ не было величиной постоянной; одни появлялись, другіе исчезали. Такъ, при мнѣ былъ вызванъ къ жизни Бордезеръ, что въ переводѣ на русскій эзначало борьба съ дезертирствомъ. Во главѣ каждаго отдѣла стоялъ завѣдующій; у завѣдующаго былъ дѣлопроизводитель, у дѣлопроизводителя писарь, одинъ или даже нѣсколько.

Кромѣ того, было еще два военныхъ руководителя или военрука — лица, не имѣвшія никакихъ опредѣленыхъ занятій, и оружейный смотритель, хранитель, такъ сказать, тауцкаго арсенала. Возглавлялось учрежденіе двумя комиссарами-коммунистами, товарищемъ Стуловымъ и товарищемъ Блохинымъ.

Первое время я сидѣлъ тихо, присматривался, что дѣлается вокругъ. Мой шефъ, Спирохетовъ, никакой работы мнѣ не давалъ; онъ и безъ того имѣлъ дѣлопроизводителя и двухъ писарей, и, зачѣмъ понадобился еще третій — я не могъ понять.

Отъ нечего дѣлать, я перелистывалъ тощія дѣла, читалъ переписку и учился пришивать бумажки къ обложкѣ. Я всегда завидовалъ способности разбираться въ бумагахъ, умѣть поладить съ каждой изъ нихъ, куда-то дѣть ее, а потомъ сумѣть найти. Лично я на это былъ глубоко неспособенъ.

На обязанности моего шефа лежало снабженіе всѣмъ необходимымъ роты красноармейцевъ, находив-

шейся въ Тауцахъ. Къ намъ, въ отдѣлъ, приходила масса лицъ съ самаго ранняго утра. Чаще всего это были унылыя фигуры огородниковъ, мясниковъ, хлѣбопековъ, кожевниковъ.... Придя, такое лицо тоскливо шарилось у себя въ карманахъ, потомъ извлекало сѣрую бумажку съ кое-какъ нацарапанными каракулями и подавало ее со вздохомъ.

— Вчера, товарищъ, у меня по вашему приказанію, реквизировали сто качановъ капусты.

Реквизировалось все, — картофель, мясо, сѣно, солома, дрова, столы, телѣги... За забранное Спирохетовъ платилъ такъ, что владѣльцы поднимали вопль, какъ будто съ нихъ не только сдирали кожу, но и поливали еще кипяткомъ.

Вскорѣ послѣ моего поступленія на службу въ отдѣлъ пришла огородница-еврейка, у которой мой шефъ забралъ весь картофель. Она голосила на весь Военкомъ, плакала, била себя въ грудь, кричала о своемъ вдовьемъ положеніи, о своихъ дѣтяхъ, о зимѣ... Но Спирохетова людскія жалобы не трогали.

Онъ не былъ даже очень злымъ человѣкомъ. Онъ имѣлъ одну слабость: реквизировать; это было его самое любимое слово; онъ его спрягалъ во всѣхъ временахъ и наклоненіяхъ. Мебель для отдѣла онъ набралъ въ городѣ. Для себя лично онъ досталъ огромный письменный столъ, для своихъ подчиненныхъ — удивительную смѣсь эпохъ и стилей. Часто въ серединѣ занятій онъ уходилъ въ городъ, говоря:

— Если придетъ тов. Стуловъ, скажите, что я пошелъ въ городъ посмотрѣть одинъ столикъ.

Полетѣли дни за днями.

Занятія начинались въ 9 часовъ. Къ этому часу служащіе старались попасть въ Комиссаріатъ. Но у однихъ совсѣмъ не было часовъ, а у другихъ они ходили невѣр-

но, у третьихъ были болѣе важныя дѣла въ городѣ — покупка дровъ, добываніе муки и прочаго, необходимаго для жизни. Комиссары приходили, какъ имъ вздумается. Товарищъ Стуловъ являлся иногда даже въ 8 часовъ утра, а иногда лишь подъ самый конецъ занятій. Его коллега— Блохинъ занималъ свое мѣсто къ одиннадцати.

Мѣстные жители утверждали, что настоящая фамилія Стулова была Стуло, и онъ только во время большевистскаго переворота прибавилъ себѣ окончаніе «въ». Волосы у него были густые, курчавые, какъ у негра, но цвѣта грязнаго льна; лицо — слегка тронутое оспой, лобъ — сильно скошенный; глаза — маленькіе и круглые, какъ двѣ горошины. Въ теплое время Стуловъ ходилъ во френчѣ и съ морскимъ кортикомъ. Иногда же онъ являлся сплошь увѣшанный оружіемъ: за поясомъ двѣ бомбы, сбоку германскій палашъ, въ рукахъ небольшой карабинъ. Когда настали холода, на немъ появилась роскошная котиковая шуба и такая же шапка. На среднемъ пальцѣ лѣвой руки онъ носилъ умопомрачительный брилліантъ въ платиновой оправѣ. Отъ всего его естества исходилъ смрадъ — невыразимо противный. какъ отъ падали. Гнилъ-ли товарищъ Стуло заживо, или онъ просто не мылся никогда въ банѣ — сказать не берусь. Знавшіе его болѣе близко утверждали, что до революціи онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ за кражу со взломомъ. Не чуждъ былъ товарищъ Стуловъ искусству. Онъ завелъ духовой оркестръ и поощрялъ театральное дѣло, посѣщая спектакли, которые давались въ домѣ напротивъ Военкома, спеціально реквизированномъ для театра.

Во время революціонныхъ празднествъ онъ торжественно шелъ впереди процессіи и несъ флагъ съ надписью: «Да здравствуютъ Совѣты».

Комиссаріатскую печать онъ всегда носилъ съ собой. Придя, онъ начиналъ шариться по всѣмъ карманамъ и выгружать ихъ содержимое на первый попавшійся столъ. Чего только ни носилъ товарищъ Стуловъ въ глубинѣ своихъ кармановъ? Тутъ былъ жестяной портсигаръ, пустыя ружейныя гильзы, носовой платокъ, завернутый въ бумажку, хлѣбныя корки, обгрызанные карандаши, круглое зеркальце... Послѣ всего этого мусора, съ самаго дна появлялась, наконецъ, подушка для печати и самая печать. Затѣмъ все лишнее снова пряталось, товарищъ Стуловъ дулъ на печать, чтобы удалить приставшія крошки и табакъ и садился за столикъ въ своемъ кабинетѣ.

Вторымъ комиссаромъ былъ Блохинъ, высокій, красивый блондинъ, лѣтъ 25. Говорилъ онъ слегка заикаясь, и, можетъ быть, благодаря этому, онъ предпочиталъ молчать. Пилъ онъ очень много, отъ него всегда исходилъ пахъ самогона, но во хмелю онъ былъ спокоенъ и никогда никому не сдѣлалъ ни одного замѣчанія. Себя онъ выдавалъ за авіатора, родомъ изъ Владивостока. Тѣ же, кто знали его, утверждали, что онъ мѣстный уроженецъ и до войны былъ народнымъ учителемъ недалеко отъ Минска.

Кромѣ Стулова и Блохина, у насъ было еще два коммуниста — одинъ изъ военруковъ, а другой — завѣующій агитпросвѣтомъ. Но это были коммунисты второго, такъ сказать, сорта. Ихъ исключали изъ партіи, переводили въ разрядъ сочувствующихъ, снова принимали и снова исключали.

Служащихъ было около 40 человѣкъ. Въ ихъ числѣ находился бывшій воинскій начальникъ тауцкаго уѣзда, капитанъ мирнаго времени. Завѣдывалъ онъ мобилизаціоннымъ отдѣломъ; его помощникомъ былъ его же бывшій дѣлопроизводитель. Капитанъ былъ человѣчекъ

низенькаго роста, лицомъ походилъ на печеное яблоко и являлся отцомъ двухъ подростковъ-сыновей, которымъ революція помѣшала кончить корпусъ.

Въ мирное время капитанъ неукоснительно соблюдалъ посты и сочинялъ анонимныя письма, раскрывая глаза обманутымъ мужьямъ. Такъ говорила міpская молва. Послѣ революціи характеръ его круто измѣнился: городская почта не дѣйствовала, наступила эпоха свободнаго сожительства, жены развелись со своими мужьями, писать было некому, и капитанъ записался въ сочувствующіе компартіи. Послѣ окончанія занятій, онъ бѣгалъ по городу и нюхалъ, не пахнетъ-ли гдѣ самогономъ и не играютъ-ли у кого-нибудь въ карты.

Какъ онъ могъ уживаться со своимъ дѣлопроизводителемъ, который не пилъ, не курилъ и не игралъ — трудно было понять.

За первый мѣсяцъ я написалъ тридцать бумажонокъ, за второй — еще меньше. Приходилъ я аккуратно къ 9 часамъ, и не страха ради іудейска, а просто потому, что въ комиссаріатѣ, при излишкѣ столовъ, не хватало стульевъ. Кто приходилъ позже, тотъ мыкался по всѣмъ комнатамъ, отыскивая какой-нибудь колченогій стулъ; стулъ не всегда находился. Несчастный долженъ былъ стоять или сидѣть на поставленномъ торчмя полѣнѣ; другіе же махали рукой и уходили со спокойной совѣстью домой. Военруки же, у которыхъ не было никакихъ опредѣленныхъ занятій, проводили время, сидя на перилахъ, отдѣлявшихъ казначея отъ внѣшняго міра. Богатый досугъ коротался крученіемъ собачьихъ ножекъ и разговорами о цѣнахъ на базарѣ и о томъ, что появилось новаго въ кооперативахъ.

Однажды, когда почти весь отдѣлъ ушелъ на базаръ, явился тов. Стуловъ. Я его не замѣтилъ, занятый чисткой ногтей. Осиротѣлый видъ неоккупированныхъ

стульевъ возмутилъ его коммунистическую душу. Онъ ударилъ стэкомъ по среднему столу такъ сильно, что я вздрогнулъ и поднялъ голову; стукнувъ еще разъ, комиссаръ загремѣлъ:

— Почему столъ не работаетъ?

Но столъ только треснулъ.

— Бѣлогвардейщина, саботажники....

Къ кому это относилось — къ отсутствующимъ, ко мнѣ, или къ завѣдующему общимъ отдѣломъ Шарику, который изъ казенной бумаги дѣлалъ тетрадь для своего сынишки, осталось неизвѣстнымъ. Стуловъ отгремѣлъ и ушелъ.

Мѣсяца два спустя послѣ моего поступленія на службу, я дежурилъ по комиссаріату. Всѣ уже разошлись, и я читалъ «Записки Пиквикскаго клуба». Вдругъ дверь распахнулась и вошла молодая женщина, красивая, заплаканная, хорошо одѣтая.

— Алексѣй Григорьичъ здѣсь? — спросила она.

— Кто? — не понялъ я.

— Товарищъ Стуловъ.

— Онъ былъ и ушелъ.

— Скажите... — тутъ пришедшая замялась, — онъ въ какомъ видѣ былъ?

Я опять ничего не понялъ.

— Ну, отъ него не пахло, онъ не былъ пьянъ?

— Кажется, нѣтъ.

— Ему привезли сегодня самогонку, и онъ исчезъ съ самаго утра.

Женщина ушла; она быстро побѣжала по улицѣ, на ходу утирая слезы. Послѣ нея въ комнатѣ остался запахъ духовъ и пудры.

— У васъ кто-то былъ? — спросилъ явившійся съ метлой сторожъ-красноармеецъ.

Я разсказалъ про странный визитъ.

— Это жена Стулова. Онъ, какъ получитъ съ уѣзда самогонку отъ волостныхъ комиссаровъ, такъ и начинаетъ пьянствовать и съ послѣдними дѣвками хороводиться. А жена его по городу бѣгаетъ, ищетъ. Она-то изъ хорошей семьи, у нихъ тутъ было подъ городомъ 800 десятинъ. Мужъ до войны незадолго умеръ. Осталась вдова одна. А когда большевики наступили, то вдову одинъ чекистъ дюже обидѣлъ. Всѣ знали и всѣ молчали. Только одинъ, значитъ, Стуловъ на защиту вдовы и всталъ. А потомъ они и поженились.

Всякая бумажка, вылетавшая изъ комиссаріата на свѣтъ Божій, составлялась и переписывалась писаремъ. Затѣмъ ее подписывалъ дѣлопроизводитель, послѣ него — завѣдующій отдѣломъ, потомъ — военрукъ, и на самомъ верху красовалась подпись комиссара.

Мы всѣ старались провести какъ-нибудь время до 3-хъ часовъ — конца нашихъ занятій. Если же не было дѣла, то дѣлали видъ, что что-то дѣлается.

Надъ головой шефа общаго отдѣла висѣли часы; если кому-нибудь надо было ускорить время выхода, тотъ вставалъ на стулъ и переводилъ стрѣлки, при молчаливомъ одобреніи остальныхъ.

Товарищъ Стуловъ, который при всѣхъ своихъ государственныхъ способностяхъ не умѣлъ разбираться въ циферблатѣ, нѣсколько разъ удивлялся черезъ-чуръ скорому темпу времени, но сообразить, въ чемъ дѣло, не могъ.

Подъ этими часами была надпись, сдѣланная на картонѣ славянской вязью: «Рукопожатія отмѣняются».

Но, несмотря на это, рукопожатій было больше, чѣмъ раньше: при всеобщемъ равенствѣ, шефамъ нельзя было не подать руки подчиненному, а подчиненному не принять. Та же публика, которая являлась въ комиссаріатъ по дѣламъ, совала лапы прежде всякаго разговора. Какихъ только лапъ ни приходилось пожимать...

**
*

Спирохетовъ скоро замѣтилъ мою совершенную неспособность къ канцелярскому дѣлу.

Но вмѣсто того, чтобы быть уволеннымъ, я получилъ повышеніе. Онъ сдѣлалъ меня своимъ помощникомъ и далъ въ мое распоряженіе двухъ человѣкъ: Щепку и Кавычку. Щепка былъ бѣженецъ, до войны служилъ бургомистромъ въ маленькомъ городкѣ подъ Варшавой. Онъ былъ хилый, тонкій, блѣдный и походилъ скорѣе на щепочку; доброты же былъ бездонной и характера самаго уживчиваго и благожелательнаго. Канцелярію Щепка зналъ великолѣпно.

Кавычка была некончившая московская медичка. У нея былъ фарфоровый цвѣтъ лица и прекрасные рыжіе волосы.

— Въ канцеляріи вы мало понимаете, — объяснилъ шефъ мое повышеніе, — а эти двое дѣло хорошо знаютъ и васъ не подведутъ. Сидите и подписывайте, что вамъ будутъ давать.

Я пересѣлъ на новое мѣсто. Правилъ я своими подчиненными кротко и благостно, во всемъ слушаясь совѣтовъ и наставленій Щепки. Работы было немного. За день, къ столу, за которымъ мы сидѣли втроемъ, подходило всего 10-12 человѣкъ; подходившіе спрашивали:

— Гдѣ тутъ, товарищъ, въ добровольцы подписываются?

На что товарищъ бывшій бургомистръ отвѣчалъ:

— Здѣсь. Вы въ добровольцы желаете?

— Да ужъ запишите, товарищъ. Хлѣбъ мы собрали, обмолотить и безъ меня могутъ. Зиму прослужу — все больше хлѣба дома останется.

Кавычка записывала въ книгу имя, фамилію и все

то, что сообщалъ о себѣ явившійся. Обязательство прослужить Совѣтской власти 6 мѣсяцевъ, грамотные подписывали, неграмотнымъ Кавычка показывала, гдѣ поставить три креста. Потомъ писалась бумажка командиру мѣстной роты; съ ней вновь испеченный доброволецъ являлся по начальству.

Добровольцевъ изъ крестьянъ было мало. Больше являлись люди съ развязными манерами и умными словами, дававшіе понять, что они не лыкомъ шиты. Отъ нѣкоторыхъ сильно отдавало тюрьмой, если не каторгой. Многіе, безъ сомнѣнія, записывались подъ чужой фамиліей.

Всѣ добровольцы дѣлились на двѣ категоріи — молодыхъ, до 30 лѣтъ, и болѣе пожилыхъ. Когда молодыхъ набиралось 200-300 человѣкъ, ихъ отсылали пѣшимъ порядкомъ до ближайшей жел.-дор. станціи, а оттуда ихъ направляли куда-то на Волгу. Деревни, черезъ которые проходили добровольцы, жаловались, что у нихъ пропадаютъ телки, поросята, куры, швейныя машины; были даже случаи убійствъ.

Рота, подлежавшая отправкѣ, называлась въ Тауцахъ «дикой дивизіей». Иногда она съ пѣснями гуляла по городу; видъ у нея дѣйствительно былъ дикій: форменнаго платья не выдавалось, каждый ходилъ, въ чемъ могъ. На однихъ были зипуны, на другихъ пиджаки, на третьихъ гимнастерки. Обувь была самая разнообразная — лапти, сапоги, штиблеты. часто очень порванные; на головахъ красовались папахи, картузы, жокейки; я даже видѣлъ одинъ цилиндръ и два котелка.

Пожилые же добровольцы составляли городской гарнизонъ, подъ оффиціальнымъ названіемъ «мѣстная рота». Въ ней служили степенные, бородатые дяди; такъ какъ дѣла никакого не было, то они весь день проводили на базарѣ и интересовались только цѣнами на

хлѣбъ и на другіе продукты, сравнивая изобиліе и дешевизну прошлаго съ дороговизной и скудостью настоящаго.

Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ меньше являлось добровольцевъ.

И вотъ потихоньку и полегоньку стали вызывать матросовъ; сначала одинъ годъ, черезъ недѣлю — другой; потомъ вызвали сразу запасъ за 5 лѣтъ. Выудивъ матросовъ, принялись за спеціалистовъ — саперовъ, артиллеристовъ, телефонистовъ, авіаторовъ, пулеметчиковъ, въ перемежку съ пѣхотой и кавалеріей. Все это дѣлалось осторожно, безъ шума, но безпрерывно и настойчиво.

Слово «мобилизація» ни разу нигдѣ не было помянуто; оно замѣнялось выраженіемъ «вызываются». Причемъ вызываемые знали только то, что имъ надо явиться въ уѣздъ; уѣздъ ихъ высылалъ въ губернію, а куда ихъ посылала губернія — никто не зналъ.

Всѣ мобилизаціонныя телеграммы проходили черезъ мои руки. Онѣ были составлены шумно, крикливо, категорично, за множествомъ подписей наркомовъ, реввоенсовѣтовъ, главкомфронтовъ, командармовъ и прочихъ непонятныхъ лицъ. Но самое содержаніе телеграммъ указывало на глубокое знаніе военнаго дѣла, на пониманіи психологіи только-что вернувшихся домой солдатъ и на удивительную твердость и настойчивость. У самихъ большевиковъ такого знанія военнаго дѣла, какъ въ самыхъ общихъ чертахъ, такъ и въ самыхъ малыхъ подробностяхъ, быть не могло. Трудно было подумать и на русскихъ генераловъ, перешедшихъ къ нимъ на службу: это была другая школа, другія основанія. Ясно было одно: новая мобилизація организовывала новую армію. Въ этой арміи загнанному русскому офицеру отводилось прежнее мѣсто, хотя бы для того, чтобы съ его помощью возстановить разрушенную дис-

циплину. Кому принадлежала эта созидающая рука — трудно сказать. Во всякомъ случаѣ, не большевикамъ. Они скорѣе являлись послушными исполнителями.

Регистрація и учетъ военно-обязанныхъ производились волостными комиссаріатами. Но военно-обязанные подальновиднѣе отъ регистраціи уклонялись и на вызовы въ уѣздъ являться не спѣшили. Тѣ же, кто приходилъ, не всегда выражали готовность идти на защиту Совѣтской власти. Часто, не стѣсняясь присутствіемъ Стулова и Блохина, призывные говорили кислыя слова по ея адресу и напоминали прошлыя обѣщанія: «хлѣбъ трудящимся, долой войну» и тому подобное. Комиссары дѣлали видъ, что они ничего не слышатъ и не видятъ.

Комендантъ города, бывшій матросъ, отправляя нѣсколько разъ на недѣлѣ небольшія группы призывныхъ въ губернію, держалъ къ нимъ рѣчи съ высоты комиссаріатскаго крыльца.

— Такъ что, товарищи, вы теперя-тко идете на защиту совѣтской власти. Баржуазія и контръ-революція хотятъ себѣ вертать фабрики и землю. Но этого не будетъ. Чуете? Ура!

Часто отвѣтомъ было гробовое молчаніе, иногда же два-три голоса изъ заднихъ рядовъ басили: «хлѣба нѣтъ, хлѣба давай».

Но тутъ духовой оркестръ начиналъ интернаціоналъ. Послѣ музыки, слово бралъ Стуловъ, который для такихъ торжественныхъ случаевъ выѣзжалъ верхомъ на сивомъ меринѣ.

— Тэкъ-съ вотъ, вы, товарищи, отправляетесь.... Но, какъ для васъ, такъ и для совѣтской власти самое главное пролитарій. Этто значитъ — соединяйтесь во всѣхъ странахъ. Вотъ, значитъ, ваша обязанность. Но вы не безпокойтесь. Вашимъ семьямъ будетъ выходить паекъ, а мы ужъ позаботимся....

Потомъ музыка играла походный маршъ, и призванные, предшествуемые тов. Стуловымъ на сивомъ меринѣ, отправлялись въ путь. На краю города оркестръ игралъ «Дунайскія волны», послѣ чего музыканты и Стуловъ возвращались по домамъ.

Во время нѣмецкой оккупаціи Украины призывные направлялись въ Смоленскъ, а когда нѣмцы ушли — въ Могилевъ. Но до губерніи мало. кто доходилъ. Большинство — одинъ за другимъ сворачивали съ дороги и возвращались къ себѣ.

Однажды, получивъ телеграмму призвать нѣсколько возрастовъ стрѣлковъ, Комиссаріатъ сдѣлалъ все, что полагается въ такомъ случаѣ. На всѣхъ явившихся былъ составленъ списокъ; каждому были выданы кормовыя деньги — 2 р. 32 копѣйки въ сутки (хлѣбъ стоилъ въ то время 7 р. 50 коп. за фунтъ). Списокъ и деньги были вручены самому старшему и солидному изъ мобилизованныхъ. Произнесъ рѣчь тов. комендантъ, послѣ музыки— тов. Стуловъ, и маршъ въ Могилевъ.

Черезъ нѣсколько дней намъ кто-то позвонилъ по военному телефону изъ Могилева, и чей-то голосъ изъ губернскаго Комиссаріата сказалъ, что неизвѣстная личность, которую такъ никто и не видалъ, положила ему на столъ списокъ съ фамиліями 106 мобилизованныхъ, но ни одного изъ нихъ на лицо не оказалось. Такъ изъ этихъ 106 человѣкъ никто и не пришелъ.

Въ другой разъ изъ 75 человѣкъ пришло 9, потомъ изъ 25 — 3 человѣка.

Сынъ мелкаго тауцкаго домовладѣльца прошелъ верстъ 5, а потомъ свернулъ въ поле и вернулся къ отцу. Дезертирство съ теченіемъ времени приняло такіе размѣры, что совѣтская власть забезпокоилась.

Начали появляться комитеты по борьбѣ съ дезертирствомъ. Появился такой комитетъ и у насъ. Предсѣдателемъ его оказался выгнанный, какъ говорили, изъ

адвокатскаго сословія за растрату кліентскихъ денегъ помощникъ присяжнаго повѣреннаго Сокель. Помощникомъ онъ взялъ себѣ слѣдователя изъ Чеки, товарища Давида, портняжнаго подмастерья; секретаремъ сталъ племянникъ Куша, тов. Хаткинъ. Потихоньку и полегоньку комитетъ разросся до размѣровъ изряднаго департамента; тѣ, кто служилъ въ немъ, получали усиленный паекъ и считались на военной службѣ, такъ что мобилизаціи не подлежали.

Комитетъ заработалъ на славу. Бородатые дяди изъ мѣстной роты, вооруженные ржавыми винтовками, реквизировали на базарѣ подводы и отправлялись походомъ на окрестныя деревни. Тамъ у проштрафившихся семей забирался хлѣбъ, плуги, уводился скотъ. Деревни взвыли.

ГЛАВА V.

МУЧЕНИКИ НАУКИ

Дѣти Андрея, къ сожалѣнію, переэкзаменовокъ не выдержали, но все-таки ихъ условно перевели въ слѣдующіе классы. Школа переживала трудное время и это заставляло преподавателей относиться къ дѣтямъ болѣе снисходительно.

До революціи въ Тауцахъ была реальная прогимназія, каждый годъ открывавшая высшій классъ. Теперь она была преобразована въ единую трудовую школу второй ступени, какъ заявили однажды Вова и Тосикъ. Въ трудовой школѣ отмѣтки были уничтожены. Слѣдующей реформой явилось запрещеніе оставлять учениковъ на повторительный курсъ: пробывшій годъ въ одномъ классѣ, тѣмъ самымъ переводился въ слѣдующій.

Потомъ одинъ день въ недѣлю былъ объявленъ свободнымъ; онъ посвящался организаціонной и общественной работѣ. Въ этотъ день Вова и Тосикъ сидѣли дома, жалѣя обувь.

И странно: условія жизни и ученія были очень трудныя, а вмѣстѣ съ тѣмъ дѣти горѣли желаніемъ учиться. Они безудержно рвались въ школу, хотя въ классахъ было нетоплено, и зимой приходилось сидѣть въ шубахъ. Если же родители считали нужнымъ оставить ребенка дома изъ-за худыхъ сапогъ или разорванныхъ штановъ, это не обходилось безъ драмы.

Я не могъ понять, почему мы, учившіеся въ лучшихъ условіяхъ, не любили нашей гимназіи и нашихъ учителей. Какъ намъ портили жизнь двойки, оставленія на второй годъ, угрозы исключенія, упреки родителей; какъ все это насъ заставляло бояться и лгать, а нѣкоторыхъ даже кончать самоубійствомъ. Трудовая школа дѣтей не пугала. Въ этомъ было ея преимущество передъ старой. Предоставленный самому себѣ маленькій народецъ самъ пошелъ къ знанію, безъ всякихъ понуканій.

У меня было нѣсколько учениковъ и ученицъ. Одинъ, когда ему не давалась задача, былъ внѣ себя отъ огорченія.

— Какой я глупый, неспособный, — говорилъ онъ и заливался слезами. Осиливъ же ее, онъ положительно сіялъ отъ счастья. Картинки въ учебникѣ географіи были для него художественнымъ откровеніемъ, онъ всѣхъ приглашалъ полюбоваться ими. Меридіаны, полюсы, затменія, тропическія страны были для него волшебнымъ царствомъ, о которомъ онъ разспрашивалъ безъ конца.

Маленькіе братъ и сестра въ семьѣ одного бывшаго чиновника самымъ лучшимъ развлеченіемъ для себя считали приготовленіе уроковъ.

Особенный интересъ дѣти проявляли къ Россіи. Ея величина, исторія, что было потеряно ею за минувшую войну, почему нѣмцы заняли Могилевъ, станетъ-ли Россаія снова великой и сильной, какъ достичь этого, — все это волновало дѣтей гораздо больше, чѣмъ взрослыхъ.

Но всемірная революція и единеніе пролетаріевъ всего свѣта ихъ не трогали: собственный садъ и огородъ были ближе и дороже; здоровье семейной коровы занимало гораздо больше, чѣмъ бюллетени о состояніи раненаго Ленина.

Много терніевъ росло на пути этихъ маленькихъ мучениковъ науки. Не жалость, но чувство глубокаго уваженія охватывало меня, когда я смотрѣлъ на ихъ одежонку, на ихъ сапожонки, на ихъ шапчонки. Ученицы щеголяли въ маминыхъ ботинкахъ, въ ватерпруфчикахъ, перекроенныхъ еще изъ бабушкинаго приданаго.

Ученики носили удивительное сочетаніе изъ папинаго жилета, стараго одѣяла, плюсъ еще оконная вата.

Въ дѣло шли всѣ тряпки. Отцы и матери со дна сундуковъ извлекали старый носильный хламъ; все пересматривалось, передѣлывалось и приспособлялось для молодого поколѣнія. Такъ какъ не было нитокъ, распускали старые чулки и вязаныя скатерти.

Убогіе были костюмчики. Но они не уменьшали радостнаго щебетанія, когда дѣти бѣжали въ нетопленный храмъ науки, на ходу заглядывая въ тетради, наскоро повторяя уроки. И мальчики и дѣвочки росли хорошими товарищами, дѣлились учебниками, бумагой, перьями и всѣмъ, чѣмъ было только возможно.

И, когда въ одной семьѣ сидѣли впотьмахъ, ребенокъ шелъ въ другую, гдѣ имѣлось освѣщеніе.

Керосинъ являлся самымъ больнымъ мѣстомъ: его почти совсѣмъ не было. Чтобы не сидѣть въ темнотѣ,

подоставали разныя плошки и коптилки. Въ нихъ наливали масло, какое кому удавалось купить, дѣлали изъ сподручнаго матеріала фитилекъ и этимъ освѣщались. Эти свѣтильники давали очень мало свѣта. Готовить уроки лучше было бы днемъ. Но дѣтей посылали всюду: на базаръ, въ кооперативъ, къ сосѣдямъ — попросить сковороду, кастрюлю, лопату; дѣти же возили воду изъ колодца, пилили дрова, развѣшивали бѣлье, отгребали снѣгъ. И дня не хватало. Приходилось готовить уроки при свѣтѣ плошки, сильно напрягая глаза и дыша копотью.

Пожалуй, молодое поколѣніе больше всѣхъ имѣло право претендовать на 8-часовый рабочій день. Но дѣти видѣли всю серьезность положенія и шли на помощь родителямъ. Можетъ быть, поэтому, было меньше проказъ и шалостей.

Между собой они охотно говорили о городскихъ новостяхъ, о кооперативахъ, о томъ, что имѣлось на базарѣ; на дворѣ катались на салазкахъ, утирали другъ другу физіономію снѣгомъ, но ни разу я не слышалъ, чтобы кто-нибудь обманулъ учителя, закупорилъ ему чернильницу, подставилъ колченогій стулъ.

И совмѣстное обученіе мальчиковъ и дѣвочекъ, насколько я замѣтилъ, ничего не носило въ себѣ плохого.

Правда, мои наблюденія относятся къ самымъ младшимъ классамъ. Про старшіе классы, съ которыми мнѣ имѣть дѣла не приходилось, сказать ничего не могу. Но уже Вова, старшій сынъ Андрея, которому исполнилось 15 лѣтъ, такого интереса къ ученію не обнаруживалъ. Пока еще былъ старый директоръ, дѣло, хоть съ трудомъ, но все-таки кое-какъ шло. Когда же, вмѣсто него, появился товарищъ Бобερманъ, ученіе пріостановилось почти совсѣмъ; съ лихорадочной поспѣшностью начали проводить въ жизнь реформы.

По просьбѣ родителей я занимался со своими учениками, между прочимъ, и закономъ Божіимъ. Такъ какъ учебниковъ не было, то мнѣ приходилось своими словами разсказывать имъ про сотвореніе міра, Илью, Моисея.... Особенно дѣти любили Христа, разспрашивали меня о Немъ и въ школѣ передавали своимъ пріятелямъ то, что слышали отъ меня. Однажды кто-то подслушалъ такой разговоръ и донесъ Боберману. Боберманъ вызвалъ разсказчика и спросилъ, кто его учитъ Закону Божію. Не подозрѣвая ничего плохого, тотъ назвалъ меня.

Черезъ нѣсколько дней я получилъ приглашеніе явиться къ Боберману. Я явился, совершенно не зная, въ чемъ дѣло. Директорская квартира состояла изъ четырехъ большихъ комнатъ. Въ одной изъ нихъ, которая служила, очевидно, кабинетомъ, меня попросили обождать. Въ комнатѣ было очень жарко, но печка все-таки, топилась, и на полу лежала большая охапка дровъ. Въ это время въ городѣ уже чувствовался сильный недостатокъ топлива. На столѣ, въ безпорядкѣ, валялись бумаги, тетради, хлѣбныя корки. Тутъ же стоялъ захватанный, липкій стаканъ съ остатками чая. Пахло чѣмъ-то кислымъ, и помѣщеніе, видно, давно не провѣтривалось. Одна изъ тетрадей была открыта; я прочелъ:

— Азбука ученіе, коммунизмъ спасеніе... На горе всѣмъ буржуямъ — міровой пожаръ раздуемъ... — Это были собственныя прописи Бобермана. До революціи онъ служилъ гдѣ-то бухгалтеромъ; за коммунизмъ получилъ директорство и въ школѣ преподавалъ графическія искусства, т. е. чистописаніе.

Минутъ черезъ пять пришелъ толстый, румяный, съ большимъ животомъ брюнетъ, въ шлепанцахъ на босую ногу и въ черномъ халатѣ поверхъ бѣлья.

— Товарищъ Корсакъ?

— Я.

— До меня дошли слухи, что вы преподаете дѣтямъ Законъ Божій. Разсказываете имъ про Христа и вообще распространяете религіозныя идеи. Предупреждаю, что это можетъ кончиться плохо.

— Для кого?

— Для васъ. Здѣшній исполкомъ постановилъ, чтобы не было никакой религіозной пропаганды.

— Но совѣтская власть допускаетъ полную свободу совѣсти.

— Кто хочетъ, — можетъ ходить въ церковь. Но не больше.

— Ходятъ же еврейскія дѣти въ хедеръ изучать ваши священныя книги.

— Это дѣлаютъ глупые евреи. И затѣмъ развѣ можно повѣрить въ то, что человѣкъ родился безъ отца и воскресъ послѣ смерти?

— Сущность христіанства въ его морали, товарищъ Боберманъ.

— Есть только одна мораль — пролетарская, товарищъ Корсакъ. И всякой другой мы не потерпимъ. И, захвативъ грязный стаканъ, Боберманъ вышелъ... Аудіенція кончилась.

Я ушелъ.

Не знаю почему, мнѣ вдругъ припомнился нашъ гимназическій благолѣпный батюшка. Онъ былъ очень вѣрующій и, говоря о послѣднихъ минутахъ Христа, часто вынималъ платокъ и вытиралъ слезы. Однажды, когда я споткнулся на длинномъ и трудномъ текстѣ, онъ поставилъ мнѣ колъ и вывелъ за четверть двойку. Объяснялъ онъ эту свою строгость ко мнѣ «критическимъ направленіемъ моего ума» и «вредными мыслями». Что бы онъ сказалъ, узнавъ, что я обвиняюсь въ «религіозной пропагандѣ?»

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого разговора, къ намъ, въ Комиссаріатъ пришелъ предсѣдатель исполкома товарищъ Фунтъ, бывшій матросъ.

— Товарищъ, — обратился я къ нему, — вы знаете, что исполкомъ угрожаетъ мнѣ за религіозную пропаганду?

— Какую пропаганду?

Я передалъ мою бесѣду съ Боберманомъ.

— Никогда у насъ не было рѣчи о религіозной пропагандѣ. На одномъ изъ засѣданій Боберманъ предложилъ реквизировать квартиру священника для школьной библіотеки. На это не согласились. А кто-то сказалъ ему, что онъ коммунистъ только на словахъ, на дѣлѣ же посылаетъ своихъ сыновей къ раввину ихній талмудъ изучать. Только и было всего.

Меня не тронули.

Въ серединѣ зимы мнѣ удалось получить урокъ за квартиру, и мы разстались съ Андреемъ. Помѣщеніе у нихъ было маленькое; хотя матеріально я не былъ имъ въ тягость, все же мое присутствіе являлось для нихъ стѣснительнымъ. Благодаря службѣ, пайку и урокамъ, я имѣлъ возможность жить и питаться. Положеніе Андрея, чѣмъ дальше, тѣмъ становилось хуже. Картофель, хлѣбъ — все надо было очень разсчитывать, продавать же было уже нечего, и ему пришлось поступить на службу въ бывшую Земскую управу чертежникомъ. Оплачивалась эта служба скудно: жалованія не хватало на хлѣбъ; а про дрова, сахаръ, одежду, обувь — и говорить нечего.

Андрей худѣлъ съ каждымъ мѣсяцемъ; у его жены появились кровохарканія. Въ квартирѣ было невыносимо холодно. Я какъ-то зашелъ къ нимъ въ одинъ изъ зимнихъ, длинныхъ, темныхъ вечеровъ. Въ печкѣ догорали двѣ головешки; передъ огнемъ грѣлась жена Анд-

рея и смотрѣла, какъ что-то варилось въ небольшомъ горшкѣ. Андрей сидѣлъ за столомъ и налаживалъ какую-то лампочку, больше похожую на свѣтильникъ первыхъ вѣковъ христіанства.

— У насъ сегодня праздникъ, — сказала Евгенія Георгіевна, — топили печь и жарили печенку. Андрея больше голодъ донимаетъ, а меня — холодъ. Дѣться отъ него некуда. Сплю, не раздѣваясь. Матрасъ у меня тонкій, я на него старый коверъ кладу, а сверху одѣяломъ, жакетомъ и тулупомъ укрываюсь. И то дрожу. Андрей подъ шубой спитъ, а мальчики подъ половиками.

— А гдѣ они?

— Взяли салазки и за водой поѣхали. Отправишь ихъ — и со страхомъ обратно ждешь: сапогъ у нихъ нѣтъ почти, такъ и боишься, что поскользнутся и въ колодецъ упадутъ.

— Ну, Женька, пошла жаловаться, — отозвался Андрей, скручивая фитилекъ изъ какихъ-то тряпочекъ, — будто Валеріанъ и самъ не видитъ. Это все ничего, вотъ, что ты кровью харкаешь, — это хуже всего....

— Хуже всего, что дѣти голодаютъ, Андрей, — сказала жена.

— Вы знаете, — обратилась она ко мнѣ, — Тосикъ иногда проснется ночью и спрашиваетъ: «Мама, ты спишь?» «Нѣтъ, а что?» «Мамочка, какъ я ѣсть хочу.... Хоть бы самый маленькій кусочекъ хлѣба съѣсть».... И слышу, какъ онъ плачетъ, тихонько, осторожно, чтобы я не услышала....

Если одни проводили темные, голодные вечера, другіе зато веселились. Балы, театры, концерты слѣдовали одинъ за другимъ. Тауцы имѣли собственный драматическій кружокъ. Предсѣдателемъ его состоялъ бывшій мировой, а при большевикахъ народный судья.

Во время войны свою нѣмецкую фамилію — Гаммерманъ, онъ перемѣнилъ на русскую и сталъ называться Молотковымъ. О немъ разсказывали, что до революціи онъ никому въ городѣ не подавалъ руки и высшимъ человѣческимъ достиженіемъ считалъ чинъ тайнаго совѣтника. Я познакомился съ нимъ случайно, въ паркѣ, вскорѣ послѣ моего пріѣзда.

— Исполкомъ всего міра, — какая это свѣтлая мечта, — сказалъ бывшій кандидатъ на тайнаго совѣтника.

Высокій и худой, какъ прутъ, Молотковъ обладалъ даромъ приспособленія въ изумительной степени. Со всѣми комиссарами онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ и первый подавалъ имъ руку. Предсѣдатель чрезвычайки и Стуловъ часто завтракали у него. Пріѣзжавшія изъ Москвы «лица» останавливались у Молоткова. И, зато, реквизиціи, обыски и уплотненія не угрожали ему, и въ домѣ народнаго судьи было тепло и свѣтло.

Въ театрѣ чаще всего ставили Островскаго; на концертахъ играли обыкновенно Персидскій маршъ, «Тара-ра-бум-бія, сижу на тумбѣ я» и заканчивали Интернаціоналомъ; въ антрактахъ же товарищъ Стуловъ подбиралъ на губной гармоникѣ только что слышанные мотивы. На балахъ веселились до упаду и танцовали менуэтъ, па д-Эспань, гопакъ, вальсъ, — словомъ, кто, что умѣлъ и кто даже ничего не умѣлъ.

На этихъ ассамблеяхъ комиссары старались щегольнуть новыми рейтузами, золотыми цѣпочками и, что считалось особеннымъ шикомъ, высокими шнурованными ботинками. Ихъ супруги старались затмить другъ друга нарядами и драгоцѣнностями. Одна изъ комиссарскихъ дамъ явилась на балъ. надѣвъ 11 колецъ, два браслета съ изумрудами, брошку, пару сережекъ, черепаховый гребень со стразами и часы на длинной золотой цѣпочкѣ. Всякій, взглянувъ на этотъ блескъ,

зналъ, что это не кто-нибудь, а мадамъ Комлева, жена предсѣдателя мѣстной чеки.

Пока жены танцовали, комиссары толковали между собой о партійныхъ дѣлахъ, о вновь полученномъ въ Продкомѣ сапожномъ товарѣ, саботажѣ, спекулянтахъ и о прочихъ государственныхъ матеріяхъ.

Неизмѣнно къ концу увеселенія товарищи комиссары начинали благоухать самогономъ, и ихъ супружницы разводили правителей по домамъ. Иногда эти вечера разнообразились неожиданными происшествіями. Такъ, однажды, мадамъ Комлева, кинувъ своего кавалера, бросилась къ вновь пришедшей дѣвицѣ и вцѣпилась ей въ волосы.

— Я тебѣ дамъ, какъ законныхъ мужей отбивать, шлюха ты несчастная....

Шлюха несчастная въ долгу не осталась — укусила врага за палецъ и оцарапала ему щеку. Комендантъ Фунтъ побѣжалъ на кухню, схватилъ ведро и облилъ соперницъ водой. Ихъ развели, вытерли полъ шваброй, и танцы продолжались, какъ ни въ чемъ не бывало.

Наука тоже не терпѣла ущерба. Всякому было предоставлено право читать лекціи на всякія темы, за исключеніемъ, конечно, контръ-революціонныхъ. Особенно старались просвѣтить красноармейцевъ.

Однажды, ex-officio я долженъ былъ присутствовать на одной изъ такихъ лекцій. Читалъ товарищъ-предсѣдатель земледѣльческаго кооператива.

— Товарищи, — гремѣлъ лекторъ, — Бога нѣтъ, Богъ — выдумка поповъ. Вы не знаете, почему его придумали? Вы послушайте меня, пока я вамъ говорю. Былъ такой ученый, англичанинъ, Дарвинъ. Такъ вотъ онъ задумался: откуда взялся человѣкъ? И онъ сказалъ — человѣкъ отъ обезьяны взялся. Какъ онъ это приду-

малъ, такъ и другіе ученые подтвердили. И вы думаете, что ему что-нибудь за это было? Его. товарищи, ни въ Сибирь не сослали, и въ крѣпость не посадили. А сами англичане дали ему много денегъ за эти книги, а король даже орденъ на него повѣсилъ. Это называется у нихъ свобода слова. А была у насъ свобода слова? Не было свободы...

Долго и убѣдительно говорилъ лекторъ. Солдаты зѣвали, скучали и, видимо, имъ не было никакого дѣла ни до Дарвина, ни до обезьянъ, ни до свободы.

**
*

Первая половина зимы была эпохой кооперативовъ. Всѣ они носили самыя солидныя названія — земледѣльческій, промышленный, торговый, взаимный — названій было столько, сколько кооперативовъ, а кооперативамъ не было конца.

Моя квартирная хозяйка, возвращаясь изъ города, часто приносила то фунтъ гвоздей, то коробку спичекъ, то пару варежекъ и, вмѣстѣ съ этимъ, небольшую книжечку.

— Ты откуда это? — спрашивалъ ее мужъ.

— Да изъ кооператива, — отвѣчала она, — новый на базарѣ открылся; сдѣлала взносъ въ 50 рублей и купила пачку толченой черники съ малиной. Зато на будущей недѣлѣ обѣщаютъ привезти соли.

И Марія Васильевна присоединяла новую кооперативную книжку къ цѣлой кипѣ старыхъ.

Нѣкоторыя хозяйки имѣли до 20 такихъ книжекъ.

Появлялись кооперативы очень просто: рано утромъ, большей частью въ базарный день, вдругъ съ гро-

хотомъ раскрывались ставни запертой лавки; на крыльцо выходилъ прежній владѣлецъ съ молоткомъ въ рукахъ и гвоздями во рту. Надъ дверью онъ прибивалъ вывѣску: «Универсальный кооперативъ», а къ самой двери приколачивалъ одну, а то и нѣсколько крышекъ отъ старыхъ жестянокъ: «Карамель Сіу», «Чай т-ва Губкинъ и Кузнецовъ» и т. д.

Этого было вполнѣ достаточно. Хозяйки, бродившія по базару съ пустыми корзинками, замѣчали вывѣску и въ одинъ мигъ передъ кооперативомъ выросталъ хвостъ. Входили въ кооперативъ съ большими надеждами, а выходили — съ полуфунтомъ сапожныхъ гвоздей и пачкой толченой черники. Зато въ самое ближайшее время кооператоръ обѣщался привезти изъ губерніи и соль, и сахаръ, и кожу, и матерію. Но, предварительно, чтобы имѣть право на покупку этихъ благъ, надо было внести пай; пай являлся величиной перемѣнной — отъ десяти рублей онъ доходилъ до пятидесяти и даже до ста.

Распродавъ гвозди и собравъ паи, хозяинъ снова запиралъ лавочку и исчезалъ; нѣкоторые — навсегда, другіе — на сроки болѣе или менѣе продолжительные.

При случайной встрѣчѣ съ пайщикомъ, кооператоръ разводилъ руками и говорилъ, что весь закупленный товаръ у него былъ конфискованъ большевиками при выѣздѣ изъ Гомеля или Могилева. Послѣ этого оба начинали ругать большевиковъ.

Дольше всѣхъ держался «Коммандитный Кооперативъ». Его директоръ убѣдилъ губернскихъ и уѣздныхъ правителей, что «коммандитный» значитъ то же самое, что и «коммунистическій». Благодаря этому ему удалось гдѣ-то добыть деревянныхъ ложекъ и старой оконной ваты. Но это и было все.

А недостатокъ въ тканяхъ, въ обуви, въ пищѣ остро чувствовался во всѣхъ семьяхъ. Главной статьей питанія являлся хлѣбъ, но его трудно было достать. Однажды передъ Рождествомъ я встрѣтилъ на улицѣ Брума. Онъ шелъ съ базара, заложивъ руки назадъ, и насвистывалъ что-то веселое.

— Какъ живете? — окликнулъ я.

— Такъ себѣ, по-немножечку.

— Откуда?

— Съ базара. Искалъ хлѣба, да поздно пришелъ, все разобрано.

На смугломъ лицѣ трудно было прочесть настоящія мысли; я только зналъ, что къ нему пріѣхала совершенно оголодавшая теща со старшей дочерью.

— Трудно теперь съ хлѣбомъ.

— Одинокому еще не такъ. А у насъ теперь четыре взрослыхъ человѣка, каждый день требуется 8 фунтовъ; это, считая по 10 рублей фунтъ — 80 рублей въ день; если помножить на 30 — составитъ 2400 рублей на одинъ хлѣбъ; а я получаю всего 665 рублей. А гдѣ теперь дрова, мыло, сахаръ для дѣтей? — На минуту онъ остановился, продолжая улыбаться.

— Лялька никакъ не можетъ привыкнуть къ голоду. Только проснется и кричитъ: — дай мнѣ хлѣба, дай мнѣ сахару. Бью ее, а она еще сильнѣе.... Иногда такъ разозлюсь, что готовъ убить и ее, и другихъ, и себя...

Вскорѣ послѣ этого разговора Брумъ поѣхалъ въ деревню за хлѣбомъ. У знакомаго мельника онъ купилъ по сходной цѣнѣ шесть пудовъ ржи. Но эта рожь была на учетѣ. Недостачу замѣтили, нарядили слѣдствіе. На сцену появилась чрезвычайка. Мельникъ сознался — продалъ тому-то, тогда-то, за столько. Мельника арестовали, а черезъ день произвели обыскъ у Брума, забрали купленное зерно и тоже арестовали. Ихъ обоихъ

чрезвычайка обвинила въ спекуляціи. За спекуляцію свыше трехсотъ рублей полагался разстрѣлъ. Тутъ же дѣло шло о шестистахъ рубляхъ.

Слѣдствіе велъ тов. Давидъ изъ Чеки; онъ-же и судилъ. Установивъ тотъ фактъ, что одинъ продалъ, а другой купилъ рожь по болѣе высокой цѣнѣ, чѣмъ казенная, бывшій портняжный подмастерье приговорилъ обоихъ къ смертной казни. Городъ ахнулъ. Тауцы были близки къ открытому возмущенію; мѣстная рота и многіе изъ коммунистовъ были на сторонѣ Брума. Предсѣдатель чеки, хитрая лиса, сидѣвшая до большевиковъ въ тюрьмѣ за кражу со взломомъ, отлично зналъ о настроеніи въ городѣ. Ему было также извѣстно, что въ окрестностяхъ бродило много зеленыхъ. Учтя все это, Комлевъ приговора не утвердилъ. Портняжный подмастерье отнесся тогда въ губернію, требуя для виновныхъ примѣрнаго наказанія. Но губернія велѣла дѣло прекратить, а Брума выпустить. Ни денегъ, ни хлѣба Брумъ обратно не получилъ. Мѣшокъ съ рожью какими-то судьбами очутился у народнаго судьи; а отъ него перешелъ въ собственность переметнувшагося къ большевикамъ писателя Похлебкина, который пріѣхалъ въ Тауцы подкормиться и остановился у судьи.

Наканунѣ отъѣзда Похлебкина, къ нему приходила теща Брума и со слезами молила отдать хоть часть хлѣба. Похлебкинъ выслушалъ ее, посовѣтовалъ учиться коммунизму и далъ ей нѣсколько брошюръ и два портрета: одинъ Карла Маркса, а другой Троцкаго.

Такъ Похлебкинъ и увезъ всю надежду семьи Брума.

Голодали не одни люди. Возвращаясь, однажды, со службы, я остановился поглядѣть на коровъ, бродившихъ въ саду нотаріуса.

Въ этомъ году много хозяевъ топили печи забора-

ми. Благодаря этимъ выемкамъ, немногія уцѣлѣвшія коровы свободно бродили по всѣмъ садамъ и огородамъ; онѣ глодали тонкія вѣточки сирени, кору яблонь и разрывали мордой снѣгъ, чтобы добраться до прошлогодней травы.

Вдругъ ближайшая ко мнѣ корова коротко мыкнула, задрала голову кверху и побѣжала. За ней послѣдовали и остальныя. Сперва я ничего не могъ понять. И, только обернувшись назадъ, сообразилъ, въ чемъ дѣло.

Передъ комиссаріатомъ стояли крестьянскія подводы. Животныя, очевидно, по опыту уже знали, что на нихъ всегда можно найти солому или сѣно.

Отъ сильныхъ движеній коровьихъ мордъ узлы, мѣшки, дерюга, словомъ то, что лежало сверху, въ одинъ мигъ очутились на снѣгу.

Одна корова, отогнанная мужикомъ отъ дровней, начала такъ истерически мычать, что тотъ не выдержалъ, бросилъ ей пукъ соломы, а самъ сѣлъ и погналъ лошадь.

Что-же касается прочихъ животныхъ, то лучше другихъ чувствовали себя свиньи. Онѣ ходили по городу и питались человѣческими отбросами. Одна изъ нихъ, посѣщавшая задворки нашего комиссаріата, рѣшила даже тамъ околѣть. Съ недѣлю, никѣмъ не тронутая, пролежала падаль на одномъ мѣстѣ. А потомъ вдругъ исчезла безслѣдно. И въ теченіе мѣсяца брезгливые люди не могли притронуться къ мясу, которое можно было иногда доставать за большія деньги изъ-подъ полы.

Собакъ по вечерамъ совсѣмъ не было слышно. Исчезли и кошки. Даже воробьи имѣли жалкій и убогій видъ; въ ихъ чириканіи часто слышалось что-то похожее на отчаяніе.

Однажды, въ серединѣ ноября, Стуловъ вошелъ въ комиссаріатъ и торжественно обратился къ Блохину:

— Вася, въ исполкомѣ получена телеграмма — въ Германіи революція...

Въ первую минуту я было не повѣрилъ этому сообщенію, но потомъ пришлось убѣдиться, что Стуловъ не ошибался.

Совѣтскія газеты германской революціи очень обрадовались. Онѣ громили Антанту, безпокоились о судьбѣ нѣмецкихъ пролетаріевъ и совсѣмъ забыли о русскихъ плѣнныхъ, находившихся въ Германіи. А плѣнные, выпущенные революціей изъ лагерей, сразу потянулись въ Россію.

Однажды, въ концѣ декабря, идя на урокъ, на площади у костела я встрѣтилъ пять русскихъ военноплѣнныхъ. Двое были безъ шапокъ, одинъ — въ нѣмецкой Mütze, а остальные — въ тюрбанахъ изъ грязныхъ тряпокъ. Всѣ были одѣты въ черныя куртки и штаны съ оранжевыми полосами. О бѣльѣ не было и помину. Ноги, обвязанныя бумагой и разной дрянью, были обуты въ тяжелые деревянные башмаки.

На двухъ солдатахъ были нѣмецкія шинели, на остальныхъ — русскія, но такія старыя, такія потертыя... А послѣдній, шедшій сзади, кутался въ дырявый половикъ. Вся убогая компанія съ трудомъ двигалась по непроѣзжей дорогѣ, противъ холоднаго, вызывавшаго на глазахъ слезы вѣтра.

Эти бородатыя, изможденныя лица, огрубѣвшія отъ мороза и вѣтра, эти потухшіе глаза, эта безнадежность были предѣломъ человѣческой скорби. Стало страшно.

Я подошелъ къ нимъ. Они шли изъ лагеря «Коттбусъ». Вышло ихъ нѣсколько тысячъ; до границы дошло нѣсколько сотъ; до Смоленска — нѣсколько де-

сятковъ; изъ Смоленска ихъ отправилось двадцать одинъ; осталось пять; другіе — пали въ дорогѣ.

— Мы потому вынесли, что одѣты лучше, — объяснилъ плѣнный въ половикѣ, — у другихъ и того не было. Шли, прямо сказать, голые. Ну, и падали. Какой-то ксендзъ, недалеко отъ Смоленска, какъ увидѣлъ насъ, такъ и заплакалъ, забралъ насъ, напоилъ, обогрѣлъ, накормилъ, мнѣ вотъ этотъ половикъ далъ. Можетъ быть и дойду съ нимъ до дому...

— А въ Смоленскѣ пятерыхъ изъ насъ разстрѣляли, — сказалъ одѣтый въ нѣмецкую шинель, — узнали мы отъ желѣзно-дорожниковъ, что есть вагоны съ теплымъ платьемъ, которое большевики въ Германію пересылаютъ изъ Москвы, ребята и задумали эти вагоны открыть. Да только въ сію-же минуту чека явилась, и пятерыхъ къ стѣнкѣ поставили...

Я разсказалъ плѣннымъ, какъ пройти въ Собезъ (соціальное обезпеченіе), гдѣ имъ могли оказать небольшую помощь и распрощался съ ними.

А, когда прошла зима, и началъ таять снѣгъ, всюду — въ канавахъ, на поляхъ, подъ стогами, находили замерзшія тѣла въ черныхъ курткахъ и штанахъ съ оранжевыми полосами, часто на-половину съѣденныя волками и одичавшими собаками. Такъ встрѣтила русскихъ плѣнныхъ рабоче-крестьянская власть.

Около новаго года, былъ полученъ приказъ изъ губерніи — сформировать «взводъ особаго назначенія» изъ 75 человѣкъ. Задачи, которыя возлагались на эти взводы, были очень деликатны: усмиреніе возстаній, производство реквизицій, взысканіе налоговъ; поэтому во взводы рекомендовалось брать, главнымъ образомъ, коммунистовъ, да и то съ большимъ выборомъ; дисциплина ставилась во главу угла и дисциплина уже «не

товарищеская», а настоящая желѣзная. За это взводы изымались изъ общей подчиненности, и освобождались отъ всякихъ походовъ. Кромѣ того, и въ отношеніи пищи и одежды они ставились въ болѣе привилегированное положеніе, по сравненію съ мѣстной ротой.

Товарищъ Стуловъ, на что былъ умъ ясный и государственный, но и тотъ ничего не понималъ въ мотивахъ формированія этихъ взводовъ и ихъ особаго положенія.

— Ну не подчиняйся они коменданту, Исполкому, куда ни шло. Но чтобы они не подчинялись военному комиссару...

Несмотря на всѣ привилегіи, коммунисты въ эти взводы не пошли. Пришлось сообщить въ губернію, что нѣтъ людей. Недѣли черезъ двѣ пришла бумага — недостатокъ коммунистовъ замѣнить мобилизованными, выбирая среди нихъ людей наиболѣе здоровыхъ, дисциплинированныхъ и «лойяльныхъ по отношенію къ совѣтской власти».

Вмѣстѣ съ тѣмъ еще разъ подтверждалось, что на удобства взвода мѣстная власть должна была обратить особое вниманіе.

Выборъ помѣщенія для взвода надѣлалъ въ городѣ много шума. Сперва пронесся слухъ, что будетъ реквизирована лѣтняя церковь.

— Но это могли придумать, — какъ сказалъ товарищъ Стуловъ, — только люди, никогда сами въ этой церкви не бывавшіе, такъ она была холодна.

Тогда пошли слухи о реквизиціи зимней церкви.

И, дѣйствительно, однажды, во время всенощной, пришелъ комендантъ и съ нимъ волостной военкомъ Элькинъ. Они обошли въ шапкахъ церковь, заглянули въ алтарь, закурили отъ лампады и пошли прочь. Такъ

разсказывала моя квартирная хозяйка, возвратившаяся отъ всенощной въ слезахъ.

Спасло зимнюю церковь отъ постоя отсутствіе отхожаго мѣста, хотя тов. Элькинъ и предлагалъ сломать стѣнку и устроить это учрежденіе почти у самаго алтаря. Но комендантъ и Блохинъ этотъ проектъ отклонили.

Тогда завѣдующій отдѣломъ всеобуча, какъ на самое подходящее помѣщеніе для взвода, указалъ на одну изъ синагогъ. Ихъ въ городѣ было двѣ; обѣ имѣли деревянные полы, отапливались, а необходимое учрежденіе легко можно было устроить во дворѣ.

Стуловъ ухватился за это предложеніе. Несмотря на шумъ, поднятый еврейскимъ населеніемъ, онъ безтрепетной рукой произвелъ реквизицію синагоги. Онъ кажется, радъ былъ доказать свою религіозную безпартійность. Но результатъ получился неожиданный. Черезъ нѣкоторое время онъ былъ исключенъ изъ числа членовъ коммунистической партіи и переведенъ въ разрядъ сочувствующихъ, а потомъ получилъ грамоту, вызывавшую его въ Могилевъ. Такъ я его съ тѣхъ поръ и не видѣлъ. На мѣсто Стулова былъ назначенъ тов. Элькинъ. При немъ синагога была очищена отъ постоя и приведена въ первоначальное состояніе. Для взвода-же реквизировали два большихъ частныхъ дома.

ГЛАВА VI

СКАЗКА О ВОЕНЗАГѢ

Въ мартѣ совѣтскіе верхи зашевелились. На насъ градомъ посыпались разные приказы, циркуляры и реформы. Одной изъ такихъ реформъ нашъ Комиссаріатъ перекраивался на-ново: одни отдѣлы уничтожались, другіе сокращались, третьи увеличивались.

Мнѣ пришлось лишиться моего спокойнаго мѣста, я былъ переведенъ въ мобилизаціонный отдѣлъ подъ начало бывшаго капитана. Долженъ былъ я вѣдать конской мобилизаціей. Скверное это было дѣло. Еще осенью я видѣлъ, какъ одинъ мужикъ, у котораго власти забрали лошадь, бросился на землю, ревѣлъ, кусалъ руки и изрыгалъ такую хулу на «правителей», что тѣ, присутствуя во множественномъ числѣ, предпочли ничего не слышать и не видѣть.

И въ будущемъ я долженъ былъ ѣздить по деревнямъ и забирать у мужиковъ коней. Само по себѣ мѣсто было, по тѣмъ временамъ, не плохое; мнѣ даже завидовали и откровенно говорили, что взятокъ деньгами и провизіей я буду имѣть столько, сколько захочу, что многіе коммунисты охотно пошли бы на мое мѣсто.

Но не лежало мое сердце ни къ новому мѣсту, ни къ новому начальству. Пока я раздумывалъ, колебался и затягивалъ сдачу старыхъ дѣлъ, меня вдругъ неожиданно вызвали къ бывшему капитану.

— Товарищъ Корсакъ, вы должны были явиться на службу 15 марта. Сегодня уже 18-е. За неявку, по приказанію военнаго комиссара тов. Элькина, вы увольняетесь отъ службы.

Все это была одна придирка. Главное заключалось въ томъ, что я пришелся не ко двору. Но говорить или объясняться съ капитаномъ или его дѣлопроизводителемъ было просто противно.

— Счастливо оставаться, — сказалъ я на прощаніе, — зарубите на вашемъ пьяномъ носу одно: если я, когда-нибудь, войду въ Тауцы съ оружіемъ въ рукахъ, прежде всего я постараюсь найти васъ...

Этими словами кончилась моя служба въ военномъ Комиссаріатѣ. Благодаря Бруму, мнѣ удалось пристроиться въ Совнархозъ, или, другими словами, въ Совѣтъ Народнаго Хозяйства, — учрежденіе, которое замѣнило бывшую земскую управу. Жители и сами служащіе называли Совнархозъ болѣе короткимъ и, пожалуй, болѣе подходящимъ именемъ — Сорнавозъ.

Помѣщался Сорнавозъ въ зданіи бывшей земской управы — длинномъ сѣромъ домѣ, гдѣ по обѣимъ сторонамъ корридора шли большія и малыя комнаты съ надписями: «дорожный отдѣлъ», «строительный», «кустарный», «электро - техническій», «торговый», «лѣсной»...

По совѣту Брума, я явился для начала въ Общій отдѣлъ. Завѣдывалъ имъ бывшій секретарь управы — человѣкъ среднихъ лѣтъ, спокойный, уравновѣшенный. Я изложилъ ему, что вслѣдствіе сокращенія штатовъ, меня уволили изъ военкома.

— Я могу васъ принять; отдѣловъ и должностей у насъ сколько хотите. Но предупреждаю — нашъ Сорнавозъ самое голодное учрежденіе: пайковъ никакихъ, а жалованія я самъ получаю 700 рублей. Ну, вамъ можно дать 650; развѣ можно на это прожить? Кто ни поступитъ къ намъ — всѣ начинаютъ худѣть. Этотъ жилетъ на мнѣ раньше съ трудомъ сходился, а теперь, какъ на вѣшалкѣ виситъ.

Но дѣваться мнѣ было некуда, и меня назначили завѣдующимъ отдѣломъ военныхъ заготовокъ. Сокращенно онъ назывался «воензагомъ», а для большаго удобства его звали просто зигзагъ.

Назначая меня, бывшій секретарь сказалъ, что собственно, отдѣла еще нѣтъ, и мнѣ предстоитъ вызвать его къ жизни. И тутъ-же вручилъ мнѣ дѣло въ синей обложкѣ, тощее, съ заголовкомъ: Отдѣлъ Воензага при Тауцкомъ уѣздномъ Совнархозѣ. Начато 29 декабря 1918 года.

Внутри была брошюрка. Она сообщала, что красная армія нуждается во всемъ, и каждый уѣздъ обязанъ развить самымъ широкимъ образомъ тотъ родъ промышленности, который ему болѣе всего свойствененъ. Красная Армія пріобрѣтаетъ все — колеса, повозки, обувь, веревки, бѣлье. На производство обѣщали отпустить широкія средства при первомъ же представленіи смѣты.

Такъ, я, совершенно неожиданно, очутился въ роли насадителя промышленности въ Тауцкомъ уѣздѣ. Кромѣ того, мнѣ дали также исходящій и входящій журналъ. Потомъ секретарь отвелъ меня въ большую свѣтлую комнату, гдѣ стоялъ столъ, величиной съ билліардъ. За столомъ сидѣли двѣ дѣвицы малокровнаго вида. Одна пересматривала кооперативныя книжки, другая заштриховывала чей-то иниціалъ.

— Наши корреспондентки, — представилъ ихъ мнѣ бывшій секретарь.

Мы познакомились. Затѣмъ онъ открылъ одинъ изъ ящиковъ въ столѣ и сказалъ:

— Вотъ тутъ можете хранить ваши бумаги.

Я остался съ малокровными дѣвицами одинъ.

Прошелъ первый день моей новой службы, второй, третій, но я, по прежнему, не зналъ, что-же, собст-

венно мнѣ дѣлать. Что бы не отстать отъ другихъ, одна изъ дѣвицъ, по моей просьбѣ, написала на четвертушкѣ бумаги славянской вязью:

— Отдѣлъ военныхъ заготовокъ. Входъ постороннимъ запрещается.

Другая гумми-арабикомъ приклеила это объявленіе къ дверямъ.

Это былъ весь результатъ коллективнаго творчества за цѣлую недѣлю.

Приходилъ я въ свой отдѣлъ въ 9 часовъ утра. Работа моя начиналась съ чтенія дѣла въ синей обложкѣ. Читалъ я его до чая безъ сахара, который приносилъ старый сторожъ около полудня. Послѣ чая я развлекалъ себя разсматриваніемъ входящаго и исходящаго журнала отдѣла воензага при Тауцкомъ уѣздномъ Совнархозѣ... За четыре мѣсяца воензагомъ было получено четыре бумажки и отправлено пять.

Иногда, престижа ради, я бралъ бумагу, перо и наморщивъ лобъ, думалъ, кому-бы и что-бы мнѣ написать. И ничего не могъ придумать.

Время шло, а Тауцкая промышленность развертываться не думала. Получились какъ-то двѣ бумажки изъ губерніи; въ одной спрашивали, нѣтъ-ли въ уѣздѣ подошвенной кожи, а во второй рекомендовалось — обслѣдовать и обшарить въ городѣ и окрестностяхъ всѣ склады, на предметъ реквизиціи сукна и полотна.

Но я даже не отвѣтилъ на эти бумажки: во-первыхъ никакой кожи и сукна въ городѣ не было, а во-вторыхъ, я чуялъ, что эта кожа и сукно пошли бы просто въ пользу служащихъ губернскаго воензага. Отъ тоски и скуки я началъ ходить по другимъ отдѣламъ и смотрѣть, что дѣлается тамъ.

Вездѣ было уныніе.

Всѣ влачили жизнь бумажно - чернильную. На бумагѣ строили школы, больницы, мосты, театры, народные дома. Въ дѣйствительности, не было гвоздей и топоровъ. Губернія, на просьбы о средствахъ и строительныхъ матеріалахъ, молчала. А какъ-то пришла бумага: обслѣдовать уѣздъ, нѣтъ-ли въ немъ радіоактивныхъ веществъ, и, если есть, то каковы условія эксплоатаціи.

Однажды я зашелъ въ отдѣлъ къ Андрею. Онъ сидѣлъ и чертилъ фасадъ народнаго дома.

— Нравится?

Я посмотрѣлъ. Чертежъ былъ великолѣпный.

— А когда строить будешь?

— Когда твой воензагъ матеріалы заготовитъ.

Больше всего жизни было въ электро-техническомъ отдѣлѣ. Завѣдывалъ имъ товарищъ Яковъ Большой.

Въ 1914 году Большой попалъ къ нѣмцамъ въ плѣнъ.

— Культурный народъ нѣмцы, — разсказывалъ Большой, — я имъ только намекнулъ, что интересуюсь техникой, такъ они меня сразу на электрическій заводъ послали. Годъ тамъ работалъ. А потомъ въ Техникумъ поступилъ. Школу кончилъ, денегъ скопилъ и въ Россію раньше отправили...

И теперь Большой задумалъ при помощи стараго локомобиля, реквизированнаго у какого-то помѣщика, и бумажныхъ милліоновъ, отпущенныхъ ему губернскимъ сорнавозомъ, озарить Тауцы электрическимъ свѣтомъ.

Съ этой цѣлью Яковъ Большой часто ѣздилъ въ Москву въ поискахъ матеріаловъ, а его сподручные — Яковы поменьше, бѣгали по городу и спрашивали жителей, кто изъ нихъ желаетъ освѣтиться электричествомъ.

Желающихъ оказалось много. Дѣло дошло до того, что на площади передъ костеломъ появилось семь бревенъ — столбы для воздушной проводки, а у локомобиля, который стоялъ на дворѣ сорнавоза, — семь саженей реквизированныхъ дровъ.

Все шло гладко. Недоставало только динамо, проводовъ, еще сотни столбовъ, лампочекъ и рабочихъ. Въ этотъ моментъ, къ несчастью, локомобиль былъ кѣмъ-то, болѣе могущественнымъ, перереквизированъ и увезенъ. Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, прежніе владѣльцы реквизировали свои дрова, а столбы по ночамъ пилились гражданами на топливо, и черезъ недѣлю отъ нихъ осталась лишь куча опилокъ. Все это въ цѣломъ называлось:

«Проектъ освѣщенія города по способу инженера Большого».

ГЛАВА VII.

КАЗНИ ОПТОМЪ.

Однажды, въ началѣ апрѣля я вышелъ съ урока, подъ вечеръ, со своей ученицей, чтобы пойти въ поле и посмотрѣть, что дѣлаетъ тамъ весна.

Не успѣли мы сдѣлать и половины дороги, какъ навстрѣчу показалась большая, шаркавшая ногами толпа. Впереди шелъ товарищъ Элькинъ. Моментами онъ оборачивался назадъ, грозилъ кому-то пальцемъ и кричалъ:

— Я васъ заставлю говорить...

За Элькинымъ — по шоссе и обочинамъ — шли пѣшіе и конные конвойные, тѣснымъ кольцомъ окружая толпу человѣкъ въ четыреста. Толпа была дере-

венская: мужики, парни, бабы въ платкахъ, мальчишки, дѣвчонки. Мимо насъ прошла баба съ грязнымъ отъ слезъ лицомъ. За руку она вела совсѣмъ маленькую бѣлоголовую дѣвочку; другой рукой она прижимала къ себѣ грудного, вякавшаго младенца; сзади, уцѣпившись за материнскую юбку, бѣжалъ босоногій мальчуганъ.

Мы переждали толпу, прошли въ поле и на обратномъ пути зашли къ знакомому хуторянину.

— Видѣли арестованныхъ? — спросилъ онъ.

Дѣло оказалось въ слѣдующемъ: въ десяти верстахъ отъ Тауцъ была небольшая деревушка. Недалеко отъ нея — мельница. Двѣ недѣли тому назадъ мельника нашли убитымъ. Власти переполошились. Пошло слѣдствіе. Въ деревню прислали собакъ изъ Москвы, кавалерію изъ Могилева, взводъ особаго назначенія и всю чеку изъ Тауцъ. Обыскали всю деревню. Но виновныхъ не нашли.

— Кто убилъ мельника — Богъ его знаетъ. Можетъ быть и крестьяне, можетъ и нѣтъ. Ростовщикъ онъ былъ. Деньги и рожь давалъ подъ громадные проценты. Вездѣ ходили слухи, что у него много разнаго добра, а народу темнаго теперь много бродитъ. Могли услышать, что у мельника деньги есть — и убили его. Только убійцъ сыскать не могутъ. Войска въ деревню на постой поставили, двѣ недѣли населеніе изъ избъ не выпускали, пахать и сѣять запретили; сколько эта орда большевистская коровъ и барановъ на довольствіе перерѣзала... Раззоръ одинъ... Но только виноватыхъ не могли найти. Тогда, значитъ, Элькинъ въ Москву телеграфировалъ; оттуда приказъ — арестовать всю деревню. Вотъ и арестовали.

Въ городѣ пришлось пройти мимо Тауцкаго арестнаго дома. Онъ былъ весь окруженъ карауломъ. Во

дворѣ стоялъ пулеметъ. Караульные были изъ мѣстной роты, среди нихъ у меня было много знакомыхъ, и меня безъ труда пропустили посмотрѣть, какъ устроились арестованные. Арестный домъ былъ невеликъ — двѣ камеры побольше и одна поменьше. Всего могло помѣститься человѣкъ 40, отъ силы — 50-60. Теперь же туда загнали 325 человѣкъ. Мужчины, женщины, дѣти — всѣ помѣщались вмѣстѣ. Тѣснота и духота были невозможныя.

Каждый день на дворѣ появлялись тов. Давидъ, Комлевъ, Элькинъ и пріѣхавшіе изъ Москвы элегантно-одѣтые люди съ безпокойными глазами, золотыми часами и въ пальто англійскаго покроя. Допрашивали безъ конца. Просидѣли мужики такимъ образомъ 16 дней. Пять человѣкъ умерло отъ тифа, восемь дѣтей отъ дизентеріи; появился дифтеритъ, скарлатина. Одна баба родила. Докторъ, лечившій арестованныхъ, сбился съ ногъ, заразился и захворалъ самъ дифтеритомъ въ тяжелой формѣ. Чтобы вынудить сознаніе, арестованныхъ не выпускали изъ камеръ; мужчины и женщины на виду у всѣхъ отправляли свои естественныя нужды. Драгоцѣнное время пашни и посѣва проходило. А виновныхъ все не было.

Наконецъ, они нашлись. Какъ и предполагалъ Элькинъ, — ихъ было 5 человѣкъ. Послѣ признанія состоялся судъ — скорый и немилостивый — всѣ были приговорены къ смертной казни.

Мѣстная рота и взводъ особаго назначенія на-отрѣзъ отказались отъ приведенія въ исполненіе смертнаго приговора. Эту обязанность взялъ на себя Элькинъ и недавно появившійся въ городѣ парикмахеръ.

— Буду я еще мужикамъ въ зубы смотрѣть, — говорилъ парикмахеръ, — сами въ деревнѣ жрутъ до-сыта, а везти въ городъ не хотятъ....

Осужденныхъ на зарѣ вывели въ поле. Каждый вырылъ для себя яму. Затѣмъ Элькинъ и парикмахеръ разнесли крестьянскіе черепа наганами.

Я часто ходилъ къ этимъ желтымъ холмикамъ, которые появились недалеко въ сторонѣ отъ Могилевскаго шоссе, садился на пень и думалъ, самъ не знаю о чемъ.

Однажды я встрѣтилъ на этихъ могилахъ завѣдующаго всеобучемъ.

— Бываете здѣсь?

— Бываю.

— И я. Не пройдешь мимо. Сами ноги несутъ сюда.

Помолчали.

— Какъ непонятно, — сказалъ я, — никого не пощадили изъ виновныхъ.

— Вы думаете, что они были убійцы?

— Они сами сознались.

— Э, да вы ничего не знаете. А я вѣдь здѣшній житель; мой отецъ изъ этой деревни родомъ; тамъ у насъ и дядья, и кумовья, и сватья. И мы хорошо знаемъ, что не эти, — и онъ указалъ на могилы, — убили мельника. Былъ приказъ — найти виновныхъ. Мужикамъ еще въ деревнѣ двѣ недѣли не позволили работать. Да тутъ продержали 16 дней. И еще обѣщали держать. А пахать, да сѣять надо, чтобы съ голоду не помереть. Мужички и составили совѣтъ — назначить виновныхъ, чтобы всѣмъ не пропасть. И назначили. Мой двоюродный братъ попалъ. И Давидка и Элькинъ знаютъ, что казнили неповинныхъ....

***

Однажды, въ концѣ апрѣля, идя на службу въ свой Сорнавозъ, я проходилъ мимо военнаго комиссаріата. Всѣ служащіе стояли на крыльцѣ и галдѣли. Многіе изъ нихъ были вооружены винтовками. Я подвернулъ къ нимъ

узнать, въ чемъ дѣло. На послѣдней ступенькѣ стоялъ товарищъ Элькинъ, синій съ перепугу, съ гвоздями вмѣсто глазъ; онъ весь зыбился отъ волненія. Онъ воткнулъ въ меня свои гвозди и снова быстро ихъ выдернулъ: мы другъ друга прекрасно знали, но не были въ бонжурахъ и не разговаривали.

— Что у васъ такое? — спросилъ я у завѣдующаго всеобучемъ.

— Исторія съ географіей: ночью пришла телеграмма — въ Гомелѣ взбунтовались войска. Теперь нашихъ коммунистовъ и сочувствующихъ посылаютъ туда усмирять возставшихъ. Да никто не хочетъ: одинъ боленъ, у другого дѣла, у третьяго — семья. А отправить приказано всѣхъ.

Я вошелъ въ коммиссаріатъ. Тамъ все шло вверхъ дномъ. Казначей запиралъ свой ящикъ. Завѣдующій мобилизаціоннымъ отдѣломъ, старый, изъѣденный молью капитанъ, изъ сочувствующихъ, дрожащей рукой связывалъ веревочкой дѣла. На столахъ валялись патроны, у стѣны стояло штукъ 30 винтовокъ.

За письменнымъ столикомъ, съ отвращеніемъ глядя на оружіе, сидѣлъ завѣдующій продкомомъ товарищъ Кушъ; онъ вытиралъ проступавшій на лысой головѣ потъ, губы дрожали и, когда падали патроны, онъ подпрыгивалъ на стулѣ.

— Осторожнѣе, товарищи, можетъ выстрѣлить....

Какъ коммунистъ, Кушъ тоже долженъ былъ отправиться въ походъ.

— Товарищъ Трясинъ, — сказалъ всеобучу появившійся Элькинъ, — вы тутъ раздайте оружіе, а я пойду проститься къ женѣ...

— Не могу я этого сдѣлать. Ваши коммунисты меня не послушаютъ. Вотъ товарищъ Кушъ тоже говоритъ, что онъ боленъ и не можетъ идти.

— Я, товарищъ Трясинъ, не могу ходить, я буду полезнѣе въ Продкомѣ....

— Оно, конечно, легче въ Продоволкѣ сидѣть, да воровать, — кто-то громко замѣтилъ въ толпѣ.

Кушъ смолчалъ.

Наконецъ, смобилизовавъ рать человѣкъ въ семьдесятъ, коммунисты двинулись по талому снѣгу въ Могилевъ.

Вечеромъ мой хозяинъ говорилъ:

— А коммунисты назадъ вернулись. Прошли верстъ десять — телеграмма: вернуться обратно, возстаніе подавлено.

То, что произошло въ Гомелѣ, Совѣтскія газеты представили въ обычномъ видѣ:

Благодаря контръ-революціонной пропагандѣ воинскія части, стоявшія въ Гомелѣ, захватили коммиссаровъ и съ возмутительными криками (читай — долой большевиковъ) вышли на улицу. Но, благодаря революціонно-настроеннымъ частямъ (читай — чека и китайцы), мятежъ былъ подавленъ. Виновные просили прощенія и выдали зачинщиковъ.

Возникъ процессъ. Судила и рядила могилевская чека. Что творилось на этомъ Шемякиномъ судьбищѣ, — никто не зналъ. Извѣстнымъ сталъ только приговоръ — 27 человѣкъ было осуждено на смертную казнь. Потомъ все какъ-то заглохло.

Однажды, послѣ Пасхи, когда я возвращался съ поля домой, меня обогнала небольшая таратайка. Въ ней сидѣлъ знакомый огородникъ. Онъ подсадилъ меня.

— Откуда, Лаврентій Григоричъ?

— Съ Могилева, у племянника былъ; мобилизованъ онъ, въ мѣстной ротѣ тамъ служитъ. Да, Господи, если бы я зналъ, такъ и не ѣздилъ бы къ нему.

— Что такъ?

— Осужденныхъ недавно казнили. А онъ въ это время въ караулѣ былъ, и потомъ къ мѣсту разстрѣла ихъ провожалъ. Такой страхъ, такой страхъ.... Племяшъ мой сомлѣлъ даже, и теперь умомъ словно бы разстроенъ....

И то, что разсказалъ племянникъ, дѣйствительно, выходило изъ ряда обыкновенной человѣческой жестокости.

Когда только стали гаснуть звѣзды, въ тюрьму явился отрядъ чекистовъ. Всѣхъ подсудимыхъ вывели изъ подваловъ, окружили кольцомъ и повели въ поле. За чекистами слѣдовалъ караулъ и повозка съ лопатами и пулеметомъ. Остановились въ крутомъ логѣ. Церемоніймейстеры изъ чрезвычайки раздѣлили всѣхъ осужденныхъ на три группы и раздѣли ихъ до-гола. Затѣмъ каждую группу заставили вырыть братскую могилу и встать немного впереди самой ямы. Осужденныхъ разстрѣливали партіями, по девяти человѣкъ, изъ пулемета. Пулеметчикомъ былъ Волинъ. Особые любители стрѣляли изъ нагановъ и винтовокъ. Нѣкоторые даже подходили къ тѣламъ провѣрить свою мѣткость и полюбоваться на дѣйствіе пулеметнаго огня, который превращалъ грудь въ кровавый пузырь.

Выпустивъ часть ленты, Волинъ прекращалъ стрѣльбу, подходилъ и глядѣлъ, нѣтъ-ли еще живыхъ. Ихъ онъ добивалъ изъ револьвера.

Съ послѣдней группой случился казусъ: когда ихъ разстрѣляли и стали уже закапывать, вдругъ одно тѣло зашевелилось.

— Братцы, пощадите, не убивайте, — хрипѣлъ несчастный.

Но братцы закопали его живьемъ.

— Тутъ-то мой племянникъ и обомлѣлъ, и до сихъ поръ въ себя какъ-то не приходитъ, — докончилъ огородникъ.

Мы замолчали. Таратайка громыхала, лошадь перебирала ногами, а съ запада, отъ заходящаго солнц, струился кровавый свѣтъ. Все было въ крови: облака, поля, лѣса и мы сами. И отъ крови, казалось, никуда нельзя было уйти.

Глава VIII.

ОБО ВСЕМЪ

Вскорѣ послѣ этихъ казней, когда тауцкіе сады зацвѣли и робкая зеленая трава начала одѣвать холмики у Могилевскаго шоссе, бывшій секретарь, развертывая бумажку съ корочкой хлѣба, — его завтракъ, сказалъ мнѣ:

— А у васъ будетъ новый сотрудникъ. Пріѣхалъ изъ Москвы съ особыми грамотами.

Потомъ онъ подтянулъ брюки и добавилъ:

— А я все худѣю. Думаю, нельзя-ли сузить штаны, а то, что получится, на заплату пустить сзади. Можно такъ, по-вашему?..

Черезъ нѣсколько дней я увидѣлъ въ общемъ отдѣлѣ длинную бѣлесую макаронину, безукоризненно одѣтую, съ бѣлымъ платочкомъ въ боковомъ карманчикѣ хорошо выглаженнаго пиджака.

— Позвольте васъ познакомить — товарищъ Красинъ.

Это былъ новый сотрудникъ воензага.

За дѣло онъ принялся умѣючи.

Во-первыхъ, была образована коллегія изъ него самого и всѣхъ именитыхъ лицъ въ Сорнавозѣ. Я же сдѣлался, такъ сказать, секретаремъ коллегіи и замѣстителемъ Красина въ случаѣ его отсутствія.

Черезъ недѣлю передъ нами появился подрядчикъ — степенный, благообразный еврей. Оказалось, что онъ можетъ поставлять колеса, оглобли, дуги и всякій такой матеріалъ, если ему дадутъ деньги, рабочихъ и лѣсъ. Красинъ все это обѣщалъ ему дать. Дѣло, словомъ, съ мертвой точки сошло. Оба они стали ѣздить то въ Могилевъ, то въ Москву, вмѣстѣ и порознь.

Между собой они говорили о цѣнахъ, колесахъ, процентахъ, рабочихъ. Красинъ все время поминалъ рабоче-крестьянскую власть, говорилъ, что деревня должна притти ей на помощь; подрядчикъ же вздыхалъ, поддакивалъ, моталъ головой.

А въ отсутствіе Красина подрядчикъ полушопотомъ говорилъ мнѣ:

— Не такъ берется за дѣло, господинъ Красинъ. Они хотятъ силой заставить крестьянъ работать. Надо мужикамъ плату дать, и плату необидную, а также и харчъ сытный: лѣсная работа тяжелая. А они хотятъ по совѣтской расцѣнкѣ платить. Если жъ мужики откажутся, — онъ грозитъ скотъ и хлѣбъ реквизировать. Большое неудовольствіе тутъ можетъ выйти.

И подрядчикъ крутилъ головой, какъ человѣкъ, попавшій въ скверную исторію.

Скоро онъ исчезъ. Вмѣсто него появился какой-то прохвостъ изъ ярославскихъ мужиковъ. Онъ сталъ внушать, что платить совсѣмъ не слѣдуетъ, а просто объявить трудовую повинность — и все.

Не одинъ Красинъ мѣтилъ на крестьянское добро.

Вмѣстѣ съ весной *) настало время большихъ мобилизацій. Несмотря на то, что мобилизованныхъ провожали въ Могилевъ съ конвоемъ, они все-таки бѣжали.

---

*) 1919 года.

За это, по приказу изъ Москвы, «Комбордезеръ», Комиссія по борьбѣ съ дезертирствомъ то-жъ, начала забирать у семей бѣгуновъ скотъ, хлѣбъ, плуги, одежду, даже курицъ и яйца.

А одинъ разъ я видѣлъ, какъ комендантъ, возвращаясь послѣ такого набѣга, везъ беззубую борону и желтую скворешницу.

Занимались этими реквизиціями «взводъ особаго назначенія», прозванный «собачниками», и чека въ полномъ составѣ.

Въ маѣ мѣсяцѣ имъ пришлось много потрудиться. Они все время выѣзжали въ карательныя экспедиціи и почти ни разу не ночевали дома.

Нѣкоторыя деревни при приближеніи карательныхъ отрядовъ уходили въ лѣса.

— Ну и черти — мужики, — разсказывалъ руководившій облавами предисполкомъ, — ѣдешь въ деревню, словно никого и не встрѣтишь, — а пріѣхалъ — никого нѣтъ. Ни людей, ни скотины, ни зерна, ничего нѣтъ. Курицъ — и тѣхъ нѣтъ. Только избы пустыя. Высылаютъ впередъ въ кусты, на горки мальчишекъ и дѣвчонокъ сторожить. Тѣ, какъ завидятъ отрядъ, — бѣгомъ въ деревню. А мужики въ одинъ моментъ лошадей позапрягаютъ, коровъ поуведутъ, все попрячутъ и сами въ лѣсъ. Ловкачи.

Эта оффиціальная грабиловка лишь усилила «зеленое» движеніе. Оно приняло стихійные размѣры. Зеленые были вездѣ и, кромѣ того, они были неуловимы. Въ селахъ, въ собранія коммунистовъ бросались бомбы; нашъ предъисполкомъ былъ раненъ пулей изъ кустовъ; нѣсколько коммунистовъ было убито. Словомъ, «смычки» между крестьянскимъ правительствомъ и крестьянами не было. Скорѣе наоборотъ.

Какъ-то послѣ занятій я сидѣлъ на крылечкѣ у все-

обуча, почти въ самомъ центрѣ городка, и велъ съ нимъ разговоръ, — какія утки вкуснѣе: домашнія или дикія. Въ этотъ моментъ мимо насъ прошло двое крестьянскихъ парней, оба въ лаптяхъ и оба съ винтовками, дуломъ книзу. Они шли, не торопясь, потихоньку о чемъ-то разговаривали и, проходя, внимательно посмотрѣли на насъ. Всеобучъ тоже поглядѣлъ на нихъ и сказалъ:

— Всѣхъ красноармейцевъ въ городѣ знаю, а этихъ нѣтъ. Должно быть зеленые, коммунистовъ ищутъ. Тутъ, въ одной деревнѣ по близости, вся молодежь ушла въ лѣсъ. А на деревьяхъ афишки расклеили: «приглашаются на службу офицеры царской службы, для руководства. Жалованіе и продовольствіе обезпечено».

Изъ-за боязни зеленыхъ ввели военное положеніе. Всѣ должны были забираться домой спозаранокъ. Запоздавшихъ комендантъ ругалъ на полъ-города. Стало еще тоскливѣе.

Въ серединѣ мая мобилизація дошла и до меня. Я явился въ военкомъ.

— На что-нибудь жалуетесь? — спросилъ докторъ.

— Рука раненая.

Докторъ осмотрѣлъ ее.

— Чистая, товарищъ Элькинъ? — спросилъ онъ комиссара, — видите рука правая, сильно согнутая, рубецъ очень болѣзненный.

— Ну, что жъ, — согласился Элькинъ.

Мнѣ дали чистую. Получивъ бумажку о полной негодности къ военной службѣ, я задумался, что дѣлать дальше.

Во-первыхъ, меня сильно безпокоила рука, и я дѣйствовалъ ею уже съ большимъ трудомъ; уроковъ стало меньше, а Сорнавозъ прокормить служащихъ не могъ, за исключеніемъ Красина, разумѣется, и, наконецъ, я

весь обносился. На мою просьбу о суднѣ продкомъ выдалъ одинъ аршинъ полосатаго сатина.

И то, что ничего нельзя было достать, ни хлѣба, ни пуговицъ, ни нитокъ, ни обуви, и то, что моя комната могла быть въ любую минуту реквизирована, создавало особое, странное настроеніе, похожее на отвращеніе къ жизни, а особенно къ коммунизму.

Въ жизнь вошло мертвое начало. Все было, какъ и раньше: распускались деревья, цвѣли сады, грѣло солнце. Но чего-то не было, словно изъ пространства отъ неба до земли выкачали воздухъ.

Поблекшіе и похудѣвшіе за зиму люди, равнодушные и тоскливые, искали только хлѣба и картофеля. Тысячи новыхъ неуклюжихъ правилъ оплели человѣческую жизнь; они уничтожали личный починъ, убивали трудъ и вели за собой голодъ, страшный и неотвратимый голодъ. Слѣдующая зима казалась еще страшнѣе прошедшей.

Сѣмянъ не было; картофель почти весь поѣли, лошадей мобилизовали; совѣтскіе люди ходили по домамъ и записывали, какая у кого семья и кто сколько засѣялъ. Никто не зналъ, для чего это дѣлается и, поэтому, кто и могъ бы вспахать побольше — воздерживались изъ-за боязни реквизицій осенью; такъ сдѣлалъ и Брумъ со своимъ огородомъ, такъ сдѣлалъ мой хозяинъ, такъ сдѣлали почти всѣ.

Сама явилась мысль — уйти туда, гдѣ люди живутъ свободно, гдѣ носятъ штаны изъ сукна, а не изъ сатина, гдѣ есть хлѣбъ, гдѣ воры, канальи и прохвосты сидятъ по тюрьмамъ. Но уйти казалось невозможнымъ. Кромѣ того, надо было подумать и о рукѣ.

На мое счастье появилась въ Тауцахъ больничная касса. Я получилъ оттуда на леченіе 2000 рублей, въ Сорнавозѣ мнѣ дали отпускъ — «впредь до выздоров-

ленія», и я рѣшилъ поѣхать въ Могилевъ показаться хирургу.

Въ теплый майскій вечеръ я выѣхалъ изъ Тауцъ на древней, прародительской балагулѣ. Двигала ее четверка тощихъ, точно склеенныхъ вмѣстѣ лошадей, а правилъ ими еврей съ длинной сѣдой бородой, похожій на ветхозавѣтнаго патріарха. Пассажировъ подъ парусиновымъ сводомъ балагулы оказалось всего трое — я и двое землемѣровъ. Ѣхали мы съ такой быстротой, что на могилевскомъ шоссе нѣсколько пѣшеходовъ успѣли насъ догнать, перегнать и далеко пройти впередъ. Иногда же лошади просто останавливались, мотали хвостами и переступали съ ноги на ногу.

— Овса нѣтъ. Даже и сѣно не всякій день ѣдятъ, больше солому.... Силы-то и нѣтъ, — говорилъ еврей.

— Падутъ такъ кони, — сказалъ одинъ землемѣръ.

— Они падутъ, и я паду — отвѣтилъ возница, — только ими и живу...

Въ соломѣ на днѣ балагулы оказалась прорва блохъ. Мы не успѣвали почесываться. Но, наконецъ, блохи напились и успокоились. Задремали и мы.

— Стой, кто ѣдетъ? — вдругъ раздался чей-то голосъ.

Я выглянулъ изъ-подъ свода; небо было въ звѣздахъ, недалеко отъ дороги горѣлъ костеръ, у лошадиныхъ мордъ виднѣлись неясныя фигуры. Звякнуло желѣзо винтовокъ.

— Выходите-ка, товарищи.

Мы вылѣзли. Было темно, пахло лугомъ, въ лѣсу кто-то ухалъ.

Двое съ винтовками встали около насъ и повели къ костру. По пути насъ окружило еще человѣкъ пять.

— Документы ваши? Я порылся и досталъ докторское свидѣтельство: предъявитель сего, имярекъ, вслѣд-

ствіе раненія... нуждается въ операціи, — и отпускъ изъ Совнархоза: предъявитель сего, имярекъ, отправляется въ Могилевъ на предметъ производства операціи....

Бумаги мои прочелъ парень, лѣтъ 26-28, съ бойкимъ, острымъ лицомъ. Кончивъ чтеніе, онъ сложилъ ихъ и отдалъ мнѣ.

— Это безобидный человѣкъ, я его знаю, — сказалъ онъ другимъ.

Землемѣровъ тоже отпустили съ миромъ. Ни денегъ, ни нашихъ чемодановъ не тронули.

— Прощенія просимъ за безпокойство, — сказалъ на прощаніе тотъ, кто читалъ наши документы, — мирныхъ людей мы не трогаемъ, коммунистовъ ищемъ...

Поѣхали дальше.

— Много зеленыхъ теперь, — говорилъ возница, каждый разъ почти останавливаютъ. Я ужъ привыкъ, да, кромѣ большевиковъ, никого не трогаютъ. А тѣ на ночь выѣзжать не рѣшаются.

На зарѣ балагула остановилась у корчмы, въ началѣ длинной деревни. Половина пути была сдѣлана. Возница подвѣсилъ конямъ торбу съ сѣчкой и вошелъ въ избу. Слѣдомъ за нимъ и мы. Хозяинъ корчмы предложилъ намъ поставить самоваръ. Мы приняли предложеніе. Спутники мои въ ожиданіи чая улеглись на скамейки, а я вышелъ во дворъ. Широкій Екатерининскій трактъ, обсаженный громадными липами, змѣясь, уходилъ вдаль. На лугахъ блестѣла роса. Невспаханныя поля щетинились отъ прошлогодней соломы.

Во дворѣ стоялъ какой-то обозъ; возницы поили лошадей и запрягали. Было свѣжо.

Недалеко отъ корчмы, у дороги, стоялъ высокій полузасохшій тополь. На верхнемъ суку висѣло старое колесо, а ниже, цѣпляясь за вѣтки, какія-то палки и тряпки. Вышелъ хозяинъ. Онъ вынесъ самоваръ, налилъ во-

ды, зажегъ лучину, бросилъ ее въ трубу, насыпалъ углей и сѣлъ рядомъ на лавочку.

— На колесо смотрите? — спросилъ онъ.

— Не могу понять, какъ оно очутилось тамъ.

— Раньше аисты жили у насъ на этомъ деревѣ. Каждый Божій годъ прилетали и дѣтей выводили на этомъ тополѣ. А прошлой весной красногвардейцевъ сюда нанесло. Понимаете — рыла разбойничьи, ничего святого нѣтъ. Потребовали корма для коней. Я пошелъ въ ригу, слышу выстрѣлъ. Прибѣжалъ, — а это какой-то разбойникъ самку убилъ. Она въ это время на гнѣздѣ сидѣла; вывернулась она послѣ выстрѣла изъ гнѣзда, шею опустила, изъ клюва кровь закапала. Въ ту же минуту и аистъ прилетѣлъ. Увидѣлъ самку — сначала видно понять не могъ, въ чемъ дѣло. Заходилъ около нея: крыломъ тронетъ, клювомъ по тѣлу водитъ, голову ей поднялъ. Какъ будто бы помочь хотѣлъ; на верхъ взлетитъ на низъ спрыгнетъ. И щелкаетъ что-то по своему, да жалобно, безпокойно такъ. А затѣмъ видно понялъ все, и ума какъ бы рѣшился. Забрался на самое гнѣздо, дѣтенышей вышвырнулъ, самку тоже, она ниже на вѣткахъ повисла, палки, прутья, все изъ гнѣзда полетѣло. И улетѣлъ. А потомъ снова вернулся. Летаетъ надъ убитой и что-то щелкаетъ, и опять крыломъ ее трогаетъ, клювомъ водитъ. Съ мѣсяцъ такъ продолжалось.

На эту весну я полѣзъ на дерево и снова гнѣздо наладилъ. Думалъ вернется, пару найдетъ, опять заживетъ. Дѣйствительно, прилетѣлъ, полеталъ вокругъ, на избу садился, а потомъ взялъ, вывернулъ гнѣздо и исчезъ. Съ тѣхъ поръ и не возвращался. А его вся деревня любила. Почетнымъ гостемъ былъ. Людей совсѣмъ не боялся. И при немъ порядокъ въ поляхъ былъ — ни змѣй, ни мышей. Косишь на лугу или жнешь, а онъ по-

близости ходитъ. Каждую кочку долбанетъ, въ каждую нору слазаетъ. А теперь у насъ и змѣи пошли, и мыши...

Послѣ чая мы тронулись снова. День былъ прекрасный, радостный. Дорога шла то лѣсомъ, то полемъ. Въ бору золотились сосны и пахло смолой, по-низу стлался коверъ изъ влажнаго мха, съ полей и луговъ долеталъ горячій воздухъ, запахъ цвѣтовъ и трескъ кузнечиковъ. Въ полдень показался Могилевъ со своими церквами и густыми зелеными садами. Шажкомъ мы проѣхали предмѣстье и затарахтѣли по главной улицѣ — Днѣпровскому проспекту. На каждомъ шагу попадались вывѣски совѣтскихъ учрежденій. Нѣкоторые магазины были открыты; продавались, главнымъ образомъ, резиновые каблуки, зонтики, женскія шляпы, нитяныя перчатки и тому подобная дрянь. Въ съѣстныхъ лавкахъ виднѣлась клубника и земляника.

Было странное несоотвѣтствіе между основательно построенными домами, плохо одѣтой толпой, красивыми улицами и пустыми витринами большихъ магазиновъ. Городъ, какъ будто болѣлъ и хирѣлъ, покрывшись, вмѣсто болячекъ, вывѣсками безчисленныхъ совѣтскихъ учрежденій.

Балагула изъ Тауцъ останавливалась всегда у одной и той же гостинницы. Не измѣнила она своей привычки и на этотъ разъ. Подъѣхавъ къ двухъэтажному зданію, не очень параднаго вида, нашъ длинный, несуразный экипажъ запнулся и сталъ. Мы пріѣхали. Надо было слѣзать. Съ удовольствіемъ мы всѣ сошли на землю и начали разминать разбитое тряской тѣло. Хозяинъ гостинницы стоялъ уже около насъ и гостепріимно приглашалъ подъ кровъ Сѣверной Пальмиры.

Около нашей балагулы стояла другая; возницы, помахивая кнутиками, заговорили о своихъ дѣлахъ. Нашъ возница особенно интересовался сахарнымъ вопросомъ;

другой же, бывшій, очевидно, въ курсѣ дѣла, предупреждалъ его, что могилевскія власти не позволяютъ ничего провозить въ Тауцы въ отместку за то, что тауцкія власти запретили вывозъ хлѣба.

Видимо, эта таможенная война глубоко задѣвала интересы обоихъ возницъ.

Мы рѣшили остановиться вмѣстѣ. За довольно большую комнату съ двумя кроватями и большимъ диваномъ, хозяинъ запросилъ съ насъ 80 рублей, безъ постельнаго бѣлья. Путешествующіе должны были имѣть свои простыни. Происходило это отъ того, что все бѣлье было реквизировано для нуждъ красной арміи.

Устроившись, я пошелъ въ Днѣпръ искупаться; потомъ напился чаю и отправился осматривать городъ.

Я шелъ медленно, присматриваясь ко всему. Всѣ мужчины были одѣты однообразно — царствовали высокіе сапоги. и защитный цвѣтъ. Странно было отсутствіе кокардъ, петлицъ, значковъ, погоновъ.

Толпа была новая, непривычная; это не была старая, знакомая публика, гдѣ всякаго можно было поставить на свое мѣсто: это педагогъ, это коммерсантъ, это иностранецъ, это шуллеръ. Произошло что-то, что все измѣнило. Походка у всѣхъ стала быстрая и рѣшительная. Видимо, люди хорошо знали, куда бѣгутъ и зачѣмъ бѣгутъ. Женщины были одѣты плохо; многія изъ нихъ были накрашены и на ходу размахивали руками. Бросалось въ глаза отсутствіе стариковъ, преобладалъ молодой и зрѣлый возрастъ; дѣтей тоже было мало.

Я присѣлъ въ скверѣ, гдѣ стояли тяжелѣйшія пушки, брошеныя Наполеономъ при отступленіи. Съ моего мѣста мнѣ виденъ былъ народъ, проходившій по улицѣ.

Показался тучный, съ накрахмаленными усами френчъ. На ногахъ у него блестѣли лакированные, со сборами, сапоги; на пухлой кисти сверкали осыпанные

брилліантами часы, въ другой рукѣ мотался короткій бичъ. Сбоку висѣлъ браунингъ. Бычья со складками шея, розовое, раздобрѣвшее лицо свидѣтельствовали, что въ Могилевѣ не всѣмъ живется скверно. Съ нимъ раскланялся какой-то прохожій, про котораго можно было сказать, что онъ не отказался бы отъ самаго плохого пайка и самыхъ поношенныхъ сапогъ. Это были, очевидно, шефъ и подчиненный. И въ большинствѣ прохожихъ, угадывались совѣтскіе служащіе — озабоченные, смиренные, голодные.

На сосѣдней скамейкѣ сидѣлъ благообразный старикъ, съ сѣдой бородой, худой, какъ скелетъ, и съ бахромой на дешевенькихъ полосатыхъ брюкахъ. Онъ слѣдилъ за дѣвочкой — блѣдной и хрупенькой блондиночкой. Она была одѣта по-городски, но крайне убого и играла на аллейкѣ съ другими дѣтьми. Всѣ они были малокровныя, апатичныя, черезъ блѣдную кожу лицъ проступали синія венки. Играли дѣти въ кооперативъ. Одинъ изъ мальчиковъ былъ директоромъ; къ нему приходили и спрашивали сахаръ, муку, мясо, сапоги, колбасу.... Онъ предварительно справлялся въ каталогѣ, говорилъ цѣну и выдавалъ товаръ. Магазинъ помѣщался тутъ же, подъ скамейкой. Несмотря на дорогія цѣны — все оцѣнивалось въ милліоны и тысячи милліоновъ, — торговля шла бойко. Одна дѣвочка спросила сто тысячей пудовъ бѣлой муки и столько же сахару. Директоръ безъ труда поднялъ всю эту тяжесть и съ поклономъ подалъ покупательницѣ. Былъ спросъ на мыло, апельсины, шоколадъ. Къ счастью, кооперативъ имѣлъ все къ услугамъ своихъ маленькихъ кліентовъ.

Помощники директора едва успѣвали подвозить товары со склада. Складъ же представлялъ собой небольшую кучу песка, изъ которой и заготовлялось все необходимое для кооператива. Иногда, когда товары за-

паздывали, передъ лавкой собиралась очередь; поднимался споръ изъ-за мѣстъ; тогда вмѣшивалась милицiя и наводила порядокъ. Были и спекулянты. За ними съ гикомъ носилась чека и сажала подъ скамейки.

Просидѣвъ еще немного, я пошелъ отыскивать хирурга. Черезъ четверть часа я уже былъ у него. Онъ осмотрѣлъ руку и сказалъ, что случай серьезный и предварительно лучше было бы сдѣлать рентгеновскiй снимокъ.

— Но у меня аппарата нѣтъ; я вамъ дамъ записку къ доктору Гвоздю. Онъ прiѣхалъ сюда изъ Петрограда и хотѣлъ перевести сюда свой рентгеновскiй кабинетъ. Если онъ вамъ сдѣлаетъ снимокъ, — это будетъ очень хорошо.

Съ письмомъ въ карманѣ я отправился къ доктору Гвоздю. Гвоздь прочиталъ письмо, сложилъ его и снова положилъ въ конвертъ.

— Радъ бы для васъ что-нибудь сдѣлать, но въ настоящiй моментъ аппарата у меня нѣтъ, да и не будетъ. Пока я ѣздилъ сюда, да помѣщенiе отыскивалъ, мой кабинетъ мой же коллега реквизировалъ, и теперь онъ уже не просто врачъ Неумновъ, а профессоръ, директоръ цѣлаго Института. Такъ-то....

Глава IX.

ПОМОГАЮЩIЙ СЛУЧАЙ

Я вышелъ, сѣлъ въ ближайшемъ скверикѣ и задумался —не рискнуть ли на операцiю безъ снимка. Но знакомыхъ у меня въ городѣ не было; что-бы я сталъ дѣлать, если бы она не удалась?

Людей въ этой части города совсѣмъ не было видно. И, когда сзади послышались шаги, я невольно обернулся, думая увидѣть обычную совѣтскую фигуру. Но, къ моему большому удивленію и радости, прохожій оказался инженеромъ, съ которымъ мы вмѣстѣ сидѣли въ плѣну. Мы сразу узнали другъ друга, обнялись, и засыпали одинъ другого цѣлымъ градомъ вопросовъ.

Я разсказалъ, какъ попалъ въ Могилевъ.

— А я черезъ двѣ недѣли послѣ васъ былъ тоже эвакуированъ въ Россію и попалъ въ Петроградъ; оттуда отъ голода бѣжалъ сюда....

Инженеръ Кость служилъ на желѣзной дорогѣ и занималъ тамъ отвѣтственный постъ. Родственники его жены бѣжали съ нѣмцами и оставили имъ свой домъ, садъ и огородъ. Жилъ онъ поблизости и возвращался домой. Меня онъ не отпустилъ. а повелъ къ себѣ. Въ одномъ изъ ближайшихъ переулковъ, весь спрятавшись подъ зеленью яблонь, тополей и березъ, стоялъ хорошенькій домикъ. Черезъ небольшой дворикъ мы прошли къ террасѣ, выходившей въ густой садъ. Липы цвѣли, жужжали пчелы, пахло медомъ; среди густой листвы зрѣли яблоки, груши, сливы; нѣсколько осинъ трепетало у забора; малинникъ высокой стѣной шелъ у всей изгороди, на свѣжей влажной травѣ мелькали солнечныя блестки. Дверь изъ комнаты открылась и на террасу вышла молодая женщина, съ мягкими сѣрыми глазами, и небольшая дѣвочка съ толстой косой.

Это были жена и дочь моего пріятеля. Я ихъ сразу узналъ по фотографіямъ, которыя видѣлъ у него въ плѣну.

— Я васъ тоже узнаю; мужъ привезъ съ собой массу снимковъ изъ плѣна; на нѣкоторыхъ и вы сняты...

Меня оставили на обѣдъ.

— Не безпокойтесь, — сказала жена, — хватитъ на всѣхъ. У насъ теперь огородъ большой, засадили его картофелемъ. Кромѣ того, мужъ паекъ получаетъ. Жить пока можно....

Передъ самымъ обѣдомъ пришла сестра моего прiятеля, двадцатилѣтняя дѣвушка, служившая гдѣ-то въ совѣтскомъ учрежденiи.

— А на Днѣпровскомъ проспектѣ сейчасъ переполохъ: оцѣпили и всѣхъ обыскиваютъ, особенно мужчинъ.

— Что случилось? — спросилъ братъ.

— Ищутъ кого-то. Третьяго дня изъ Чеки одного на разстрѣлъ повели. Его, значитъ, раздѣли и послали впередъ, у ямы стать. Было еще темно. Осужденный прошелъ половину, а потомъ вдругъ въ сторону — и бѣжать. Пока конвой опомнился, тотъ уже далеко отбѣжалъ. Бросились за нимъ, стали ловить, поднялась стрѣльба —своихъ же нѣсколькихъ переранили. А тотъ добѣжалъ до лѣса и скрылся...

— Что онъ будетъ дѣлать тамъ, несчастный? — сказала жена.

— Зеленыхъ найдетъ. Теперь ихъ здѣсь уйма, особенно по берегу Днѣпра... Пароходы то и дѣло останавливаютъ. Процѣживаютъ всѣхъ пасажировъ; коммунистовъ себѣ забираютъ, а другихъ отпускаютъ....

Дѣвочка, тоже внимательно слушавшая разсказъ, словно что-то вспомнила и побѣжала въ дальнiй конецъ огорода.

— Это она пошла посмотрѣть, не лѣзетъ-ли къ намъ кто-нибудь за картофелемъ, — объяснила мать, — тамъ въ заборѣ дыра есть, такъ ее это очень безпокоитъ. Каждое утро грядки осматриваетъ — не потоптаны-ли, не видно-ли чужихъ слѣдовъ. При коммунизмѣ она стала у насъ такой собственницей, что Боже упаси. Правда,

она весной работала въ огородѣ цѣлые дни; копала, садила, полола, поливала....Петербургскій голодъ ее такъ напугалъ. Что мы тамъ ѣли — вспомнить противно. Картофельную шелуху, овесъ, воблу, супъ изъ селедочныхъ головокъ, что приносили изъ общественныхъ столовыхъ.

— Черный, похожій на помои, часто со щепками отъ стволовъ одеревенѣвшей крапивы, — сказалъ мужъ, — а ѣли, ничего не подѣлаешь. А послѣ воблы — воду ведрами пили. Пухли и дохли, какъ индюшата.

— А шелуху картофельную на касторкѣ жарили и за хорошее блюдо считали, — добавила сестра.

— Худѣли мы страшно, — продолжала жена, — только одинъ человѣкъ толстѣлъ въ Питерѣ — Зиновьевъ, вождь пролетаріата. Отъ ожирѣнія въ институтѣ доктора Вредена лечился и увѣрялъ, что его контръ-революціонеры травятъ.

— Что онъ это говорилъ, — ты, кажется, прибавляешь, — сказалъ мужъ, — а что онъ у Вредена отъ толщины лечился, сущая правда. Я тамъ кое-какіе аппараты чинилъ и нѣсколько разъ его мелькомъ видѣлъ. Жирный, заплывшій, отвратительный. Говорили, что его разнесло такъ за нѣсколько мѣсяцевъ, что изъ Германіи онъ пріѣхалъ худой, какъ щепка.

— Хорошо, что вырвались оттуда, — продолжала сестра, — кромѣ голода, какой холодъ мы испытывали тамъ. Вернешься со службы, — а дома ноль градусовъ или еще холоднѣе. Дѣлать ничего нельзя. Простыни влажныя, ледяныя. Ляжешь, какъ есть, не раздѣваясь, и все, что есть теплаго, на себя тащишь, Лежишь и обыска ждешь. А обыскивали цѣлыми кварталами — и какъ еще: съ пола доски сдирали, стѣны выстукивали, обои срывали.... Гнусно обыскивали.... Когда брата сюда перевели, я проѣздомъ, въ Москвѣ свою подругу встрѣти-

ла. Идетъ по улицѣ — на ногахъ калоши старыя-престарыя, совсѣмъ дырявыя, на головѣ — что-то невозможное, а на самой — дорогая каракулевая шубка и грязный шелковый шарфъ. Спрашиваю — не боишься такъ ходить. А она распахнула шубку быстро и показала свой нарядъ: черные рваные чулки — и больше ничего. Шубка прямо на голое тѣло надѣта.

— Все большевики у насъ забрали, а, что припрятали, пришлось продать.

— Времячко, — вздохнулъ мужъ, — ничто такъ не вспоминается, какъ стирки бѣлья. Вечеромъ придешь со службы, и со двора надо еще воды натаскать на пятый этажъ. Лѣстница крутая, темная, какъ колодецъ; ступени обледенѣлыя, скользишь, — въ одной рукѣ ведро, другой за перила держишься. Словно на ледникъ швейцарскій взбираешься. Натаскаю воды, потомъ стираемъ въ ледяной водѣ. Кое-какъ выстираемъ, а развѣшиват приходилось у себя же въ квартирѣ, чтобы не украли. Погребъ въ квадратѣ получался. Въ такія минуты съ особеннымъ наслажденіемъ рисовалъ себѣ Сахару, солнце, пески, зной... Но мы-то уже взрослые, люди сформированные, закостенѣлые, такъ сказать, капиталисты. А какъ отразится на молодомъ поколѣніи это время — не могу представить. Возьмите вотъ, для примѣра, мою дѣвочку: ей всего 9 лѣтъ, а какая она разсудительная, скупая, недовѣрчивая. Ее можно на базаръ послать, и, будьте покойны, лишняго не передастъ и не заплатитъ. Въ январѣ мы всѣ захворали — у кого тифъ, у кого испанка, словомъ, всѣ лежатъ. Собрала она въ узелокъ разное тряпье, пошла на толкучку, по хорошей цѣнѣ все продала, купила дровъ, хлѣба, чаю; затопила печку, всѣхъ напоила, даже бѣлье думала выстирать, да силъ не хватило. А тутъ, въ Могилевѣ, какъ наступитъ вечеръ, выходитъ на крылечко; къ ней другія дѣти при-

ходятъ и, какъ взрослые, между собой разговариваютъ. У кого какой садъ, сколько можетъ онъ дать пудовъ яблокъ и сливъ, какъ ихъ въ прокъ заготовить, кто изъ сосѣдей воруетъ... Самыя житейскія темы... И изъ своего огорода она никому хворостинки не уступитъ...

Накрыли на столъ. За обѣдомъ я разсказалъ о себѣ.

Кость подумалъ и сказалъ:

— Если хотите лечиться, — поѣзжайте, по-моему, лучше въ Кіевъ. На Украинѣ, послѣ нѣмцевъ, кое-что да осталось; большевики тамъ не успѣли всего перепортить и націонализировать. Имъ тамъ оказываютъ большое внутреннее сопротивленіе, и они ведутъ себя на Украинѣ осторожнѣе. И край все-таки богаче здѣшняго, югъ, какъ ни какъ.

— Но какъ сдѣлать это?

— А вотъ какъ: одинъ изъ нашихъ служащихъ вернулся на-дняхъ изъ Кіева; у него тамошняя чрезвычайка отобрала пишущую машинку. По правдѣ, она намъ совсѣмъ не нужна, но мы вамъ можемъ дать порученіе отвоевать ее у чрезвычайки, а, за-одно, и привезти нѣсколько ящиковъ болтовъ. Для этого вамъ придется поступить къ намъ на службу, ну хотя бы торговымъ агентомъ. Вы получите всѣ необходимыя бумаги и нѣсколько тысячъ на дорогу и закупку матеріаловъ. Согласны?

Все это было очень кстати и, успокоеный, я вернулся въ свою гостиницу.

На другой день я подалъ прошеніе о назначеніи меня торговымъ агентомъ желѣзно-дорожнаго кооператива. Черезъ полъ-часа я уже былъ принятъ. Остальныя формальности — полученіе командировки и денегъ — взяли еще три дня.

Наступилъ вечеръ отъѣзда; я поблагодарилъ инже-

нера, распрощался съ его семьей и отправился на вокзалъ.

Благодаря тому, что я былъ свой, желѣзно-дорожный, мнѣ сравнительно легко удалось втиснуться въ вагонъ подкатившаго со скрипомъ поѣзда. Вагонъ былъ спальный, международнаго общества. Всѣ мѣста были заняты. Я поставилъ чемоданъ у окна и сѣлъ на него. Большинство пассажировъ ѣхало изъ Питера, все это были мѣшечники или совѣтскіе служащіе, ѣхавшіе въ командировки. Какая-то женщина занимала своими узлами всю вагонную площадку. Сидя на туго набитомъ чемоданѣ, перевитомъ ремнями и веревками, она резговаривала съ кондукторомъ. По совѣтской терминологіи это была спекулянтка чистѣйшей воды: изъ Питера она возила ткани, мѣняла ихъ въ провинціи на провизію и снова ѣхала къ себѣ.

Нашъ поѣздъ шелъ только до Жлобина. Тутъ надо было слѣзть и пересѣсть на поѣздъ, идущій въ Гомель.

Было часа два ночи. Гомельскій поѣздъ былъ весь переполненъ. Если бы не агрономъ, ѣхавшій куда-то закупать лошадей для кавалеріи и имѣвшій особенныя грамоты свыше, я бы остался за бортомъ. Но агрономъ, съ которымъ мы разговорились во время ожиданія поѣзда, имѣлъ доброе сердце. Онъ втиснулъ меня и мои вещи въ вагонъ, предназначенный для самыхъ важныхъ лицъ, и втиснулся самъ. Крѣпко окопавшись на скамейкѣ, мы рѣшительно отказывались покинуть ее, несмотря на всѣ ультиматумы станціонныхъ комиссаровъ; кромѣ того, агрономъ по временамъ самъ переходилъ въ наступленіе, грозилъ пожаловаться въ Москву и показывалъ свое предписаніе. Меня же, повидимому, они принимали за его помощника. Наконецъ, понявъ, что съ нами ничего не подѣлаешь, комиссары оставили насъ въ покоѣ.

Утромъ мы пріѣхали въ Гомель. Здѣсь, въ ожиданіи парохода на Кіевъ пришлось прожить два дня. Вмѣсто гостиницы, мы остановились, по протекціи агронома, въ одномъ изъ совѣтскихъ учрежденій, шефомъ котораго былъ одинъ изъ его знакомыхъ. Учрежденіе только что начинало формироваться, оно занимало много комнатъ и пустовало. Мы расположились въ одной изъ комнатъ на столахъ. Устроившись, мы вышли напиться чаю. Но это было легче пожелать, чѣмъ исполнить; магазины были закрыты, въ молочныхъ и кондитерскихъ ничего не было. Пришлось пройти снова на вокзалъ.

Духъ жизни, видимо, отлеталъ отъ города. У богатыхъ подъѣздовъ многочисленныхъ банковъ, вмѣсто важныхъ швейцаровъ, стояли сѣрыя фигуры, съ неуклюжими обмотками на ногахъ, и съ тупымъ равнодушіемъ смотрѣли на золоченыя рѣшетки и мраморныя лѣстницы.

Все было въ прошломъ — торговля, богатство, спокойная, размѣренная жизнь. На опустошенныхъ мѣстахъ густо, какъ сорная трава, росли совѣтскія безчисленныя канцеляріи. Агрономъ рѣшилъ ихъ обойти всѣ, справиться, нѣтъ-ли гдѣ лошадей и нельзя ли ихъ купить.

— Дѣло безнадежное, лошадей тутъ нѣтъ, самъ знаю, — сказалъ онъ, — но надо показать видъ, что что-то дѣлается.

Онъ ушелъ. Я остался одинъ и направился въ скверикъ. Тамъ я нашелъ скамейку и усѣлся. Прямо передо мной стоялъ громадный бѣлый домъ, передъ нимъ было натянуто нѣсколько рядовъ проволочнаго загражденія, а подъ самыми окнами ходили желтые, равнодушные китайцы съ винтовками. У большихъ воротъ толпилась уже очередь человѣкъ въ триста.

Я понялъ, что это — гомельская чека. Ко мнѣ на ла-

вочку подсѣлъ мужчина торговаго вида и съ сумочкой черезъ плечо. Признавъ другъ въ другѣ путешествующихъ, мы разговорились.

— Каждый, кто въ Гомель попалъ и хочетъ дальше ѣхать куда-нибудь, долженъ вотъ черезъ это пройти, — и торговецъ кивнулъ на чеку, — отъ чеки квитанцію получить. Если въ Россію, то розовую, на Украину — зеленую. Безъ этихъ квитанцій ни на пароходъ, ни въ поѣздъ не пустятъ. А ждать долго приходится. Я ужъ четвертый день околачиваюсь тутъ, получить не могу. Подвинусь въ очереди къ самымъ воротамъ, говорятъ занятія кончены, на слѣдующій день явиться. И ходишь.. А своимъ-то чека безъ всякой очереди дѣлаетъ....

Я всталъ и пошелъ посмотрѣть, что дѣлаетъ толпа. За большія желтыя ворота, во дворъ пропускали лишь по два человѣка. За этимъ наблюдали два молодыхъ еврея съ револьверами у пояса. Я остановился. Чекистъ съ бачками, замѣтивъ, что я разглядываю и его, и толпу, и улицу, махнулъ рукой.

— Тутъ нельзя стоять, проходите дальше.

Я пошелъ по базарной площади, пустой и пыльной; дойдя до середины, остановился —гдѣ бы найти немного прохлады. Напротивъ, шла длинная каменная стѣна; сверху надъ ней раскидывалось цѣлое море зелени. Немного подальше виднѣлись раскрытыя ворота. Я направился къ нимъ. Пройдя ворота, я сразу очутился въ густой и пріятной тѣни большихъ деревьевъ. Отъ воротъ шли въ разныя стороны аллеи. Въ глубинѣ виднѣлся бѣлый дворецъ. Я прошелъ около боковой части громаднаго, роскошнаго зданія. Стѣны снаружи были украшены барельефами, представлявшими всевозможныя сочетанія изъ античнаго оружія. У южнаго конца зданія возвышался памятникъ Паскевичу Эриванскому. Онъ

еще не былъ сброшенъ съ пьедестала. Около него стояла пушка, взятая имъ у турокъ.

Та же аллея привела меня въ садъ по другую сторону дворца. Все было залито солнцемъ. Широкая терраса шла вдоль всего зданія и красивыми улитками спускалась въ садъ. Садъ переходилъ въ крутой обрывъ, заросшій кустами. Внизу свѣтлѣлъ Сожъ, виднѣлись купальщики. Другой берегъ, ровный и низменный, сливался на горизонтѣ съ сиреневымъ небомъ.

Была тишина и просторъ.

На ступенькахъ террасы сидѣлъ мой агрономъ и глядѣлъ вдаль.

— Не плохо?

— Великолѣпно.

— Хотѣлъ вамъ дворецъ показать, да не пускаютъ. Во-первыхъ, пожаръ былъ; во-вторыхъ, здѣсь же и совдепъ помѣщается, а, на самомъ дѣлѣ, большевикамъ просто совѣстно, они все тутъ загадили. И дворецъ они сами подожгли, чтобы свое свинство скрыть. До революціи тутъ просто музей былъ. А потомъ — серебро растащили, все разграбили, запакостили, и отъ прежняго великолѣпія и слѣда не осталось.

Я заглянулъ въ громадное окно, выходившее на террасу: внутри виднѣлись голыя стѣны, обвалившіеся потолки; внизу валялся обгорѣлый хламъ и на немъ слой опавшей штукатурки, осколки стекла.

Изъ сада агрономъ повелъ меня въ самый паркъ; по-просту это была отгороженная часть лѣса. Тутъ росли громадныя липы, ели, клены, сосны. Вдоль ручья висѣлъ гибкій тальникъ. Было свѣжо и прохладно. Всѣ статуи, бывшія въ паркѣ, уцѣлѣли. Только на пьедесталѣ, на которомъ было написано «Цицеронъ», ничего не осталось. Зато императоръ Гальба продолжалъ красоваться на прежнемъ мѣстѣ.

Гуляя, я разсказалъ агроному о квитанціяхъ на выѣздъ. Онъ махнулъ рукой.

— У нихъ умъ за разумъ заходитъ... Если спросятъ, — покажемъ наши командировки. Вотъ и все...

Наступилъ день отъѣзда. Мы пріѣхали на пристань часа за два до отхода парохода. Пассажировъ было мало; объяснялось это тѣмъ, что Кіевъ большевиками эвакуировался и тѣ, кто не хотѣлъ попасть къ бѣлымъ, ѣхать туда не рѣшались; а тѣ, которые хотѣли бы попасть къ нимъ, — не получали разрѣшенія на выѣздъ.

Глава X.

ВЪ САТРАПІИ ТОВАРИЩА РАКОВСКАГО

Пропусковъ у насъ никакихъ не спросили. Только кто-то изъ рѣчной чеки сказалъ:

— Кіевъ, товарищи, эвакуируется.

Агрономъ замѣтилъ, что мы ѣдемъ по казеннымъ командировкамъ, и тѣмъ дѣло кончилось. На самый пароходъ насъ пропустили безъ всякихъ препятствій. Я прошелъ сходни и облегченно вздохнулъ. На борту прочелъ имя: «Надежда». Хорошее.

Мы устроились съ агрономомъ въ каютѣ внизу, разложили наши вещи и вышли на верхъ. День былъ безоблачный. Отъ рѣки дулъ влажный вѣтерокъ. Надъ водой носились бѣлыя чайки. Отъ трубы шелъ жаръ, и пахло машиннымъ масломъ. Отъѣзжавшіе переговаривались съ остававшимися, прося не забыть ихъ порученій.

Пароходъ тронулся, и часа черезъ два изъ Сожа мы вошли въ болѣе широкій фарватеръ Днѣпра. Безконеч-

ная равнина окружила насъ со всѣхъ сторонъ. Я глядѣлъ на извилистые, то зеленые, то песчаные берега и молчалъ. Безграничный просторъ пьянилъ сознаніе. Мелькали отрывки исторіи — Владиміръ, печенѣги, хозары, татары. Невидимыя нити протянулись изъ прошлаго къ настоящему. И съ силой, совершенно неожиданной, свѣжей и неистребимой, я почувствовалъ, что я — плоть отъ плоти, кровь отъ крови этихъ полей, рѣкъ и простора; что моя душа не можетъ жить безъ нихъ, что только въ нихъ моя сила, радость и цѣль. И потихоньку я смѣялся и плакалъ отъ счастья такъ близко чувствовать родную землю. И видѣлъ, что она всегда была во мнѣ со своимъ солнцемъ, со своимъ простором, со всей своей поэзіей. Она мнѣ всегда подсказывала самыя лучшія слова, рождала самыя свѣтлыя мысли.

Земля моя, цѣлую твои травы, цвѣты, твой песокъ; твое горе — мое горе, и твое счастье — мое счастье. Земля моя, ты только моя и тѣхъ еще, кто любитъ тебя...

Потрясенный, я слушалъ могучую музыку зова земли.

А вокругъ шла обыкновенная жизнь. Пришли снизу нѣсколько красноармейцевъ и сѣли на сосѣднюю скамейку. Трое изъ нихъ были одѣты въ стеганые штаны и ватныя куртки, несмотря на жару.

— Куда ѣдете, земляки? — спросилъ ихъ агрономъ.

— Мы-то? Никуда. Мы пароходъ охраняемъ.

— Отъ кого?

— Да тутъ по берегамъ зеленые бродятъ, потомъ атаманъ Струкъ со своими повстанцами, Тютюнникъ еще какой-то завелся...

Подошелъ помощникъ капитана.

— Безъ охраны теперь пароходовъ не пускаютъ. Въ послѣдній рейсъ, какъ мы въ Кіевъ шли, уже совсѣмъ

близко отъ него, насъ повстанцы обстрѣляли и велѣли къ берегу пристать. Дѣлать нечего — пристали. А на пароходѣ какъ разъ комиссія изъ гомельской чеки ѣхала, 9 человѣкъ всего — три эстонца и шесть евреевъ. Зеленые отобрали ихъ, связали всѣхъ вмѣстѣ веревкой и съ палубы въ Днѣпръ пригласили прыгнуть. Тѣ въ ногахъ валялись, клялись, что больше служить большевикамъ не будутъ.. Не послушали... Такъ ихъ всѣхъ и заставили спрыгнуть. На другомъ пароходѣ отрядъ еврейскій ѣхалъ, 90 человѣкъ что-ли. Пароходъ какъ-то на мель сѣлъ. Повстанцы замѣтили это и обстрѣляли пароходъ; тотъ бѣлый флагъ выкинулъ. Подъѣхали на лодкахъ и весь отрядъ въ Днѣпрѣ потопили... Каждый рейсъ встрѣчаемъ утопленниковъ: плывутъ себѣ внизъ по рѣкѣ. Ну, послѣ этого рѣшили пароходы съ охраной пускать. Да насъ должно быть не тронутъ — знаютъ, что теперь въ Кіевъ ни чекисты, ни коммунисты не ѣдутъ, а больше изъ Кіева бѣгутъ. Все-таки, на всякій случай будку штурвальнаго пришлось дровами и мѣшками съ пескомъ окружить....

И, боясь повстанцевъ и невидимыхъ ночью мелей, нашъ пароходъ съ вечера останавливался у какой-нибудь пристани и ждалъ утренней зари.

Но повстанцы не тронули насъ. Почти все время мы съ агрономомъ проводили на верхней палубѣ, и вотъ однажды, въ полдень, впереди показались темныя высоты. Блеснула золотая точка.

— Кіевъ, — замѣтилъ мой спутникъ, — колокольня Андрея Первозваннаго.

Съ невольнымъ волненіемъ я слѣдилъ, какъ приближается Кіевъ. Агрономъ тоже не спускалъ съ него глазъ.

— Одинъ изъ самыхъ красивыхъ городовъ въ мірѣ, — говорилъ онъ, — я тутъ еще при нѣмцахъ былъ. Они часами въ Царскомъ саду сидѣли, Владимірскую горку,

какъ мухи сахаръ, облѣпляли, все окрестностями любовались Сколько фотографій они отсюда увезли! Одинъ изъ ихъ офицеровъ говорилъ мнѣ, что онъ съ большой грустью думаетъ о минутѣ, когда ему надо будетъ Кіевъ покинуть. А полякъ инженеръ разсказывалъ, что, когда Польша отъ Чернаго до Балтійскаго моря будетъ, то они Кіевъ второй столицей сдѣлаютъ.

Мы шли среди глубокой темной воды, заходя иногда въ тѣнь высокаго берега. На правой сторонѣ поднимались крутыя горы, заросшія зелеными кустами. По берегу часто попадались огромныя, желтыя глыбы, сорвавшіяся сверху. Однѣ скатывались прямо въ Днѣпръ, другія задерживались на узкомъ берегу. Нѣкоторыя, разбиваясь о встрѣчные выступы, долетали внизъ въ видѣ переплетеннаго пука корневищъ. Желтая глинистая полоса указывала линію паденія.

Благодаря зигзагамъ рѣки, сильно удлинявшимъ дорогу, мы только на склонѣ дня пріѣхали въ Кіевъ. Остановился пароходъ у пристани недалеко отъ мельницы Бродскаго. Переждавъ сутолоку, мы съ чемоданчиками пошли по сходнямъ къ выходу. У самаго конца намъ загородили дорогу.

— Ваши документы?

Мы показали командировки. Насъ пропустили.

На улицѣ стояло много ломовиковъ и легковыхъ извозчиковъ. Но агрономъ посовѣтовалъ пройти немного вверхъ и тамъ уже нанять.

Такъ мы и сдѣлали. Захвативъ наши вещи, мы пошли по улицѣ, поднимавшейся кверху. Навстрѣчу шла толпа болѣе нарядная и болѣе оживленная, чѣмъ въ Могилевѣ. На Владимірской горкѣ стаей сидѣли многочисленные любители природы и смотрѣли на закатъ. Воздухъ былъ ласковый, особенный, южный. На темно-голубомъ небѣ блеснули первыя звѣзды.

Вышли на Крещатикъ. Здѣсь меня поразила масса открытыхъ магазиновъ и полная, казалось бы, свобода торговли. Въ кондитерскихъ былъ шоколадъ, конфеты, печенія; у ювелировъ были выставлены разныя драгоцѣнности, у часовщиковъ — безчисленные часы на всякія цѣны. Рестораны и кухмистерскія понаклеивали на стекла свои прейсъ-куранты. Въ кіоскахъ продавали разныя воды и лимонадъ. Проѣхалъ на быстромъ лихачѣ человѣчекъ съ бритымъ лицомъ, юркими глазками и съ револьверомъ у пояса.

А мимо насъ шла пестрая, оживленная толпа, доносился говоръ съ мягкимъ южнымъ акцентомъ.

Мы наняли извозчика и поѣхали въ Славянскую гостиницу. Оставивъ вещи въ номерѣ, вышли купить чего-нибудь къ чаю. И сахаръ, и бѣлый хлѣбъ продавались тутъ же, черезъ улочку. Сколько времени я не видѣлъ ни того, ни другого, а тутъ ихъ можно было покупать цѣлыми пудами. А изъ другой лавочки агрономъ приволокъ цѣлаго жаренаго поросенка.

Мы устроили пиръ во всю.

— Люблю югъ, — говорилъ за чаемъ агрономъ, — онъ живой, обильный, радостный. Даже большевики не успѣли всего слопать, и на нашу долю кое-что остается.

На другой день, утромъ, мы встали, доѣли поросенка, облизали пальчики и пошли посмотрѣть, что дѣлается на базарахъ. На Бессарабкѣ продавался хлѣбъ, сахаръ, сало, колбасы, разныя ягоды.

Я готовъ былъ повѣрить, что революція тутъ проходитъ благополучно.

— Это вамъ кажется потому, что вы въ командировкѣ и имѣете немного денегъ. А подсчитайте — хлѣбъ стоитъ сорокъ рублей фунтъ. Для взрослаго надо въ день фунта полтора. Значитъ — 60 рублей; всего въ мѣсяцъ — 1800 рублей. А среднее совѣтское жалованіе —

1000-1100. А если есть жена, дѣти?... А кто не можетъ служить, да на всѣхъ и мѣстъ не хватило бы.

Какая-то бѣдно одѣтая женщина спорила съ торговкой:

— Да развѣ это возможно. Вчера еще хлѣбъ стоилъ 36 рублей, а сегодня уже 40.

— Другіе то уже по 42 продаютъ, это я вамъ, какъ постоянной покупательницѣ скидку дѣлаю; берите лучше сейчасъ, вечеромъ онъ сорокъ пять будетъ.

Проходя мимо витрины книжнаго магазина, мы на минуту остановились. Владѣлецъ таинственно поманилъ насъ къ себѣ. Мы вошли, слѣдомъ за нимъ, внутрь магазина.

— Покупайте, господа, книги, пока еще можно. Теперь всѣ магазины на Крещатикѣ описываютъ; когда опишутъ, — тогда вамъ купить, а мнѣ продать нельзя будетъ.

Магазинъ былъ большой, выборъ прекрасный, книги все больше научнаго содержанія.

Агрономъ отложилъ пачку для себя; выбралъ и я нѣсколько штукъ.

— Вы что-то дешево берете, — сказалъ при уплатѣ агрономъ,

Владѣлецъ махнулъ рукой.

— Я на этомъ мѣстѣ 20 лѣтъ торговалъ. Всегда старался серьезному читателю угодить и за дешевымъ барышемъ не гнался. У меня и профессора бывали, любители хорошихъ книгъ часто заходили. Пріятно было. А теперь опишутъ, посадятъ какого-нибудь стрекулиста, какъ къ Оглоблину, загадятъ, все дѣло погубятъ. Потому-то и хочется, чтобы хорошая книга въ хорошія руки попала.

Съ Крещатика мы прошли въ Купеческій садъ и посидѣли надъ обрывомъ.

— Хорошо, —млѣлъ отъ восторга и солнца мой спутникъ, глядя на Днѣпръ, — ухъ, какъ хорошо.... Я вѣдь самъ чухна, а Россію во-какъ люблю. Не школы дѣлали изъ насъ русскихъ, а вотъ этотъ просторъ, эта красота Божья. Представить себѣ не могу, что я вдругъ эстонецъ, и что мнѣ паспортъ надо будетъ брать. чтобы пріѣхать сюда.

Изъ Купеческаго сада мы прошли въ Царскій, потомъ посидѣли на Аскольдовой могилѣ, искупались въ Днѣпрѣ и вернулись въ гостиницу.

Чтобы уяснить себѣ положеніе на фронтѣ, я накупилъ совѣтскихъ газетъ. По ихъ сообщеніямъ все выходило слава Богу. Но отступленія, хотя и медленнаго, все же нельзя было скрыть. Петлюра и бѣлые понемногу продвигались къ Кіеву.

Сколько времени могло пройти до ихъ прихода? Недѣля, мѣсяцъ? Или больше?

Пока же, я рѣшилъ заняться рукой, получить машинку изъ Чеки и найти болѣе дешевую квартиру. Обѣдали мы у себя въ номерѣ.

Агрономъ остался вздремнуть, а я направился въ городъ.

Спускаясь по лѣстницѣ, я неожиданно увидѣлъ длинную фигуру Карта, моего сотоварища по плѣну. Мы удивились, потомъ поздоровались. Оказалось, что Картъ мобилизованъ большевиками и служитъ въ какомъ-то колесномъ военномъ транспортѣ, который помѣщался въ этой же гостиницѣ и занималъ пять комнатъ на самомъ верху.

Картъ шелъ домой; я пошелъ проводить его. Жилъ онъ на Фундуклеевской, въ самомъ концѣ. Я разсказалъ,

что у меня болитъ рука и нужна операція. Онъ назвалъ нѣсколько фамилій мѣстныхъ хирурговъ и пообѣщалъ поговорить со своей сестрой, ассистенткой одного изъ кіевскихъ свѣтилъ.

Своей жизнью и службой Картъ, видимо, не былъ доволенъ. Но онъ не очень распространялся на этотъ счетъ.

На другой день мы пошли съ агрономомъ бродить по канцеляріямъ: онъ — за лошадьми и сѣменами, я — за болтами и машинкой. Ходить рѣшили вмѣстѣ.

— Не такъ скучно, — сказалъ онъ.

Сперва мы заглянули въ Комиссаріатъ земледѣлія. Занималъ онъ большой, высокій домъ недалеко отъ Софійскаго собора. Мы поднялись по лѣстницѣ на четвертый этажъ. На одной изъ дверей было написано: сѣмянной отдѣлъ.

— Значитъ сюда, — сказалъ агрономъ.

Первая комната была пріемной, тутъ стояло нѣсколько стульевъ и комодъ — имитація подъ Буль. Нѣсколько человѣкъ просительскаго вида сидѣло и ходило по комнатѣ.

Попросивъ меня обождать минутку, мой спутникъ исчезъ въ корридорѣ. Я присѣлъ къ окну и смотрѣлъ то на улицу, то на дверь. Она поминутно открывалась и закрывалась, пропуская пробѣгавшихъ изъ корридора служащихъ. Въ рукахъ они держали бумаги разнаго рода, и всѣ имѣли озабоченный видъ. Въ одинъ изъ такихъ моментовъ, на порогѣ открывшейся двери появилась длинная сухощавая фигура съ синей папкой въ рукахъ и перомъ за ухомъ. Оказался знакомый — мой бывшій сотоварищъ по службѣ въ Польшѣ, Іосифъ Кирилловичъ Огонь.

— Какъ вы тутъ? — спросилъ онъ.

— А вы какъ?

— Да мы всей семьей въ 1915 году эвакуировались изъ Польши, попали въ Кіевъ, ну и живемъ тутъ. Я въ Коммиссаріатѣ служу. Къ сожалѣнію, сейчасъ дѣла у насъ много, спѣшка; приходите къ намъ какъ-нибудь вечеромъ, всѣ будутъ рады.

И, нагнувшись ближе, онъ сказалъ полушопотомъ:
— Эвакуація у насъ, дѣла пакуемъ.

Онъ далъ адресъ и ушелъ.

Немного погодя, явился агрономъ.

— Сѣмянъ никакихъ нѣтъ. Айда лошадей добывать.

Отправились дальше. Вошли въ прохладный особнякъ, гдѣ помѣщалось какое-то военное учрежденіе. Тутъ агрономъ пробылъ недолго.

— Въ земледѣліи сидятъ петлюровцы, здѣсь — австрійцы; пойдемъ туда, гдѣ правятъ нѣмцы.

Нѣмцы тоже отказали.

— Ни сѣмянъ, ни лошадей. Я такъ и зналъ. Да, они и правы. Если бы отсюда можно было вывозить, такъ въ Кіевѣ одни только никудышныя бумажки остались бы. Но, главное, что я нигдѣ по-русски не говорилъ: петлюровцы по-украински брешутъ, да только не на здѣшнемъ, а австрійскаго ввоза, придуманный какой-то языкъ, его здѣшній мужикъ совсѣмъ не понимаетъ. А австрійцы и нѣмцы ужъ, конечно, по-русски ни въ зубъ ногой. Не столько забавно, сколько печально.

Для очистки совѣсти, мы сходили еще въ два учрежденія. Получивъ и тамъ отказъ, агрономъ успокоился.

— Feci quod potui, — заявилъ онъ, — займусь теперь спекуляціей. И вамъ тоже совѣтую. Все дорожаетъ и исчезаетъ. Покупайте, пока есть деньги.

Мы побродили по кіевскимъ садамъ, посмотрѣли съ горъ на Днѣпръ, на Трухановъ островъ, искупались въ Днѣпрѣ и пообѣдали въ кондитерской на Бибиковскомъ бульварѣ.

Затѣмъ вдвоемъ зашагали по Крещатику. Агрономъ останавливался передъ витринами лавокъ и комиссіонныхъ магазиновъ, разсматривалъ вещи, соображая, что купить. Но выходило, что все стоитъ купить. Вопросъ былъ лишь въ томъ, пропустятъ-ли вещи на пароходъ. Но агрономъ надѣялся на свои грамоты и на русскій авось. И черезъ короткое время мы были обладателями нѣсколькихъ шубъ, пальто, костюмовъ и прочихъ подобныхъ вещей.

Переводя цѣны на хлѣбъ, все продавали за безцѣнокъ. Такъ, напримѣръ, длинный, широкій, палантинъ изъ прелестнаго котика на прекрасной шелковой подкладкѣ стоилъ 1000 рублей или, иначе говоря, 25 фунтовъ хлѣба.

Прожили мы въ этой гостиницѣ еще нѣсколько дней. Каждую ночь къ намъ приходили сыщики изъ Чеки, изъ сыскныхъ отдѣленій, изъ летучаго отряда по борьбѣ со шпіонажемъ. Все это стучалось въ дверь, шумѣло и требовало документовъ.

Агрономъ былъ тертый калачъ въ обращеніи съ этими товарищами. Онъ никого не впускалъ въ номеръ, пока не приходилъ кто-нибудь изъ служащихъ въ гостиницѣ. И сперва онъ требовалъ, чтобы агенты сыска показывали ему свое предписаніе. Получивъ предписаніе, агрономъ читалъ его вслухъ: — агенту такому - то поручается произвести и т. д....

— Теперь такъ много прохвостовъ развелось, — оправдывался агрономъ, — прикрываются тѣмъ, что они какъ будто бы изъ Чрезвычайки, а на самомъ дѣлѣ — сволочь какая-то. Спросишь документъ, — а документа нѣтъ. Я жъ человѣкъ казенный, съ важными порученіями, и деньги у меня могутъ быть большія.

Агенты слушали эти наивности и хлопали ушами.

Но изъ гостиницы насъ все-таки выставили.

Попался одинъ очень обидчивый комиссаръ. Слово — шантрапа, принятое имъ на собственный счетъ, вывело его изъ себя, и, въ свою очередь, онъ перешелъ противъ насъ въ наступленіе. Чего только не было въ его рѣчи: контръ-революція, саботажъ, бѣлогвардейщина и т. д. Отъ волненія комиссаръ даже потерялъ букву ы... И тутъ же попросилъ насъ на слѣдующее утро очистить номеръ, подъ тѣмъ предлогомъ, что эта комната нужна для какой-то комиссіи.

Намъ ничего не осталось, какъ обратиться въ жилищный отдѣлъ. Находился онъ на Фундуклеевской, недалеко отъ Крещатика. Завѣдывалъ имъ коммунистъ, изъ мирныхъ. Когда мы пришли, въ комнатѣ никого посторонняго не было. Завѣдующій сидѣлъ передъ раскрытой конторской книгой и на большомъ бѣломъ листѣ хлопалъ казенной печатью, выводя такимъ образомъ колонны и разныя завитушки.

— Вамъ что, товарищи?

— Да, мы пріѣхали. Комнату намъ нужно.

— Удостовѣренія имѣете?

Мы показали.

Онъ оторвалъ отъ книги талончикъ, что-то написалъ на немъ, подписался, стукнулъ внизу печатью и подалъ.

— Вотъ, ступайте въ гостиницу рядомъ. Одна комната на двѣ недѣли для двоихъ.

Мы переѣхали. Номеръ былъ не особенно большой и не особенно чистый. Агрономъ устроился на кровати безъ тюфяка, съ одной пружинной сѣткой, а я предпочелъ занять возвышенное плато изъ двухъ столовъ.

Тутъ насъ обысками и провѣрками не тревожили, можетъ быть, оттого, что въ гостиницѣ жило много именитыхъ лицъ. Рядомъ черезъ стѣнку, помѣщались командиръ пѣхотной бригады и начальникъ тяжелаго

дивизіона. Жили они дружно и, по вечерамъ, командиръ бригады подыгрывалъ на гармошкѣ, а начальникъ дивизіона пѣлъ:

Ночкой темной
Да я боюся,
Проводи меня,
Маруся...

И оба вмѣстѣ:

Провожала — жалко стало,
Проводила — позабыла....

Послѣ этого звенѣли рюмки, и слышался громкій жевъ и чавъ. Къ военнымъ часто заходилъ высокій, сухой человѣкъ, съ какими-то паршами на лицѣ, всегда густо напудренный; къ гостиницѣ «паршивый» всегда подкатывалъ на лихачѣ. Мнѣ нѣсколько разъ пришлось встрѣтиться съ этимъ субъектомъ на лѣстницѣ. Его глаза, узкіе, сѣрые, горѣли страннымъ огнемъ — затаеннымъ, нездоровымъ, тлѣвшимъ гдѣ-то глубоко въ душевномъ подсознаніи. Отвратительныя, красноватыя болячки, присохшіе отъ пудры струпья вызывали тошноту. Казалось, что, ни на что особенно не глядя, онъ видѣлъ все передъ собой. Однажды, спускаясь ему навстрѣчу, я полѣзъ въ карманъ за платкомъ. Невообразимо быстрымъ движеніемъ онъ схватился за револьверъ; увидѣвъ платокъ, онъ такъ же быстро опустилъ руку.

— Одинъ изъ главныхъ въ Чекѣ, — шопотомъ объяснилъ швейцаръ, — изъ тѣхъ, что обвиняемыхъ допрашиваетъ. Въ народѣ кажутъ — жестоко допрашиваетъ: кипяткомъ шпаритъ, пальцы выкручиваетъ, кожу сдираетъ. Каждый вечеръ уходитъ на работу, въ домѣ

Бродскаго. Которые вокругъ живутъ — что ночь, крики слышатъ.

И этотъ трусливый чекистъ, съ глазами садиста, любилъ самыя сентиментальныя вирши. Тренькая на балалайкѣ, онъ съ чувствомъ выводилъ:

И никто изъ друзей моихъ вѣрныхъ
Не заплачетъ надъ гробомъ моимъ....
Только ты, моя дорогая,
Ты заплачешь надъ гробомъ моимъ....

Кромѣ этихъ лицъ, въ гостиницѣ жили матросы и другая большевистская знать.

Вскорѣ послѣ переѣзда ко мнѣ зашелъ Картъ.

— Говорилъ я съ сестрой относительно васъ, а она — съ профессоромъ. Дѣло такое, что перевязокъ и лекарствъ не хватаетъ для красной арміи, такъ что для частныхъ лицъ совсѣмъ ничего не остается. Потомъ, все время идетъ эвакуація — никто изъ врачей не увѣренъ въ своемъ мѣстѣ. Васъ могутъ прооперировать, а потомъ бросить на произволъ судьбы.

Я не зналъ, что дѣлать.

Вмѣшался агрономъ.

— Подождите-ка лучше, пока обстоятельства не перемѣнятся. Дѣла большевиковъ идутъ неважно. Подъ нашимъ балкономъ проходитъ военный телефонъ; какъ мы переѣхали, проводовъ было множество, а теперь, что ни день, сматываютъ двѣ-три линіи.

Это была правда: съ каждымъ днемъ сѣть проволокъ на нашемъ домѣ становилась рѣже.

Я рѣшилъ заняться болтами и машинкой.

— Какое учрежденіе вамъ нужно, никто не скажетъ, потому что никто не знаетъ, — разсуждалъ агрономъ, идя со мной по Крещатику, — ни Марксъ, ни Энгельсъ, ни самъ Ленинъ. Развѣ только спекулянты. Но они своихъ секретовъ никому не открываютъ. Я же думаю, что

лучше всего начать съ тѣхъ канцелярій, гдѣ частица «жел», т. е. желѣзо встрѣчается.

И мы вошли въ подъѣздъ большого, роскошнаго дома, съ матерчатымъ плакатомъ подъ нижнимъ балкономъ: Завкомжелтрестъ. Мы поднялись на третій этажъ и вошли въ дверь, на которой было написано: — просятъ говорить ясно, коротко и точно.

— Вотъ сюда значитъ, — сказалъ агрономъ.

Большая комната, гдѣ мы очутились, была перегорожена барьеромъ на двѣ половины. Въ ближней — стайкой, какъ пескари въ рѣчкѣ, толкались просители; во второй, — на подобіе налимовъ подъ корягами, сидѣли сонные, млѣвшіе отъ жары служащіе. Похожая на щуку, высокая, сухая женщина въ черномъ халатѣ поверхъ платья и въ пенснэ на носу ходила у барьера, рылась въ папкахъ и допрашивала посѣтителей. Увидѣвъ насъ, она раскрыла щучій ротъ и строго спросила:

— По какому дѣлу?

— Да я за болтами, — и смиренно протянулъ ей бумагу.

Она прочла бумагу, положила ее на столъ и опять занялась своими папками. Мы отошли въ сторону. Минутъ черезъ десять откуда-то изнутри вышелъ мужчина среднихъ лѣтъ въ сѣромъ англійскомъ костюмѣ и дорогихъ желтыхъ ботинкахъ.

— Много народу сегодня? — спросилъ онъ у женщины въ халатѣ.

— Человѣкъ двадцать.

Мужчина въ ботинкахъ прошелъ по комнатѣ, посмотрѣлъ въ окно и снова вышелъ.

— Бывшій сахарозаводчикъ, инженеръ, — шепнулъ мнѣ агрономъ.

Наступило молчаніе; шелестѣла бумага; просители маялись и съ ненавистью глядѣли на женщину-щуку.

— Товарищъ, — не вытерпѣлъ проситель ремесленнаго вида, — какъ бы мнѣ на счетъ желѣза для кузни. Третій день хожу....

Женщина метнула подоломъ, какъ плавниками, и подплыла ближе къ барьеру.

— А гдѣ ваше прошеніе?

— Да я его уже отдалъ вамъ, и словесно, кромѣ того, докладалъ. Забыли, можетъ....

— А вы бы напомнили. Только что завѣдующій былъ здѣсь...

— Онъ не сюда обращается, товарищъ Кнопка, — проснулся одинъ изъ налимовъ, — раздача желѣза городскимъ рабочимъ производится этажомъ выше.

— Вы слышите? — спросила Кнопка.

— Да, я ужъ былъ тамъ; оттуда меня сюда послали.

— Мы ничего не можемъ; у насъ отпускъ только иногороднимъ. Спуститесь этажомъ ниже.

— И тамъ я былъ; у насъ, говорятъ, такого желѣза нѣтъ. А дѣло спѣшное — надо лошадей ковать.

— А если вамъ лошадей надо ковать, ступайте въ главетупръ.

— Куда это еще?

— Въ Главное ветеринарное управленіе. Пусть вамъ оттуда дадутъ бумажку, завѣрьте ее въ Комкомѣ; а по удостовѣреніямъ райкомовъ мы отпускать не можемъ.

— Да, вѣдь сколько жé я времи-то потеряю. А мнѣ работать надо, ѣсть надо.

— Что жъ я подѣлаю? Мы тоже работаемъ.

— Оно и видно, — шепнулъ кто-то изъ просителей.

Острымъ, ненавидящимъ взглядомъ кузнецъ окинулъ сидѣвшихъ по другую сторону барьера, скользнулъ глазами по дорогимъ обоямъ, по паркету и нахлобучилъ шапку.

— Съ голоду прямо сдыхай....

И онъ ушелъ, сильно хлопнувъ дверью. Начался, наконецъ, опросъ просителей; однихъ посылали этажомъ выше, другихъ — этажомъ ниже, третьихъ — въ Совнархозъ, четвертыхъ — въ Исполкомъ; словомъ, со всѣми было не слава Богу.

Я сидѣлъ и трусилъ. Что будетъ, если мнѣ возьмутъ, да дадутъ ящикъ, или, что еще хуже, вагонъ, или, что совсѣмъ ужъ скверно, нѣсколько вагоновъ болтовъ. Что я сталъ бы дѣлать съ ними? Уѣзжать? Но уѣзжать изъ Кіева мнѣ совсѣмъ не хотѣлось.

Когда очередь дошла до меня, вошелъ бывшій сахарозаводчикъ.

— Вамъ что?

— Да мнѣ болтовъ для желѣзной дороги.

Инженеръ взялъ мою бумагу и пробѣжалъ ее.

— Нѣтъ у насъ ничего подобнаго. Обратитесь въ Совнархозъ или Исполкомъ.

Отъ радости у меня захватило дыханіе.

— Да, я уже былъ тамъ,—съ вдохновеніемъ вралъ я, — меня сюда послали. Дѣло важное — надо подправить путь, а у насъ матеріалу нѣтъ; поѣзда могутъ стать. Время жъ военное, могутъ большія осложненія выйти.

Сахарозаводчикъ взглянулъ на меня и сказалъ:

— Хорошо, доложу товарищу Торфу.

Когда онъ ушелъ, я опомнился. Переборщилъ, кажется.

Минутъ черезъ пять мой собесѣдникъ вернулся и поманилъ меня пальцемъ. Я пошелъ слѣдомъ за нимъ. Мы остановились у двери съ надписью: членъ коллегіи. Сахарозаводчикъ постучалъ.

— Да, — отвѣтили изнутри.

Мы вошли. За небольшимъ письменнымъ столомъ

сидѣлъ мужчина въ лакированныхъ сапогахъ и красной рубашкѣ-косовороткѣ. Черные завитые волосы густой гривой падали на плечи.

— Вотъ, товарищъ Торфъ, человѣкъ прiѣхалъ изъ Могилева за болтами. Дѣло важное и спѣшное.

— Что вамъ надо? — спросилъ Торфъ.

Я объяснилъ.

— Какъ вы думаете? — обратился онъ къ сахарозаводчику.

— Да, я не знаю. Есть у насъ что-то на складѣ. Можно посмотрѣть.

У меня сердце упало.

— Вы объясните товарищу инженеру, что вамъ надо, — сказалъ Торфъ, — если есть — дадутъ.

Я рѣшилъ спросить то, чего у нихъ не могло быть.

— Намъ нужны двустороннiе болты съ силикатовыми подоплечиками, — говорилъ мой языкъ. А въ головѣ, совершенно свободной отъ всякихъ болтовъ, вертѣлась пѣсня:

Безъ меня меня женили,
Я на мельницѣ былъ.
Возвращаюся домой,
Поздравляютъ мя съ чекой....

Торфъ вопросительно посмотрѣлъ на инженера, тотъ уставился на меня; я — на инженера. Мы молчали. А въ головѣ скрипѣло, какъ ржавый флюгеръ:

Безъ меня меня женили
Я на мельницѣ былъ.

Выпученные инженерскiе глаза пришли въ норму. Онъ вздохнулъ и сказалъ:

— Двустороннихъ болтовъ съ силикатовыми подоплечиками у насъ совершенно нѣтъ.

— Жалко, — слицемѣрилъ я.

Краснымъ карандашомъ на моей бумагѣ Торфъ написалъ: отказать за неимѣніемъ.

Мы вышли съ агрономомъ на улицу. Я чувствовалъ себя такъ, какъ будто-бы провезъ огромную тяжесть.

— Надо для семьи какао купить, — сказалъ мой спутникъ, проходя мимо громадной витрины гастрономическаго магазина, — тутъ у меня кстати и знакомыя есть.

Мы вошли въ большой, богато отдѣланный магазинъ. Но товаровъ въ немъ было не густо. Изъ-за прилавка намъ навстрѣчу поднялась красивая продавщица.

— Елизавета Николаевна, какъ живете? — спросилъ ее агрономъ, — все еще торгуете?

— Къ концу, Иванъ Яковлевичъ, идетъ все. Какъ вы въ Кіевѣ опять?

— По дѣламъ пріѣхалъ, въ командировку съ коллегой. Прошу любить и жаловать.

— Чѣмъ можно служить вамъ?

— Для дѣтей какао хотѣлъ бы взять.

— Какао-то у насъ еще есть. Какъ вамъ: по карточкѣ или безъ карточки?

— А что это значитъ, по карточкѣ?

Продавщица объяснила, что часть товара взята у нихъ на учетъ; фирма можетъ продавать его только по опредѣленной цѣнѣ по карточкамъ изъ Комкома (Коммунальный Комитетъ). Часть же, не взятую на учетъ, можно было продавать по вольной цѣнѣ и безъ карточекъ.

— Мнѣ ужъ безъ карточекъ дайте, пожалуйста, — попросилъ мой спутникъ. — Не взять-ли еще бутылку вина, — думалъ онъ вслухъ, глядя на бутылку сотерна, пока продавщица отвѣшивала какао, — люблю виноградный сокъ, особенно, если онъ хорошій.

— Вино все на учетѣ, публикѣ отпускаемъ только удѣльное и то по докторскимъ свидѣтельствамъ, для больныхъ.

— Кто-жъ пьетъ - то другія вина?

— Народные комиссары. Раковскому каждый день берутъ пять-шесть бутылокъ шампанскаго и дорогихъ винъ, не считая икры, балыка и другихъ деликатесовъ. Другіе комиссары предпочитаютъ коньякъ, водки, ромъ. Наверху пьянство поголовное идетъ. А особенно чекисты; фирму заставили для нихъ чистый спиртъ держать.

— Чека больше насчетъ кокаина, — замѣтилъ мой спутникъ.

— Все тамъ — и спиртъ, и вино, и кокаинъ, — отвѣтила продавщица.

— Воображаю, что они творятъ подъ такими парами.

Продавщица махнула рукой.

— Только на однихъ Липкахъ семь чрезвычаекъ. Всѣ биткомъ набиты... Пытаютъ, убиваютъ и нисколько не стѣсняются. Въ анатомическомъ театрѣ полѣнницы изъ труповъ сложены...

— Ну, будьте здоровы, — попрощался агрономъ, — всякаго благополучія.

На улицѣ мы оба остановились передъ зеркальной витриной. Тамъ, за толстымъ стекломъ былъ выставленъ портретъ Троцкаго въ натуральную величину. Волосы и глаза художникъ сдѣлалъ ему красными. Были и другіе: Ленинъ, Раковскій, Затонскій, но доминировалъ Троцкій. Ленинъ, съ монгольскимъ лицомъ казался слѣпымъ. Раковскій съ бритой, пухлой физіономіей, выглядѣлъ шуллеромъ.

— Хорошая семейка, — сказалъ послѣ минуты мол-

чанія агрономъ, — Ленинъ видитъ и не видитъ, и нижняя губа у него вотъ-вотъ отвиснетъ, какъ у настоящаго ramoli; съ Раковскимъ, конечно, играть въ карты не слѣдуетъ; но отвратительнѣе всѣхъ вотъ этотъ, — и онъ глазами указалъ на Троцкаго, — а, какъ бы то ни было, они правятъ Россіей...

Я глядѣлъ на острую, хищную, жестокую и трусливую морду Троцкаго и думалъ, что скажетъ о всѣхъ нихъ исторія черезъ двѣсти-триста лѣтъ.

ГЛАВА XI.

КІЕВСКІЯ ПРЕЛЕСТИ.

Мы пообѣдали въ небольшой кондитерской и прошли въ Купеческій садъ.

До насъ ясно долетала артиллерійская стрѣльба.

— Съ двухъ сторонъ — съ одной Деникинъ напираетъ, съ другой Петлюра, — прислушался агрономъ, — придется, видно, большевикамъ Кіевъ бросить. Недаромъ они суетятся.

На Днѣпрѣ стояло много пароходовъ, старыхъ, ободранныхъ, но кое-какъ еще двигавшихся. По Александровскому спуску къ пристанямъ тарахтѣли ломовики, перевозя ящики, станки, какія-то кипы, наконечники для шрапнелей.

— Надо и мнѣ алямезониться, не могу семьи покинуть, — сказалъ агрономъ, — пойдемъ завтра за вашей машинкой; ее вамъ, конечно, не отдадутъ. Потомъ сходимъ въ Цикъ, за сѣменами; ихъ мнѣ тоже, какъ своихъ ушей, не видать, значитъ, и валандаться тутъ нечего.

Мы посидѣли, потомъ искупались въ Днѣпрѣ и отправились къ себѣ.

На слѣдующее утро я направился въ Исполкомъ, въ отдѣлъ по возврату задержанныхъ вещей. Помѣщался Исполкомъ въ Grand Hôtel'ѣ. Нѣсколько красноармейцевъ съ винтовками дежурили у входа, другіе лѣниво слонялись по громаднымъ корридорамъ гостиницы. Я долго путешествовалъ съ этажа на этажъ, изъ одной комнаты въ другую. Наконецъ, все-таки, удалось найти то, что мнѣ было нужно.

Отдѣленіе занимало двѣ большихъ комнаты. За столами сидѣло штукъ десять дѣвицъ разной масти. Однѣ щелкали на машинкѣ, другія разбирались въ ворохахъ бумагъ, а большинство ничего не дѣлало. Въ открытыя окна иногда влеталъ полновѣсный гулъ далекой мортиры; въ тонъ ему тихо отзывались оконныя стекла. Въ первой комнатѣ, посрединѣ стоялъ большой деревянный ящикъ. Около него возился молодой рыжій человѣкъ съ веснушками на лицѣ и на пальцахъ — онъ укладывалъ дѣла. Другой, чуть постарше, съ револьверомъ на поясѣ, очень похожій на приказчика изъ магазина готоваго платья, распоряжался упаковкой. Это былъ, очевидно, шефъ. На отворотѣ его пиджака блестѣла пентаграмма съ краснымъ ободкомъ.

Когда я вошелъ, всѣ головы повернулись ко мнѣ.

— Вамъ что, товарищъ? — спросилъ рыжій.

Я далъ ему бумагу. Онъ просмотрѣлъ ее и передалъ шефу.

— Какую машинку ищетъ этотъ типъ? — спросилъ шефъ у подчиненнаго, не обращаясь ко мнѣ.

Всѣ дѣвицы насторожились. По высокомѣрному выраженію шефскаго лица было видно, что меня хотятъ унизить, и сдѣлать это такъ, чтобы это видѣли и дру-

гіе. Въ этотъ моментъ дунулъ вѣтерокъ. Близко, ясно, четко рванула мортира. Задрожали стекла, гдѣ-то шелохнулась бумага. Донесся шопотъ: Струкъ... Лицо шефа посѣрѣло; онъ вздрогнулъ, потомъ замеръ; невольнымъ движеніемъ рука закрыла пентаграмму. Всѣ это замѣтили. Шефъ поймалъ мой взглядъ. Въ его глазахъ блеснули страхъ и ненависть.

Ничего больше не спрашивая, онъ торопливо написалъ что-то на бумагѣ и передалъ ее рыжему. Рыжій — мнѣ. Я прочиталъ: возврату не подлежитъ...

— Ну, какъ ваши дѣла? — спросилъ поджидавшій меня на улицѣ агрономъ. Я ему разсказалъ.

— Ну, а теперь идемъ въ Цикъ. Боюсь, не уѣхалъ-ли онъ уже?

Поднимаясь вверхъ, къ дворцу, агрономъ философствовалъ:

— Люблю эту часть города. Нигдѣ не видалъ столько особняковъ вмѣстѣ, какъ здѣсь. Посмотрите на эту роскошь: какой мраморъ, какіе подъѣзды — и прямо на улицу. Строили люди, увѣренные въ будущемъ. Они не прятались за толстѣйшими рѣшетками и крѣпчайшими стѣнами. Эта увѣренность была ихъ слабостью. Новая власть не увѣрена въ себѣ, она этимъ сильна. Не такъ-ли?

У одного особняка мы увидѣли красноармейца, который сидѣлъ на креслѣ, обитомъ блѣдной, палевой матеріей. Красноармеецъ дергалъ ремешокъ винтовки и напѣвалъ:

Вздумалъ Терешка жениться,
Тетка Матрена бранится....

— Людовикъ XV, — сказалъ агрономъ, посмотрѣвъ на кресло; и пройдя, добавилъ въ полъ-голоса: — это домъ Бродскаго, теперь здѣсь чрезвычайка.

По троттуару, вдоль бывшаго генералъ-губернаторскаго дворца, ходили вооруженные чекисты. Сверху, надъ входомъ, была вывѣска: Всеукраинская Чрезвычайная комиссія. Стрѣльба здѣсь была слышна особенно отчетливо; и, сойдясь, чекисты тихо говорили между собой.

Мы миновали еще нѣсколько улицъ и очутились на площади; за каменной стѣной, въ глубинѣ большого двора показалось длинное зданіе.

— Дворецъ Маріи Өеодоровны, — сказалъ агрономъ, — теперь тутъ помѣщается Цикъ.

Мы пришли къ главному подъѣзду. Насъ остановили. Мой спутникъ показалъ свои грамоты; ихъ посмотрѣли, а потомъ махнули рукой: — проходите.

Мы вошли въ вестибюль. Направо и налѣво шли корридоры; прямо — поднималась лѣстница. Недалеко отъ входа на одной изъ дверей было написано: Справки и разъясненія. Мы постучались, отвѣта не было. Я дернулъ ручку; дверь раскрылась.

За небольшимъ письменнымъ столомъ другъ противъ друга стояли двѣ женщины — служащая и просительница. На нашъ приходъ онѣ не обратили вниманія.

— Вы поздно пришли, madame, — говорила служащая — пожилая женщина, въ бѣлыхъ туфляхъ на босую ногу, — мы вчера отъ чрезвычайной комиссіи получили бумагу, что вашъ сынъ, гимназистъ IV класса, Власій Прокопюкъ, разстрѣлянъ.

— За что, за что?

— За то, что онъ на базарѣ назвалъ Раковскаго жидомъ.

Въ Цикѣ агрономъ получилъ отказъ.

Мы вышли и пошли къ Цѣпному мосту. Увидѣвъ камень надъ обрывомъ, мой спутникъ сѣлъ.

— Посидимъ, я чего-то усталъ. Фатальный день сегодня.

Онъ снялъ шляпу, наклонился и сорвалъ травинку. Я сѣлъ около. Внизу виднѣлась полоса Днѣпра. За нимъ, до самаго горизонта стлалась равнина Черниговщины. Агрономъ казался разстроеннымъ. Мнѣ тоже было не по себѣ. Мы долго молчали. И на душѣ было темно и смутно. А агрономъ вдругъ заговорилъ:

— Этотъ край преисполненъ не только исторіи, но и поэзіи. Поэзія проникаетъ здѣсь всю жизнь. Какія тутъ даютъ имена, вы только послушайте: Крещатикъ, Дарница, Пуща Водица, Вышгородъ, Боярка... А тамъ дальше — Божедаровка, Гуляй-Поле... Въ этихъ названіяхъ и жизнь, и любовь... А самъ Кіевъ? Вѣдь это вѣщій Олегъ, святая Ольга, крещеніе Руси, Владиміръ съ дружиной, Ярославъ Мудрый. Кіевъ — это не какой-нибудь, родства не помнящій, или дорвавшійся до власти выскочка, убивающій ребенка за одно слово. Кіевъ — это старый Рюриковичъ, это — Лавра, это народная святыня...

И долго еще говорилъ агрономъ.

И отъ его словъ въ душѣ что-то дрогнуло. Дрогнуло и зазвенѣло. Тихо, какъ чуть задѣтый хрусталь. Печаль, тоска, или высшая радость — нельзя было понять. Но свѣтлое и чистое, какъ роса на зарѣ. И встревоженныя чувства взметнулись и обняли пространства — видимыя и невидимыя, со всѣмъ, что есть живого въ нихъ, со всѣми радостями и скорбями его.

И изъ далекаго прошлаго донеслись слова глубокой тоски за родную землю:

... Ничить трава жалощами, а древо съ тугою до земли преклонилось. Уже бо, братіе, невеселая година въстала, уже пустыня силу прикрыла...

На слѣдующее утро я пошелъ къ Огню; жилъ онъ въ концѣ Фундуклеевской. Въ ближайшемъ кіоскѣ я купилъ номеръ «Кіевскихъ Извѣстій». Во время развертыванія, изнутри выпалъ небольшой листокъ. Я поднялъ и пошелъ, читая на ходу. Въ листкѣ сообщалось, что за истекшую недѣлю Кіевской Чрезвычайкой было приведено въ исполненіе 128 смертныхъ приговоровъ надъ врагами совѣтской власти. Ниже приводился списокъ этихъ враговъ.

128 казней!

Не забыть этого числа.

У Огней всѣ были дома. Я очень любилъ эту семью и часто бывалъ у нихъ раньше. Въ Холмщинѣ они имѣли клочекъ земли, который обрабатывали отецъ, мать и старшая сестра съ мужемъ.

Крестьянствовали они, какъ говорилъ глава семьи, еще отъ Микулы Селяниновича, и никогда не порывали связи съ землей. Домъ ихъ былъ всегда полная чаша. Отецъ, не покладая рукъ, работалъ на своихъ десяти десятинахъ и довелъ ихъ до того, что къ нему пріѣзжали посмотрѣть и поучиться. И онъ, простой крестьянинъ, принималъ у себя всѣхъ привѣтливо и съ достоинствомъ: и губернатора, пріѣзжавшаго взглянуть на его садъ, и солтыса*), приходившаго за податями.

Огни встрѣтили меня тепло. Пошли разговоры, воспоминанія. Оказалось, что все ихъ хозяйство было раззорено. Около нихъ шли бои; снаряды разрушили всѣ постройки, перебили скотъ, уничтожили садъ, а самимъ владѣльцамъ пришлось бѣжать, бросивъ хлѣбъ на корню.

— Пасѣку жалко, — говорилъ мой пріятель, — сорокъ ульевъ было...

---

*) Сельскій староста въ Польшѣ.

Вспомнили мы рѣчку, утокъ, коровъ, всѣхъ собакъ и призадумались.

— Ну намъ-то еще ничего, мы еще молоды, сильны, а какъ старикамъ было уѣзжать съ насиженнаго мѣста, — сказала старшая сестра, Елена Романовна.

— Отецъ такъ и не вынесъ — поболѣлъ немного въ Кіевѣ и черезъ два мѣсяца послѣ пріѣзда сюда умеръ, — добавила младшая.

Но семья не унывала и работала, насколько было возможно. Мать-старуха занималась хозяйствомъ, старшая дочь служила въ кооперативѣ, младшая — ждала мѣста учительницы, а сынъ, какъ уже было сказано, изводилъ бумагу въ Комиссаріатѣ Земледѣлія. Но денегъ не хватало; приходилось понемногу продавать одѣяла, платье, шали.

Потомъ я разсказалъ о себѣ, о своей рукѣ, о необходимости операціи и невозможности сдѣлать ее въ такомъ сумбурѣ.

— Гдѣ вы остановились? — спросила мать.

Я сказалъ.

— Переѣзжайте-ка лучше къ намъ. У насъ есть лишняя комната. Въ тягость не будете. Будемъ жить вмѣстѣ. Большевики Кіевъ очищаютъ. Захватятъ васъ въ гостинницѣ — почему не уѣхалъ? И арестуютъ. И разстрѣлять еще могутъ. А у насъ все-таки спокойнѣе. Будемъ вечерами Холмщину вспоминать и на хорошее будущее надѣяться...

Мы разговаривали у открытаго окна на улицу. Погода стояла жаркая; было душно. Неожиданно, по верхушкамъ тополей пронесся вѣтерокъ; но вмѣсто прохлады онъ принесъ удушливый отвратительный запахъ со страннымъ сладковатымъ привкусомъ. Меня затошнило. Бросились закрывать окна.

— Вотъ положеніе, — говорилъ Огонь, — закроешь — духота, откроешь — смрадъ.

— Что это?

— Да, это изъ анатомическаго театра несетъ. Туда большевики казненныхъ отвозятъ. Нѣсколько сотъ труповъ тамъ гніетъ уже съ самой весны...

Я вспомнилъ ЦИК и разсказалъ о разговорѣ двухъ женщинъ.

— Какъ,— вскричала старшая сестра,— Прокопюкъ убитъ?.. Не можетъ быть, не можетъ быть, — повторяла она въ сильномъ волненіи. — вѣдь я его знала, какъ сейчасъ вижу... Когда я носила вещи на базаръ, то всегда садилась на тумбочку, у тротуара; положишь вещи на мостовую, глядишь, да покупателей ждешь. А другую тумбочку, рядомъ, одинъ гимназистикъ облюбовалъ, домашній скарбъ распродавалъ. Онъ — купецъ, я — купчиха, ну и разговоришься о дѣлахъ, подружились мы. Онъ мнѣ и разсказалъ, какъ зовутъ его, гдѣ живетъ, что отца у него уже давно нѣтъ, а только мать и больная сестра. Маленькій, черненькій и заботливый, видно, былъ такой. Бабы на базарѣ любили его и охотно покупали у него. Потомъ долго я какъ-то не была на базарѣ, прихожу однажды, а гимназистика нѣтъ, сосѣди-то и говорятъ: стала гнать его милиція съ тумбы, онъ упирался, не хотѣлъ итти, а милиціонеръ-то и скажи ему: это-де по приказу Раковскаго, а тотъ какъ крикнетъ это слово!...

Я посидѣлъ еще немного и пошелъ къ себѣ, условившись привезти вещи на другой день.

По дорогѣ, у воротъ Анатомическаго театра, я встрѣтилъ ломовую телѣгу. Кучеръ-красноармеецъ пошелъ звонить къ воротамъ и оставилъ повозку безъ присмотра. Когда я проходилъ мимо, лежавшая свер-

ху рогожа чуть шевельнулась. Почудился вздохъ, не то стонъ. Я вздрогнулъ и остановился. Храбрѣе меня оказалась проходившая мимо баба. Замѣтивъ шевеленіе и услышавъ стонъ, она откинула рогожу. Подъ ней лежали два голыхъ, длинныхъ и тощихъ тѣла. Вмѣсто лицъ виднѣлись куски мяса, хрящи, кости, запекшаяся кровь и слипшіеся волосы. Одно изъ тѣлъ еще слабо двигалось и издавало подобіе стона.

— Ахъ вы разбойники, — заголосила баба, — ахъ вы треклятые... Кровь христіанскую пьете...

— Молчи, тетка, — хмуро пробурчалъ красноармеецъ.

— Голубчики вы мои, — продолжала баба, — сгубили васъ анафемы, изувѣчили и, какъ псовъ, теперь бросаютъ... Живыми хоронить вздумали...

Понемногу собралась толпа. Осторожная, молчаливая. Смотрѣли на красноармейца, на тѣла, на причитавшую бабу. Женщины были храбрѣе мужчинъ. Онѣ ругали убійцъ, стыдили красноармейца.

— Развѣ-жъ я это убилъ? Сказано — отвезти — и отвезъ. Только всего...

— Откуда это? — спросилъ одинъ изъ мужчинъ.

— Изъ дому Бродскаго...

Въ этотъ моментъ ворота открылись; красноармеецъ взялъ лошадь подъ уздцы и повелъ ее во дворъ.

— Кровопійцы, — крикнула ему вслѣдъ баба.

Тихо я пошелъ дальше. Меня преслѣдовалъ трупный запахъ и два голыхъ тѣла съ разбитыми головами.

Нѣкогда я былъ увѣренъ, что соціализмъ есть выраженіе глубокаго милосердія къ обездоленному человѣчеству. А теперь представители этого соціализма убивали по 128 человѣкъ за недѣлю. Совсѣмъ не такъ давно соціалисты приходили въ ужасъ, если казнили

человѣка, взявшаго чужую жизнь. Гдѣ-же было ихъ настоящее лицо? Я шелъ, думалъ и чувствовалъ себя жестоко обманутымъ и обокраденнымъ.

Придя въ гостиницу, я засталъ агронома за упаковкой чемодановъ.

— Завтра ѣду, — заявилъ онъ, — безъ васъ я былъ на пристани; тамъ нашелъ одного знакомаго. Онъ забираетъ меня и мои вещи.

— А я переѣзжаю отсюда, нашелъ комнату у знакомыхъ.

— Отлично. Не медлите. Видѣли сегодняшній списокъ? Петлюра и добровольцы совсѣмъ близко. Большевики въ страхѣ, и въ страхѣ они могутъ натворить, чортъ знаетъ чего. Завтра утромъ прiѣдетъ ломовикъ за моими вещами. Мы все погрузимъ на него, расплатимся за номеръ, завеземъ ваши вещи къ вашимъ знакомымъ, а оттуда я поѣду на пристань.

Агрономъ былъ правъ: на другое утро газета сообщила, что за истекшую ночь разстрѣляно 38 человѣкъ.

Часовъ въ десять прiѣхалъ ломовикъ; рядомъ съ кучеромъ сидѣлъ низенькiй коренастый человѣкъ съ маленькими зоркими глазами. Это и былъ прiятель агронома, капитанъ парохода.

— Ну, Леонардъ, давай твои вещи, стащимъ ихъ внизъ, уложимъ и отправимся поскорѣе. Если по дорогѣ или на пристани станутъ что-нибудь спрашивать — я скажу, что вещи мои, эвакуируюсь изъ Кiева, не забудь.

Капитанъ охотно согласился завезти мой чемоданъ — крюкъ былъ небольшой. Мы разсчитались за комнату, уложились и отправились. Оставивъ вещи у Огней, я поѣхалъ провожать агронома. По Александровскому

спуску двигались обозы, ломовики, телѣги. На самомъ берегу была каша. Большой пароходъ, стоявшій у пристани, былъ перегруженъ. Два матроса дожидали капитана у входа.

— Вотъ, ребята, мои вещи, тащите ихъ въ каюту.

Четыре мускулистыхъ руки схватили агрономовскіе тюки и чемоданы, взвалили ихъ на спины и потащили на пароходъ. У самаго входа матросовъ остановилъ комиссаръ.

— Это мои вещи, — заявилъ капитанъ, — я командиръ этого парохода.

Вещи прошли безъ осмотра.

— Слава Богу, — вздохнулъ потихоньку агрономъ.

Капитанъ попрощался со мной. Затѣмъ агрономъ протянулъ руку.

— Ну, будьте здоровы и благополучны. Дай вамъ Боже всякаго успѣха и счастья.

Мы обнялись и расцѣловались.

Потомъ агрономъ пошелъ къ сходнямъ. На минуту его задержали. Онъ показалъ свои бумаги; его пропустили. Войдя на пароходъ агрономъ обернулся и кивнулъ мнѣ головой. Потомъ онъ исчезъ въ толпѣ. Больше я его не видалъ.

Постоявъ еще нѣсколько минутъ на пристани, я вышелъ на улицу. День былъ жаркій. Все вокругъ было запружено лошадьми, чемоданами, тюками, корзинами. Плакали, кричали, прощались, ругались, толкались. Я присѣлъ на тумбу и думалъ о своемъ новомъ положеніи.

Съ большевиками у меня все было порвано. Будущее не страшило. На другой тумбѣ, засунувъ руки въ карманы, сидѣлъ въ старой, чиненной и перечиненной тужуркѣ, студентъ. Щиблеты были на немъ рыжіе, по-

дошвы отставали; вмѣсто носковъ, виднѣлись портянки; было видно, что человѣкъ уже долгое время занимался тяжелой физической работой. И, сидя на тумбѣ, не обращая вниманія на окружающее, студентъ напѣвалъ пріятнымъ груднымъ голосомъ:

Страна родная,
Я умоляю и заклинаю,
Меня спасти...
Вѣтеръ родимый,
Образъ любимый
Свято хранимый
Мнѣ принеси...

Слова и дрожавшій отъ глубокаго чувства голосъ, всколыхнули меня. Есть еще люди, которые думаютъ, чувствуютъ и любятъ по-своему. Бездушный и безрадостный матеріализмъ, казнившій и убивавшій безъ всякаго милосердія людей, казался тѣнью, лишь временно затмившей людское сознаніе.

И съ легкимъ сердцемъ я всталъ и пошелъ дальше.

Проходя мимо пѣвца, я взглянулъ на него, онъ — на меня. И неожиданно мы улыбнулись другъ другу.

По дорогѣ я иногда останавливался и читалъ приказы кіевскаго коменданта Лациса, въ большомъ количествѣ расклеенные на всѣхъ стѣнахъ.

Однимъ приказомъ запрещалось выходить на улицу послѣ 6 часовъ вечера; а, такъ какъ мы уже жили на два часа впередъ, то въ дѣйствительности надо было сидѣть дома съ четырехъ часовъ дня.

Другимъ приказомъ домовые комитеты обязывались слѣдить за всѣмъ населеніемъ, особенно за мужскимъ; каждый день предсѣдатель домкомитета долженъ былъ давать свѣдѣнія въ милицію о всѣхъ вы-

бывшихъ и прибывшихъ, о ихъ полѣ, возрастѣ и отношенiи къ военной службѣ.

Запрещалось также «распространять ложные слухи, сѣять панику» и т. д.

Всѣ приказы кончались однимъ и тѣмъ-же: виновные въ неисполненiи сего будутъ разстрѣляны.

Было ясно, что это не простая угроза. Меня заинтересовало, кто могъ ихъ писать. Приказы были ясные, точные, краткiе. Врядъ-ли Лацисъ самъ могъ ихъ такъ составитъ. Садисту-латышу помогалъ кто-то другой, не лишенный таланта и административнаго опыта.

Проходя около станцiи Кiевъ-Товарный, я зашелъ пообѣдать въ желѣзно - дорожную столовую. Передъ ней уже стоялъ длинный хвостъ. Я сталъ въ очередь. Было около часа дня. Солнце немилосердно палило. Кто могъ, тотъ прятался въ тѣнь. Я стоялъ на самомъ солнцепекѣ, глядѣлъ на огороды, на блестѣвшiя рельсы и вытиралъ съ лица потъ. Вокругъ Кiева шла артиллерiйская пальба. Слышались рѣзкiе выстрѣлы трехдюймовокъ; ясно различались разрывы. Иногда тяжелое уханiе мортиры, отраженное небольшимъ туннелемъ, доходило до насъ могучимъ рокотомъ. Многiе поворачивали на этотъ звукъ головы — и только. Разговаривать никто не рѣшался. Мортира рявкнула еще ближе; зазвенѣли стекла.

Стоявшiй впереди меня безпокойно оглянулся.

— А, вѣдь, близко стрѣляютъ, товарищи, кто-бы это могъ быть?

На говорившаго обернулись. У него было сѣрое, матерчатого вида лицо, скверные зубы. Длинныя тонкiя губы будто-бы улыбались. Глаза бѣгали. На него поглядѣли — и промолчали. Кое-кто улыбнулся:

— Знаемъ тебя...

Наконецъ, насъ впустили въ столовую. Я съ нале-

та захватилъ мѣсто, наступивъ кому-то на ногу, и самъ получилъ локтемъ въ бокъ. Скверная, злющая баба поставила передо мной мисочку какого-то брандахлыста и тарелочку съ картофелемъ. Хлѣба не было. Я наскоро проглотилъ свой обѣдъ, расплатился и вышелъ.

Около Большого театра меня нагналъ Огонь.

— У насъ уже все кончено. Дѣла отвезли на пристань и служащихъ расчитали, — заявилъ онъ.

Мы пришли домой вмѣстѣ; я разобралъ вещи, устроился и остатокъ дня, благо нельзя было выходить, провели въ разговорахъ и воспоминаніяхъ.

На другое утро женщины пошли на базаръ, а насъ послали за хлѣбомъ. По дорогѣ я взялъ газету — за ночь было казнено совѣтской властью еще 26 человѣкъ.

Въ будочкѣ, гдѣ Огонь постоянно бралъ хлѣбъ, насъ встрѣтила женщина съ заплаканными глазами.

— Есть у васъ хлѣбъ? — спросилъ Огонь.

— Немного найдется для васъ, какъ для знакомаго. Но повѣрьте, меньше 100 рублей за фунтъ взять не могу.

— Ну, что-жъ, — сказалъ Огонь, — дайте, сколько можете...

— А у насъ большое горе, — заговорила женщина, взвѣшивая ковригу плохого чернаго хлѣба, — мужъ съ поѣзда бѣжалъ, скрывается теперь...

И, тихо говоря, женщина разсказала про свое несчастіе. Ея мужъ былъ желѣзно - дорожнымъ машинистомъ. Третьяго дня онъ явился на службу; ему дали вести длинный составъ. Пока онъ выбрался изъ Кіева, наступила ночь. На одной изъ ближайшихъ станцій его паровозъ толкнулъ броневикъ, стоявшій впереди, безъ огней. Комиссаръ броневого поѣзда, не слушая никакихъ оправданій, рѣшилъ машиниста разстрѣлять. Его окружили красноармейцы и повели на стан-

цію. Но было темно; на путяхъ вездѣ стояли большіе составы. Шедшій впереди красноармеецъ запнулся о шпалу и упалъ. Машинистъ воспользовался этимъ моментомъ и юркнулъ сначала подъ одинъ вагонъ, потомъ подъ другой, перебѣжалъ на другіе пути и легъ на шпалахъ подъ какими-то вагонами. Его поискали и бросили. Станцію бѣглецъ зналъ хорошо. Немного переждавъ, онъ направился къ пакгаузамъ, чтобы оттуда пробраться въ ближайшій лѣсокъ. Когда онъ пролѣзалъ подъ послѣднимъ поѣздомъ, изъ вагоновъ послышались какіе-то стоны. Онъ прислушался. Стонали люди. Машинистъ постучалъ въ полъ. Ему отвѣтили. Завязался разговоръ. Оказалось, что поѣздъ былъ съ заложниками. Чтобы имѣть за себя выкупъ въ тотъ моментъ, когда придется особенно скверно, большевики хватали кіевлянъ на базарахъ, на улицахъ, сажали въ вагоны, заколачивали досками и отправляли на сѣверъ въ концентраціонные лагеря.

Въ вагонѣ, съ которымъ разговорился машинистъ, оказалось 40 мужчинъ, 17 женщинъ и 5 дѣтей. Больше недѣли они не видѣли свѣта и не дышали свѣжимъ воздухомъ. Имъ ни разу не дали ни пить, ни ѣсть. Между ними было четыре покойника. Заложники молили дать имъ ведро воды. Это было невозможно. Насоса по близости не было; пола и стѣнъ голыми руками взломать было нельзя. Кромѣ того, шумъ привлекъ-бы вниманіе.. Все, что онъ могъ сдѣлать — это добраться до головныхъ вагоновъ, снять цѣпи и отвинтить смычку съ паровозомъ. Сдѣлавъ это машинистъ осторожно направился къ лѣсу. Тутъ онъ просидѣлъ до разсвѣта. Когда стала брезжить заря, откуда-то прилетѣли двѣ гранаты и разорвались у станціи. Поѣзда стали выходить на Бахмачъ. Машинистъ видѣлъ, какъ куцый поѣздъ съ заложниками пошелъ вслѣдъ за другими. Стража, нахо-

дившаяся въ переднихъ вагонахъ, ничего не могла подѣлать — шрапнели уже низко рвались надъ отъѣзжавшими. Послѣднимъ отходилъ броневикъ. Увидѣвъ, что часть поѣзда съ заложниками осталась на станціи, онъ открылъ по ней огонь изъ пулеметовъ и орудій. Вагоны вдребезги разлетались отъ гранатъ, горѣли, а несчастные выли.

Къ счастью одна граната попала въ паровозъ броневика. Подъѣхалъ добровольческій поѣздъ и въ щепки расколотилъ большевиковъ. Тѣ бросились изъ поѣзда, повставали на колѣни, подняли руки кверху.

— Мужъ подумалъ, что Кіевъ уже занятъ и пошелъ сюда пѣшкомъ. Къ счастью его никто не встрѣтилъ. Пришелъ, а большевики еще тутъ. Испугался, разсказалъ, что случилось съ нимъ, взялъ немного хлѣба и денегъ и пошелъ спрятаться куда-нибудь, — закончила женщина свой разсказъ.

Мы взяли хлѣбъ и пошли обратно. На стѣнахъ висѣли новые приказы, еще грознѣе прежнихъ. Попадавшіеся намъ навстрѣчу люди, приближаясь, переставали говорить и недовѣрчиво оглядывали насъ, а мы ихъ. Говорили всѣ только вполголоса, какъ мы съ Огнемъ. Ни на одномъ лицѣ не было видно улыбки, всѣ были хмурые, озабоченные.

На углу стоялъ милиціонеръ и внимательно глядѣлъ на проходящихъ. Огонь шепнулъ:

— Идемъ скорѣе, а то, чортъ его дернетъ, еще документы спроситъ. Заберетъ и насъ, и документы.

И, проходя мимо милиціонера, мы сильно прибавили шагу. Онъ посмотрѣлъ на насъ и, я увѣренъ, что не иди мы такъ быстро, онъ-бы задержалъ насъ. Я понялъ въ эти минуты, что такое терроръ.

Пришедшія съ базара сестры Огня, принесли не-

много сала и картофеля. Базаръ, по ихъ словамъ, былъ почти совсѣмъ пустъ; мужики жаловались, что при въѣздѣ въ городъ, большевистскія заставы отбирали у нихъ всѣ продукты.

— Бѣлымъ, что-ли, везете? — говорили красноармейцы.

Ночью, по обычаю всѣхъ совѣтскихъ гражданъ, мы ждали обыска. Обыски творились вездѣ. Правда, семья Огней и я были въ полномъ порядкѣ: Огни были польскими подданными, а я — самими-же большевиками два мѣсяца назадъ былъ признанъ негоднымъ къ военной службѣ. Но большевики всего боялись и не вѣрили никакимъ бумажкамъ, даже своимъ собственнымъ. Утромъ, мы съ Огнемъ вышли посмотрѣть, что дѣлается въ городѣ и за одно познакомиться съ новыми приказами Лациса. Одинъ изъ нихъ заставилъ насъ призадуматься. Именно, всѣмъ мужчинамъ безъ исключенія приказывалось явиться сегодня въ 5 часовъ вечера каждому въ свой участокъ и принести съ собой перемѣну бѣлья и запасъ провизіи на три дня. Неспособные передвигаться должны были представить медицинское свидѣтельство, удостовѣренное домовымъ комитетомъ, комиссаромъ и ужъ не помню еще, кѣмъ именно.

Предсѣдатели домовыхъ комитетовъ должны были представить самые точные списки; они-же своей головой отвѣчали за неявившихся.

Мы прочли этотъ приказъ и вернулись обратно, раздумывая, относится ли это къ намъ или нѣтъ.

Зашелъ предсѣдатель домоваго комитета съ вопросомъ, что же ему дѣлать съ нами. На совѣтѣ было рѣшено, что онъ насъ обоихъ выявитъ; въ случаѣ же обыска, мы будемъ прятаться.

— Не найдутъ — хорошо; найдутъ — дѣлать нечего, — рѣшили мы оба.

Къ нашимъ услугамъ были чердаки, подвалы, садъ. Пока же до прятокъ у насъ оставалось нѣсколько часовъ. Я сидѣлъ въ своей комнатѣ. Изъ-за тошнотворнаго смрада изъ Анатомического театра, окно пришлось закрыть. Около полудня проѣхало орудiе, запряженное парой голодныхъ, тощихъ лошадей. На одной изъ нихъ сидѣлъ верхомъ матросъ и, оглядываясь во всѣ стороны, нещадно колотилъ нагайкой одровъ. Противники, очевидно, мѣняли позицiю; артиллерiя молчала. Прохожихъ было очень мало. Около трехъ часовъ канонада возобновилась. Черезъ часъ отъ грохота дрожали стекла и гудѣла земля. Нѣсколько шрапнелей разорвалось высоко надъ Кiевомъ.

Предсѣдатель домоваго комитета, прижимая къ себѣ составленные списки, и, держась поближе къ стѣнкамъ, побѣжалъ въ милицiю. Минутъ черезъ пятнадцать онъ уже вернулся обратно.

Въ милицiи никого не было. Онъ засталъ лишь одного красноармейца, который срывалъ кисейныя занавѣски и связывалъ ихъ въ узелъ.

На вопросъ, гдѣ-же товарищъ комиссаръ, красноармеецъ отвѣтилъ:

— Товарищъ комиссаръ уѣхалъ; черезъ двѣ недѣли вернется; а если кому что надо — такъ я за него.

Около 5 часовъ на окраинахъ города послышалась пулеметная и ружейная стрѣльба. Густо пошли откуда-то красноармейцы; всякiй что-нибудь несъ, кто подушку, кто чемоданъ; словомъ, кому какое Богъ послалъ счастье. А заднiй тащилъ убитаго, бѣлаго съ чернымъ кролика. Винтовки были у немногихъ. Жители, мудрые, какъ змiи, стояли у воротъ и, будто бы равнодушно спрашивали:

— Куда Богъ несетъ, земляки?

— Втикаемо до хаты.

Наступилъ вечеръ. Противники держались по окраинамъ Кіева. Пользуясь тѣмъ, что въ центрѣ никого не было, преступный элементъ бросился грабить. Слышались крики и зовы на помощь. Предсѣдатель домового комитета досталъ откуда-то нѣсколько винтовокъ и предложилъ мужчинамъ нести охрану всю ночь. Съ сосѣдними домами былъ заключенъ оборонительный союзъ, на случай нападенія хулиганья. Сама по себѣ ночь была тихая, теплая, звѣздная; всѣ квартиранты повыходили на дворъ.

Большевики, отошедшіе куда-то на Подолъ, поставили тамъ свою артиллерію и изрѣдка стрѣляли въ сторону вокзала. Сначала виднѣлась вспышка, потомъ слышался визгъ снаряда, и черезъ нѣсколько секундъ разрывъ. Гдѣ-то загорѣлся домъ. Пламя было большое и сильное. Говорили, что это у вокзала.

Противникъ большевикамъ не отвѣчалъ. Онъ, очевидно, щадилъ городъ. Я прислушивался въ темнотѣ къ разговорамъ. У всѣхъ было радостное настроеніе, какъ въ Пасхальную ночь. Особенно счастливой была Елена Романовна. Несмотря на свое настоящее крестьянское происхожденіе, съ большевизмомъ она никакъ не могла примириться.

Въ немъ было что-то для нея абсолютно непріемлемое.

— Въ большевизмѣ ни крестьянскаго, ни рабочаго нѣтъ. Есть только рабоче-крестьянское раззореніе, — говорила она.

Я самъ чувствовалъ, какъ большая тяжесть спала съ души.

Важнымъ казалось не то, что чрезвычайки, разстрѣ-

лы, пытки и гнетъ отошли въ прошлое; самымъ важнымъ было то, что ушли ложь и обманъ, безъ мѣры настаивавшіе, что они единственная правда.

Ночь прошла спокойно. На зарѣ мы сдали наше оружіе и разошлись по домамъ.

Я сейчасъ же легъ и быстро заснулъ. Снилось что-то легкое и пріятное.

14 іюня 1925.

Парижъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Плѣнъ. — Изд. «Родникъ», Парижъ, 1927.

Забытые. — Изд. «Родникъ», Парижъ, 1928.

Исторія одного контролера. — Изд. «Родникъ», Парижъ, 1929.

ГОТОВИТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

У Бѣлыхъ.

Imprimerie PASCAL, 13, rue Pascal. — Paris (5e)

